K77 8/6

№776.
К 62 2/110
8/6 ст.
К 77
I 3/105

ЭПИЗОДЫ ВОЙНЫ.

Сборникъ разсказовъ участниковъ войны и корреспондентовъ различныхъ періодическихъ изданій.

Собралъ И. ТОНКОНОГОВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. Императорской Ник. Воен. Акад. Суворовскій пр., 32-б.
1916.

В. Р. № 7-26
К62 2/110
К77 8/6

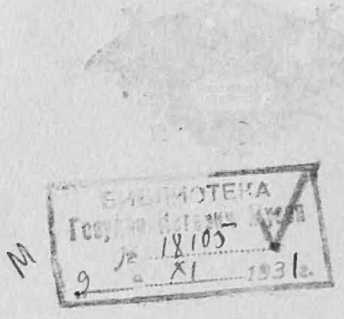
ЭПИЗОДЫ ВОЙНЫ.

Сборникъ разсказовъ участниковъ войны и корреспондентовъ различныхъ періодическихъ изданій.

Собралъ И. ТОНКОНОГОВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. Императорской Ник. Воен. Акад. Суворовскій пр., 32-б.
1916.

Изданіе состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА. Петроградъ. Мытнинская у., № 27.



Петроградъ, дозволено военной цензурой 24 іюля 1916 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Боевые эпизоды, которыми такъ богата современная великая война, представляютъ собою примѣры высокаго героизма, проявленнаго чинами нашей доблестной арміи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ участники войны и корреспонденты, разсказы которыхъ помѣщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Разсказы о наиболѣе выдающихся примѣрахъ мужества и героизма, о высокихъ подвигахъ милосердія и любви къ ближнему, о различныхъ случаяхъ изъ боевой жизни и проч., собраны нами въ настоящей книгѣ, съ указаніемъ источниковъ откуда они позаимствованы.

Книга назначается для чтенія въ частяхъ войскъ и народѣ. Лица, заинтересованныя воспитаніемъ солдата, и подростающаго поколѣнія найдутъ въ ней темы для бесѣдъ съ нижними чинами и школьниками.

И. Гонконоговъ.

ГЛАВА I.

Августѣйшія Сестры милосердія.

Ближайшее покровительство надъ всѣми лазаретами Царскаго Села и Павловска, составляющихъ царскосельскій районъ, принадлежитъ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

О высокихъ подвигахъ христіанской любви, проявляемыхъ въ царскосельской тиши Августѣйшими Сестрами милосердія читаемъ въ „Б. В.“ слѣдующее:

Первое посѣщеніе вновь выстроеннаго барака Государынею Императрицею и Великими Княжнами Ольгою Николаевною и Татьяною Николаевною произошло 9-го августа. Явившись безъ всякаго предупрежденія и подробно осмотрѣвъ палаты и служебныя комнаты, Ея Величество изволила повелѣть кн. В. И. Гедройцъ занять должность старшаго врача лазарета, выдѣленнаго изъ госпиталя, и прочесть Ея Величеству и Ихъ Высочествамъ рядъ лекцій по хирургіи, десмургіи и по уходу за ранеными въ объемѣ программы для сестеръ милосердія.

Лекціи начались со слѣдующаго дня, въ часы, которые благоугодно было Ея Величеству назначить, и съ тѣхъ поръ лекціи происходятъ аккуратно,—сперва каждый день, по 1½—2 часа въ день, а теперь, когда Августѣйшими Сестрами милосердія получены основательныя теоретическія и практическія подготовки,—по три раза въ недѣлю.

Со дня открытія лазарета Августѣйшія Сестры милосердія изволятъ ежедневно самымъ аккуратнымъ образомъ отъ 10 час. утра и до 1 ч. дня (иногда и позже) пребывать въ лазаретѣ, слушая лекціи, собственноручно дѣлая перевязки раненымъ воинамъ, присутствуя при операціяхъ, помогая медицинскому порсоналу, ухаживая за больными, утѣшая ихъ, входя во всѣ мельчайшія нужды лазарета.

Печатью глубокой серьезности и сознанія важности совершаемаго труда отмѣчена вся дѣятельность въ лазаретѣ Августѣйшихъ Сестеръ милосердія. И Государыня Импе-

ратрица и Августѣйшія Дочери исполняютъ самымъ внимательнымъ образомъ рѣшительно всѣ работы рядовой сестры милосердія, ни отъ чего не отказываясь, ничего не избѣгая.

Ея Величество и Ихъ Императорскія Высочества присутствуютъ при операціяхъ, не исключая даже самыхъ сложныхъ и мучительныхъ, и такъ какъ число таковыхъ значительно, то въ работѣ Ея Величества чувствуется основательный навыкъ. Ея Величество при операціяхъ, производимыхъ старшимъ врачемъ лазарета докторомъ медицины кн. В. И. Гедройцъ, исполняетъ всѣ обязанности хирургической сестры милосердія, подаетъ оператору всѣ нужные инструменты, а Великія Княжны подаютъ перевязочный матеріалъ (бинты, марлю и проч.).

По волѣ Государыни Императрицы, Великія Княжны работаютъ исключительно съ нижними чинами.

Своимъ внимательнымъ, опытнымъ, серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу Государыня Императрица подаетъ лучшій примѣръ всѣмъ остальнымъ сестрамъ милосердія. Перевязки,— рѣшительно всю работу хирургической сестры милосердія,— Ея Величество вмѣстѣ съ Великими Княжнами совершаетъ въ простотѣ любящаго христіанскаго сердца. И тѣ нѣсколько часовъ, которые проводятъ въ лазаретѣ Августѣйшія Сестры милосердія, положительно являются счастливѣйшими часами въ повседневной жизни раненыхъ воиновъ, вселяя въ ихъ души бодрость, надежду на выздоровленіе, глубокую, сердечную признательность.

Весь медицинскій персоналъ единодушно свидѣтельствуетъ, что тотъ душевный подъемъ, который испытываютъ раненые, при любящемъ и нѣжномъ уходѣ за ними Августѣйшихъ Сестеръ милосердія, въ значительной мѣрѣ ускоряетъ процессъ ихъ выздоровленія.

Неоднократно дворцовый лазаретъ посѣщали и Государь и Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшими Сестрами, Великими Княжнами Маріей Николаевной и Анастасіей Николаевной.

Въ заключеніе отмѣчу еще высокорадостное событіе въ жизни лазарета.

24-го августа лазаретъ осчастливилъ Своимъ посѣщеніемъ Государь Императоръ. Его Величество изволилъ подробно обозрѣвать всѣ палаты и служебныя помѣщенія лазарета, милостиво бесѣдовалъ со всѣми ранеными, разспрашивая ихъ объ условіяхъ, при которыхъ они получили раны.

Далѣе авторъ разсказа Г. Клепацкій переходитъ къ личнымъ впечатлѣніямъ.

Входимъ въ первую палату, гдѣ помѣщается шесть нижнихъ чиновъ.

На первой кровати отъ входа лежитъ, облокотившись на руку, совсѣмъ еще юный солдатикъ съ дѣтски открытымъ выраженіемъ глазъ и почти неисчезающей съ губъ улыбкою. Здоровается со мною и на вопросъ о здоровьѣ отвѣчаетъ:

— Слава Богу, теперь ничего. Вотъ скоро ходить буду...

— Да гдѣ тебѣ ходить?—вставляетъ сестра милосердія, стоящая у кровати.—Твоя нога вѣдь еще въ шинѣ... Ты вотъ лучше разскажи, Кто тебѣ сегодня перевязку дѣлалъ?

Маленькое лицо солдатика вдругъ отъ этого вопроса все разсвѣчивается, на исхудалыхъ щекахъ появляется румянецъ, глаза заблестѣли, улыбка исчезла.

— Ужъ очень хорошо,—говоритъ онъ почти шопотомъ,— у Великой Княжны это выходитъ, ну такъ хорошо, такъ хорошо, что и сказать не умѣю. Вотъ, такую даже малость не болитъ...

Онъ дѣлаетъ паузу, а затѣмъ, весь встрепенувшись, продолжаетъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Второй разъ мнѣ уже дѣлаетъ перевязку Великая Княжна! Я совсѣмъ выздоровѣлъ, помолодѣлъ на пять лѣтъ!

При послѣднихъ словахъ рядомъ лежащій тяжело раненый солдатъ не можетъ удержать добродушной улыбки. По глазамъ видно, что его забавляетъ „помолодѣніе“ этого юнца еще „на пять лѣтъ“. Но, когда до него самого доходитъ очередь разсказывать объ уходѣ за нимъ Августѣйшихъ Сестеръ милосердія, въ глазахъ его появляется такая же искренняя, идущая изъ глубины сердца восторженность.

Онъ раненъ пулею въ грудь на-вылетъ, съ раздробленіемъ плечевой кости.

— Я уже помиралъ,—говоритъ онъ тихимъ голосомъ,— да вотъ Господь сюда привелъ... Не знаю, чѣмъ я заслужилъ такую великую милость Господню... Спасли меня Царица-Матушка и Царскія Дочки...

*
* *

Одинъ раненый ротный командиръ, побывавшій въ лазаретѣ Ксеніевской общины „Краснаго Креста“, въ которомъ работаетъ Августѣйшая Сестра милосердія Великая Княгиня Ольга Александровна, разсказываетъ въ „Н. В“ слѣдующее:

— Я былъ раненъ; двѣ пули, одна въ палецъ лѣвой руки и другая въ лѣвую ступню не дали мнѣ возможности продолжать наступленіе. Больше всего я опасался за свой участокъ; мнѣ была дана самостоятельная задача и хотѣлось довести ее до конца; судьба рѣшила иначе: роту повелъ мой поручикъ и, какъ я потомъ узналъ, выбилъ противника изъ

окопа. Я же, стащивъ сапогъ, перевязалъ на-скоро ногу и прилегъ, такъ какъ шелъ бой и я не могъ пройти на перевязочный пунктъ. Въ это время шальная пуля ранила меня въ плечо; я схватился рукой за него, но въ ту же минуту впалъ въ обморокъ и что было дальше не знаю. Очнулся я на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ было много раненыхъ. Послѣ подачи мнѣ помощи, меня, въ числѣ многихъ, отправили въ лазаретъ Великой Княгини Ольги Александровны. Я не видалъ никогда Ея Высочество и когда ко мнѣ подошла сестра милосердія, небольшая, худенькая, съ лицомъ прекраснѣйшей доброты и нѣжности,—я не зналъ, кто была она.

— Нога вотъ..., говорю, да и плечо..., а рука—это пустое.

— Снимите рубаху, я осмотрю вашу рану, сказала тихо и просто сестра.

Я раздѣлся. Сестра осторожно сняла бинтъ, отмочила повязку, позвала врача и минутъ черезъ десять меня повели въ операціонную. Я былъ тамъ не одинъ. Когда до меня дошла очередь, начали очищать рану. Сестра, которая меня встрѣтила, стояла около; тутъ же былъ фельдшеръ и другія сестры; дальше—шли другія операціи. Плечо сильно болѣло, кость была разбита и выниманіе кусочковъ доставило мнѣ не мало боли.

— Пожалуйста, ваты, сказалъ докторъ:

Сестра подала.

— Мало...

Сестра подала громадный кусокъ, намоченный какой-то жидкостью. Далѣе—это были уже настоящія команды, которыя исполнялись сестрой безпрекословно, въ то время, какъ другая держала тазъ и полотенце, третья кипятила инструменты, а фельдшеръ держалъ руку и голову.

— Ваты! Воды!.. Ножницы № 6... Скорѣй! Примите руку... Ваты!.. Дайте шприцъ... скорѣе!..

Все это исполнялось моментально, безъ малѣйшаго смущенія и волненія; на меня въ упоръ смотрѣли два добрыхъ глаза, полныхъ нѣжности, состраданія и, какъ мнѣ казалось, печали: въ то же время эти глаза, смотрѣли строго и притягивали къ себѣ, заставляя на секунды отвлекаться отъ боли. Очистка кончилась.

— Можете сейчасъ же терпѣть перевязку ноги? спросилъ докторъ.

— Могу, сказалъ я.

Сестра развязала бинтъ и въ тазу, поданномъ фельдшеромъ и другой сестрой, начала мыть мою рану; послѣдняя

была не велика, но пуля прошла насквозь, кость не дала излучинъ и рана была довольно легкая. Но отъ долгаго времени снаружи начиналось нагноеніе, которое надо было очистить. Мягкими, нѣжными, осторожными руками сестры была промыта рана и докторъ сдѣлалъ, что нужно. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала перевязка пальца. Страданія обезсилили меня и въ безсознательномъ состояніи меня перенесли на кровать. Я не помню, что произошло потомъ, но часовъ около восьми я очнулся. Ко мнѣ подошла другая сестра; спросивъ, не надо ли чего, она бережно укрыла меня вторымъ одѣяломъ, поправила подушки и принесла чаю съ виномъ. Раны мои ныли, но были терпимы. Та же сестра принесла тазикъ съ теплой водой, отерла мнѣ лицо, руки, шею; я почувствовалъ себя свѣжѣе и бодрѣе. Я только что собирался приподняться, чтобы пить чай, какъ подошла та сестра, что мыла мнѣ рану, и, подхвативъ подъ здоровое плечо, помогла подняться. Затѣмъ она сѣла на краї кровати, налила въ блюдечко чаю и стала меня поить. Я совершенно ободрился.

— Вы семейный?—спросила сестра.—Дѣтки есть? Ну, что же, поѣдете ихъ провѣдать, а потомъ опять?..

Я отвѣчалъ, что черезъ мѣсяцъ я, должно быть, вернусь къ ротѣ.

— А вы очень любите свою роту? спросила сестра и, не дождавшись отвѣта, сказала:

— Вамъ надо спать, уже поздно, девять часовъ, а завтра поговоримъ...

Затѣмъ сестра встала, мягко провела рукой по моимъ волосамъ и какъ-то по-матерински, какъ помню въ дѣтствѣ мнѣ мама говорила, сказала:

— Ну, спите, будьте умницей...

— Сестра! остановилъ я.—Скажите: въ этомъ лазаретѣ работаетъ Великая Княгиня Ольга Александровна?

— Да, а что?

— Мнѣ бы повидать...

— А вамъ зачѣмъ? улыбнулась сестра.

— Да какъ же, говорю, вѣдь Царская сестра и вдругъ такую работу исполняетъ... да и потомъ говорятъ, она такая хорошая, добрая... мнѣ бы ручку поцѣловать Великой Княгинѣ...

— А вы мнѣ обѣщаете спать, если я это вамъ устрою?

— Обѣщаю, сказалъ я, ободрившись.

— Ну, цѣлуйте скорѣе и спите, сказала сестра и ладонью закрыла мнѣ ротъ.

— Я обомлѣлъ въ первую секунду, затѣмъ, схвативъ руку, прижалъ ее къ губамъ.

— Ваше Императорское Высочество...

Сестра тихо отвела руку и сказала:

— Зовите меня „сестрой“ и помните, что вы дали обѣщаніе спать.

Съ этими словами она отошла. Я не отрывалъ глазъ отъ сестры, которая медленной походкой обходила койки раненыхъ, поправляла, что нужно, и потомъ скрылась въ дверяхъ. Послѣдующіе дни, когда я пользовался лаской, уходомъ, вниманіемъ и любовнымъ отношеніемъ къ моимъ ранамъ со стороны Великой Княгини,—эти дни были для меня настоящимъ праздникомъ и до могилы не забудутся. Уѣзжая, дрожащими руками, забывъ свои раны, припалъ къ рукѣ сестры, и она говорила:

— Желаю вамъ здоровья и семьѣ вашей всего, всего лучшаго...

* * *

Пожилой штабъ-офицеръ, разсказываетъ.

— Когда я былъ раненъ тремя пулями пулемета, меня, по пріѣздѣ съ поля сраженія, направили въ ровненскій госпиталь, въ которомъ работаетъ Великая Княгиня Ольга Александровна.

Я увидѣлъ Ея Высочество въ первый же вечеръ, когда насъ привезли. Великая Княгиня, въ бѣломъ халатѣ и такой же наколкѣ, съ краснымъ крестомъ на груди и полотенцемъ черезъ плечо, стояла возлѣ раненаго въ бокъ офицера, которому врачъ дѣлалъ перевязку. Я послѣ перевязки поклонился Августѣйшей сестрѣ милосердія; она милостиво протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ. Сестра усадила меня на табуретъ, разспросила о ранѣ, и поручивъ другой сестрѣ, вышла. Былъ уже вечеръ, когда меня перевязали и уложили въ постель. Въ 7 часовъ утра на слѣдующій день Ея Высочество подошла къ моей кровати, сѣла и стала разспрашивать о раненіи, о боѣ, о семьѣ.

Я тихо отвѣчалъ на вопросы, не отрывая взора отъ ласковыхъ глазъ Великой Княгини. Рядомъ со мной лежалъ серьезно раненый капитанъ. Онъ повернулъ голову въ нашу сторону; Великая Княгиня наклонилась къ его лицу и тихо спросила, не надо ли ему чего; затѣмъ она медленно и нѣжно стала гладить капитана по головѣ, по лицу и говорила:

— Вамъ сегодня хорошо, вотъ мы сейчасъ помѣряемъ температуру.

Затѣмъ взяла со столика термометръ, сама поставила его больному и отмѣтила минуты.

Въ это время въ госпиталь вошелъ большого роста адмиралъ, который обходилъ раненыхъ и подошелъ къ намъ.

— Леля,—обратился онъ къ Великой Княгинѣ,—ты вѣдь совсѣмъ съ ногъ свалишься, иди спать, а то я самъ тебя уложу; иди отдохни.

Впослѣдствіе я узналъ, что это былъ Великій Князь Александръ Михаиловичъ.

— Ну, какъ дѣла капитанъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ моему сосѣду.

— Да ничего, отвѣтилъ тотъ! вотъ безпокоитъ меня одна мысль, а рана—это ничего, заживаетъ.

— Какая?—спросилъ Великій Князь.

— Да вотъ, уѣхалъ и не знаю, принятъ ли въ корпусъ сынишка, попалъ ли...

— Ну, попалъ навѣрное, сказалъ Его Высочество; это вамъ сегодня же сообщатъ...

— Какъ же это?—спросилъ капитанъ.

— Да вы ужъ не безпокойтесь. Какъ ваша фамилія? Какъ сына зовутъ?

Капитанъ заплакалъ. Великая Княгиня достала платокъ, вытерла лицо ему и, сказавъ что-то по-французски Великому Князю, вынула термометръ.

— Вотъ и молодцомъ вы сегодня, сказала она.

Великій Князь вышелъ, а Великая Княгиня подозвала сестру, сказала ей подать чай и пошла къ другимъ койкамъ. Цѣлый день я видѣлъ Ея Высочество то здѣсь, то тамъ. То отдавались распоряженія, то дѣлались перевязки, то она утѣшала и ласкала раненыхъ, то снова шла въ операціонную; видѣлъ я ее съ лѣкарствами и тазомъ на рукахъ, видѣлъ во время операцій. Я видѣлъ Великую Княгиню днемъ и ночью, рано утромъ и во время обѣда и чая; я всегда и постоянно видѣлъ ея нѣжную, ласковую, успокаивающую, худенькую фигурку, которая появлялась въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ нужнѣе помощь и утѣшеніе. Одно присутствіе Ея Высочества, съ ея манерой матери, любящей и нѣжной, вливало бодрость раненымъ и терпѣніе переносить страданія боли. Эта сестра утѣшенія была предметомъ нашего благоговѣнія и безконечной любви къ ней.

Вечеромъ капитанъ получилъ телеграмму, которую принесъ ему Великій Князь Александръ Михаиловичъ.

— Сынъ вашъ принятъ въ кадетскій корпусъ, прочи-

талъ Его Высочество, и капитанъ залепеталъ слова благодарности.

— Молчите, молчите,—строго сказалъ Великій Князь, вамъ нуженъ покой, не плачьте; сестра сердится, что вы плачете...

Дней черезъ десять меня перевели.

Уѣзжая, я подошелъ къ Великой Княгинѣ, поблагодарилъ за все. Она протянула мнѣ руку, взяла за голову, и погладивъ по лицу, сказала:

— Ну, будьте умницей, будьте здоровы!

Слезы стояли на моихъ глазахъ.

— Ваше Императорское Высочество, обратился я, удостойте написать мнѣ на память что-нибудь...

Великая Княгиня взяла листокъ бумаги и карандашемъ написала: „На добрую память подполковнику N-го полка NN. Великая Княгиня Ольга Александровна".

Я храню, буду хранить и заповѣдаю хранить своимъ дѣтямъ эту надпись, какъ драгоцѣннѣйшее воспоминаніе о лазаретѣ и нашемъ „ангелѣ-утѣшителѣ", какъ называютъ раненые Государеву Сестру, сестру милосердія.

ГЛАВА II.

Эпизоды войны.

Примѣры самообладанія.

„Свѣтъ“ передаетъ слѣдующій эпизодъ, характеризующій высокій подъемъ духа въ нашей арміи и поразительное самообладаніе отдѣльныхъ чиновъ:

„Кончился бой, въ которомъ принималъ участіе и конно-гренадерскій полкъ. Командиръ полка полковникъ Лопухинъ принимаетъ рапортъ:

— Выбыло изъ строя 200 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

— Нижнихъ чиновъ раненыхъ сколько?

— Столько-то.

— Офицеровъ?

— Столько-то.

— Убитыхъ нижнихъ чиновъ?

— Столько-то.

— Офицеровъ?

— Одинъ.

— Кто изъ офицеровъ?

— Корнетъ Лопухинъ.

Смотрѣлъ я на командира. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ. Точно изваянный, въ грозномъ величіи сидѣлъ онъ на своемъ конѣ. Короткая, жуткая пауза.

— Гдѣ находится убитый корнетъ?

Указали ему. Подъѣхалъ къ убитому сыну, слѣзъ съ лошади, наклонился къ покойнику, приподнялъ обѣими руками голову, долго глядѣлъ въ лицо сына, поцѣловалъ его въ губы и въ лобъ, перекрестилъ, сѣлъ на коня и уѣхалъ распоряжаться. Ни одной слезы не уронилъ, никакого замѣшательства не обнаружилъ. А говорятъ, что это онъ потерялъ единственнаго сына“.

А вотъ еще объ одномъ аналогичномъ случаѣ разсказалъ прибывшій въ Петроградъ раненый офицеръ:

„Мы лежали въ окопахъ подъ ужаснымъ пулеметнымъ огнемъ непріятеля. Мой товарищъ поручикъ К., лежавшій рядомъ со мною въ окопахъ, былъ раненъ въ ногу. Не обращая вниманія на рану, онъ продолжалъ стрѣлять, а затѣмъ приподнялся, чтобы точнѣе опредѣлить разстояніе для прицѣла и упалъ, сраженный пулей.

Въ скоромъ времени стрѣльба по нашему окопу была нѣмцами прекращена. Мы тоже цѣпью бросились впередъ и, послѣ ожесточенной схватки съ нѣмцами, выбили ихъ изъ окоповъ. Послѣ окончанія боя къ нашей ротѣ подъѣхалъ генералъ, отецъ павшаго на нашихъ глазахъ поручика К. „Гдѣ мой Александръ?“—спросилъ онъ. Одинъ изъ насъ молча указалъ генералу то мѣсто, гдѣ остался лежать трупъ погибшаго товарища. Генералъ подъѣхалъ къ трупу сына, слѣзъ съ коня, перекрестилъ трупъ, перекрестился самъ и затѣмъ сѣлъ на коня и медленно удалился отъ насъ. Въ это время подоспѣли наши санитары и подобрали трупъ павшаго поручика“. („Г. Р.“)

Сибиряки.

Въ первое наступленіе нѣмцевъ къ Варшавѣ самый сильный напоръ германскихъ войскъ обрушился, главнымъ образомъ, на геройскіе сибирскіе полки, которые покрыли себя неувядаемою славою.

Дивизіямъ смерти противника могли противустоять только полки богатырей.

Вотъ что мы читаемъ въ „Рус. Сл.“ объ одномъ изъ этихъ полковъ, которымъ командовалъ А. И. Москвинъ, павшій въ бою подъ Волей-Шидловской.

Нѣмцы укрѣпились въ этомъ селѣ. Наша ариллерія бомбардировала этотъ важный стратегическій пунктъ и зажгла его своими снарядами. Но нѣмцы, закопавшись въ землю, продолжали стойко держаться въ селеніи. Тогда А. И. Москвинъ получилъ приказъ взять Волю-Шидловскую штурмомъ. Онъ немедленно повелъ свой полкъ въ атаку.

Подошли уже близко, но наткнулись на проволочныя загражденія. Вызванные изъ ротъ охотники поползли впередъ и начали перерѣзать ножницами проволоку.

Остальные, окопавшись, открыли въ это время огонь по нѣмецкимъ окопамъ. Нѣмцы отвѣчали. Вслѣдъ за ружейнымъ огнемъ заговорили нѣмецкія батареи и начали осыпать сибиряковъ градомъ шрапнелей. Пришлось отойти нѣсколько назадъ.

А. И. Москвинъ—ветеранъ японской кампаніи, портъ-артурецъ. Видимо, онъ былъ не доволенъ, что наша атака замедлилась. Отойдя въ сторону, чтобы не привлечь опять на свой полкъ непріятельскаго огня, онъ въ бинокль наблюдалъ за позиціями врага и за работой своихъ охотниковъ. Вотъ охотники поползли назадъ,—очевидно, проволока уже перерѣзана...

Въ этотъ моментъ осколкомъ снаряда А. И. Москвина ударило въ руку и оторвало ему три пальца. Солдаты и офицеры бросились къ нему и умоляли немедленно отправиться на полевой перевязочный пунктъ, чтобы сдѣлать перевязку. Но Москвинъ обмоталъ руку носовымъ платкомъ и приказалъ подать лошадь. Вскочивъ на нее, онъ крикнулъ, обращаясь къ солдатамъ:

— Товарищи, впередъ! Не посрамите старика!

И, пришпоривъ лошадь, первый бросился навстрѣчу врагамъ.

Нѣмцы встрѣтили нашу атаку ураганомъ ружейнаго, пулеметнаго и орудійнаго огня. Отъ свиста и грохота рвущихся снарядовъ не слышно было словъ команды. Но сибиряки видѣли впереди себя своего командира, несущагося прямо въ огонь, и съ крикомъ „ура!“ бѣжали за нимъ.

Вдругъ впереди А. И. Москвина взвился столбъ дыма, и Москвинъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью. Осколки снарядовъ попали ему въ голову, грудь и въ полость живота. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ, на глазахъ своего полка.

Трудно представить себѣ ярость сибиряковъ, беззавѣтно любившихъ своего героя-командира. Сразу стихло „ура!“; молча, стиснувъ зубы, еще быстрѣе бросились они впередъ и вихремъ ворвались въ Волю-Шидловскую. Роты, бывшія впереди, перескочили черезъ первую линію окоповъ, черезъ головы опѣшившихъ нѣмцевъ, и сразу ворвались во вторые окопы. Всѣ до одного нѣмца, засѣвшіе тамъ, были переколоты. Одновременно подбѣжавшими новыми ротами были переколоты нѣмцы въ первой линіи окоповъ.

Воля-Шидловская была занята. Пулеметы, стоявшіе въ селеніи, были захвачены.

Это было 21-го января. Три дня послѣ этого нѣмецкій штабъ высылалъ свои „батальоны смерти“ отбивать обратно Волю-Шидловскую. Атаки шли за атаками. Но Воля-Шидловская осталась за нами.

* * *

„Г. М.“ отмѣчаетъ такой эпизодъ:

„Въ февралѣ подъ Праснышемъ сдался въ плѣнъ нѣмецкій батальонъ въ 800 человѣкъ съ офицерами, при оружіи.

Положеніе германцевъ не вынуждало къ этому. Одинъ изъ нашихъ сибирскихъ полковъ вышелъ во флангъ батальону и сталъ окружать его съ тыла, хотя дальше стояли нѣмецкіе резервы, которые могли быстро подойти къ батальону, и безъ того достаточно сильному.

Къ нѣмецкому батальону подскакалъ русскій офицеръ и объявилъ себя парламентеромъ:

— Я отъ N сибирскаго полка. Вы нами окружены. Мы требуемъ сдачи и даемъ вамъ пять минутъ на размышленіе. Если черезъ пять минутъ вы не сдадитесь, то мы ударимъ въ штыки,—и тогда уже „плѣнныхъ“ не будетъ.

Сибирская извѣстность выручила. Черезъ пять минутъ нѣмцы сдались. Быструю и рѣшительную сдачу батальонный командиръ затѣмъ такъ объяснялъ въ русскомъ штабѣ:

— Передъ нами были сибиряки!

Честь и слава доблестнымъ сынамъ далекой окраины русской земли!

Приключенія трехъ пограничниковъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ при отходѣ нашихъ нѣкоторыхъ конныхъ частей за Днѣстръ, разъѣздъ изъ трехъ нижнихъ чиновъ 5-й сотни коннаго пограничнаго полка, подъ начальствомъ удалого унтеръ-офицера Лаврика, уже не разъ отличавшагося за эту войну храбростью и находчивостью, ночью наткнулся на значительныя непріятельскія силы, впереди которыхъ продвигалась непріятельская цѣпь. Пользуясь темнотой, Лаврикъ съ двумя товарищами кинулся въ шашки на ближайшихъ австрійцевъ, срубилъ, опрокинулъ нѣсколько человѣкъ и понесся стороной по полю, въ направленіе къ Днѣстру, провожаемый частой ружейной стрѣльбой. Пули свистѣли около нихъ, чмокались въ землю, подъ ноги лошадямъ, и одной изъ нихъ, въ концѣ концовъ, была тяжело ранена лошадь одного изъ пограничниковъ... Увидя товарища упавшимъ и рѣшивъ, что онъ убитъ, Лаврикъ съ другимъ пограничникомъ продолжали скакать дальше, тѣмъ болѣе, что за ними уже неслись въ погоню австрійскіе кавалеристы... Впереди показалось какое-то селеніе... Предполагая, что это селеніе занято русскими войсками, преслѣдуемые австрійскими кавалеристами пограничники понеслись къ селенію, но, влетѣвъ туда, замѣтили массу австрійскихъ солдатъ. Чтобы спастись отъ преслѣдователей, пограничникамъ не оставалось ничего дру-

гого, какъ проскакать селеніе, но тутъ началась настоящая травля... Со всѣхъ сторонъ на поимку бѣглецовъ бѣжали австрійскіе пѣхотинцы, пытаясь преградить имъ путь, забѣгая сбоку, трещали выстрѣлы, свистѣли пули. Увертываясь отъ враговъ, пограничники съ главной улицы свернули въ одну изъ боковыхъ, извилистыхъ улочекъ, изъ нея въ другую, проскочили черезъ какія-то ворота, перемахнули черезъ немного похилившійся плетень, пронеслись по задворкамъ и, выскочивъ въ чистое поле, позади селенія, помчались къ рѣкѣ... Австрійскіе кавалеристы, потерявшіе было ихъ изъ виду въ селеніи, снова припустились за ними, разсчитывая захватить у рѣки, гдѣ не было моста, а теченіе быстрое и рѣка глубокая... Доскакавъ до рѣки, пограничники увидѣли передъ собою крутой обрывистый берегъ и далеко за нимъ темныя волны широкой, бурливой рѣки... Недалеко за собой они слышали мѣрный топотъ несущихся лошадей, казалось, плѣнъ неизбѣженъ, и будь австрійцы на ихъ мѣстѣ, они бы ни минуты не задумавшись сдались, но нашимъ пограничникамъ и въ голову не приходила мысль о сдачѣ... Пріостановивъ коней, чтобы дать имъ перевести духъ и немного успокоить дыханіе, они поджидали погоню и когда та была въ нѣсколькихъ шагахъ, кинулись, какъ нѣкогда казаки Тараса Бульбы, преслѣдуемые поляками, подъ кручу прямо въ рѣку... Уже въ водѣ оба соскакиваютъ съ лошадей, хватаются за гривы и плывутъ, одѣтые, съ винтовками за плечами, съ шапками, переброшенными черезъ спину... Нѣсколько пуль, пущенныхъ австрійцами наугадъ въ догонку, просвистали мимо... На разсвѣтѣ оба молодца, измученные, промокшіе насквозь, на измученныхъ лошадяхъ благополучно добрались до своего полка, гдѣ ихъ считали погибшими, принеся вѣсть о гибели ихъ третьяго товарища... Но прошло еще около недѣли и этотъ третій, точно воскресшій изъ мертвыхъ, цѣлымъ и невредимымъ явился въ полкъ. Исторія его спасенія была еще интереснѣе.

Когда его лошадь упала и товарищи ускакали, онъ съ ловкостью дикой кошки, пригнувшись къ землѣ, шмыгнулъ въ ближайшіе кусты и залегъ тамъ... Черезъ минуту мимо него быстрымъ галопомъ пронеслось десятка полтора австрійскихъ кавалеристовъ... Онъ видѣлъ, какъ двое пріостановились было надъ его издыхающей лошадью, но, не слѣзая съ сѣделъ, постояли съ минуту и поскакали дальше. Не теряя времени, пограничникъ поднялся изъ кустовъ и во весь духъ побѣжалъ въ противоположную сторону... Пробѣжавъ версты двѣ, онъ опять залегъ, поле-

жалъ нѣсколько минутъ, перевелъ духъ и затѣмъ скорымъ шагомъ пошелъ, куда глаза глядятъ... На разсвѣтѣ онъ достигъ какого-то селенія и юркнулъ въ ближайшій сарай, зарылся съ головой въ солому... Усталость и волненія ночи превозмогли сознаніе опасности и онъ крѣпко заснулъ. Долго ли спалъ онъ, онъ этого сказать не могъ, проснулся, точно его кто въ бокъ толкнулъ... Смутное, неясное сознаніе близкой опасности коснулось сонной мысли; онъ широко открылъ глаза и заглянулъ сквозь щель плетенаго изъ ивовыхъ вѣтокъ сарая... Отрядъ непріятельской кавалеріи не менѣе двухъ эскадроновъ двигался къ деревнѣ и былъ отъ нея не далѣе, какъ въ полуверстѣ.

Находчивая мысль подсказала бѣглецу что, занявъ селеніе, австрійцы начнутъ размѣщать своихъ коней по сараямъ, таскать солому, и такимъ образомъ, онъ будетъ немедленно открытъ... Сообразивъ это, пограничникъ выбѣжалъ изъ сарая и бросился въ ближайшую хату... Хозяинъ ея, сѣдой старикъ, такой же малороссъ и православный, оказался человѣкомъ сердечнымъ и преданнымъ русскимъ. Безъ всякихъ просьбъ со стороны пограничника, онъ повелъ его на чердакъ хаты и тамъ спряталъ въ углу, между разнымъ домашнимъ хламомъ. Скоро австрійцы заняли селеніе. Лежа на чердакѣ, нашъ солдатъ слышалъ мѣрный топотъ коней по улицамъ, командныя слова, возгласы людей и ржаніе коней... Затѣмъ слышалъ, какъ хлопали отворяемыя двери, какъ, стуча ногами и бренча шпорами и палашами, входили въ хату австрійскіе солдаты, временно размѣщались въ ней, разговаривали съ хозяиномъ и между собою, передвигали лавки, очевидно усаживаясь къ столу закусывать... Кричали, пѣли, бранились... Цѣлыхъ двое сутокъ простояли австрійцы въ селеніи, сперва кавалерія, затѣмъ сразу смѣнившая ее пѣхота, цѣлыхъ двое сутокъ нашъ солдатъ пролежалъ безъ движенія на чердакѣ, безъ пищи и даже безъ воды... Наконецъ на третій день, къ вечеру, хозяинъ прилѣзъ къ нему на чердакъ, принесъ крынку молока, кусокъ хлѣба и коробку австрійскихъ солдатскихъ консервовъ, обѣщая ночью выпустить и указать дорогу...

Была глухая полночь, когда пограничникъ, въ сопровожденіи хозяина, вышелъ изъ селенія. Выведя его на дорогу, хозяинъ простился съ нимъ и поспѣшилъ назадъ, а пограничникъ пошелъ по указанному ему направленію... Подходя къ лѣсу, онъ увидѣлъ костры и услыхалъ смутный гулъ человѣческихъ голосовъ... Несомнѣнно, лѣсъ былъ занятъ австрійцами. Надо было мѣнять направленіе пути. Соскочивъ въ канаву, пограничникъ, пригибаясь къ землѣ, про-

шелъ еще нѣсколько саженъ впередъ до глубокаго оврага, спустившись въ который, густыми кустарниками прошелъ еще съ версту, держа направленіе по звѣздамъ, и снова вышелъ въ поле. Короткая лѣтняя ночь быстро близилась къ концу, надо было спѣшить... Онъ напрягъ всѣ силы и то бѣгомъ, то шагомъ пустился въ направленіи, гдѣ, по его расчетамъ, должна была быть рѣка; на разсвѣтѣ совершенно измученный, обезсилѣвъ отъ долгой, утомительной ходьбы и отъ всего пережитаго за эти дни, онъ достигъ рѣки и повалился на ея берегу. Плыть на другую сторону въ состояніи такой усталости было слишкомъ рисковано и онъ рѣшилъ „отлежаться“... Но не долго пришлось ему отлеживаться. Не прошло и часу, какъ вдали показались конные разъѣзды непріятеля... Скинувъ съ себя всю одежду, оставшись въ одномъ бѣльѣ, пограничникъ подползъ къ гребню обрыва и залегъ, поджидая австрійцевъ, далекихъ отъ всякой мысли о возможности присутствія на этомъ берегу кого-либо изъ русскихъ... Подпустивъ передового дозорнаго шаговъ на 600, пограничникъ тщательно прицѣлился... Грянулъ выстрѣлъ и австрійскій кавалеристъ тяжело рухнулъ съ лошади... Закинувъ винтовку за плечи, пограничникъ, не теряя времени, бросился въ рѣку и поплылъ на другую сторону... Но посреди рѣки силы стали ему измѣнять, винтовка, давя грудь и спину, тянула внизъ... Послѣ нѣкотораго колебанія, сознавая, что ему съ винтовкой не выплыть, солдатъ очень неохотно снялъ ее съ себя и опустилъ на дно, послѣ чего, долго проборовшись съ теченіемъ, онъ почти въ полусознательномъ состояніи не столько самъ выплылъ, сколько былъ выброшенъ на берегъ теченіемъ. Забравшись въ кусты, онъ нѣсколько часовъ пролежалъ, какъ трупъ, и только къ вечеру, набравшись силъ, съ трудомъ поднялся и побрелъ разыскивать какую-нибудь ближайшую воинскую часть. По счастью онъ скоро набрелъ на одну изъ ополченскихъ дружинъ, гдѣ его накормили, отогрѣли, одѣли и указали направленіе, въ которомъ ушелъ его полкъ. („Н. В.“)

Путешествіе въ бревнѣ.

Во время осады Перемышля, на одномъ изъ сѣверныхъ участковъ обложенія, сторожевой постъ, стоявшій на самомъ берегу Сана, однажды ночью замѣтилъ среди рѣки небольшое бревно.

Ночь была лунная, яркая,—на серебристой глади рѣки

каждое движеніе бревна было отлично видно. И вотъ замѣтили дозорные, что бревно плыветъ совсѣмъ не такъ, какъ нужно плыть бревну.

Плыветъ ровненько, не ворочается и отъ средины рѣки ни вправо, ни влѣво ни-ни. Дозорные дали знать на сосѣдній постъ внизъ по рѣкѣ. А тамъ лодка была. Подплываетъ бревно къ тому посту, а ему лодка на перерѣзъ съ тремя дозорными. И вдругъ чудо—повернуло бревно переднимъ концомъ къ лѣвому берегу, а у берега въ томъ мѣстѣ цѣлый лѣсъ камышевый и поплыло поперекъ теченія быстро-быстро. Конечно, наши въ лодкѣ догнали, веслами по бревну подтолкнули его къ чистому берегу, выкатили на песочекъ.

— Вылѣзай!—кричатъ.

И вылѣзъ изъ бревна австрійскій унтеръ-офицеръ.

Оказывается рѣшилъ онъ пробраться сквозь линіи обложенія съ очень важнымъ порученіемъ. Какъ проберешься? Думалъ, думалъ и надумалъ. Выдолбили по его порученію бревно, осмолили; въ передней стѣнкѣ сдѣлали отверстіе для глазъ, а въ крышкѣ нѣсколько отверстій для воздуха. Подъ дно короткія лопасти и руль. Положилъ бравый унтеръ въ бревно немного провизіи, легъ самъ и отправился въ опасное путешествіе. Плылъ только ночью, а днемъ прятался въ прибрежныхъ камышахъ. Двое сутокъ сошло благополучно, а вотъ на третью ночь попался. Послѣ допроса къ нему ротный командиръ подошелъ. Зато, говоритъ, что ты такой молодчина, вотъ тебѣ отъ меня, русскаго офицера, рубль серебромъ. Бери, въ плѣну пригодится.

(„Р. И.“)

Въ Перемышлѣ.

Наши солдаты, случалось, ухитрялись пробираться въ осажденный Перемышль. Вотъ разсказъ одного солдатика.

„Мы давно задумали сходить въ крѣпость—я съ Борисенкомъ, да ротный все говорилъ: „пропадете“. А только, какъ все обдумали и узнали, такъ и доложили: „хотимъ итти“.

Достали хлопскую одежду, дали намъ сала, хлѣба по мѣшку. Положили мы ихъ на плечи и пошли.

Прошли за наши линіи, идемъ лѣсомъ, а вышли мы рано подъ утро, еще темно было. Ихъ часовыхъ миновали. Только ужъ почти подъ самымъ фортомъ ихъ разъѣздъ встрѣтился.

— Что несете?—спрашиваетъ.

Я отвѣчаю—хлѣбъ.

— Давай намъ нашу порцію...

Дали имъ по куску хлѣба и соли. Слѣзли всѣ съ лошадей, поѣли и со мной поговорили. Спросили изъ какихъ мѣстъ.

Я сказалъ изъ подъ Ярослава и деревню назвалъ.

— „Идите, говорятъ, въ городъ, за все деньги хорошія получите и другимъ скажите, чтобы приносили".

Мы прошли мимо форта, а тамъ и въ городъ самый пришли когда уже свѣтло стало. Продали все для войска. Ну, и походили вездѣ и достаточно слушали. Кое-что узнали, цѣлый день пробыли, а подъ вечеръ пошли обратно. Хорошо что ночь была темная, ни зги не видать и снова мимо австрійцевъ прошли. Никто насъ не замѣтилъ, а вотъ наши чуть-чуть не застрѣлили. Трудно приходится въ крѣпости. Припасовъ мало и снарядовъ тоже... Но только они надѣются на помощь германскихъ войскъ". („Разв.")

Въ окопахъ.

„Бой въ полномъ разгарѣ. Жужжатъ, какъ шмели, пули. Трещатъ пулеметы. Рвется надъ головами шрапнель. Гдѣ-то кричатъ „ура". Все огромное предгорье застлано орудійнымъ дымомъ.

Около одной горы было сравнительно спокойно. Тутъ шло саперное сраженіе. Русскіе и австрійцы докопались до того, что стрѣлять стало невозможно. Разстояніе всего тридцать шаговъ. Высунуть пальца нельзя. Сначала русскіе кидали въ австрійцевъ ручными гранатами, а потомъ и это занятіе почему-то бросили. Стояли тихо и копали вдоль и поперекъ, подбираясь къ противнику. Стали ясно слышны голоса австрійцевъ.

Однажды изъ непріятельскихъ окоповъ донесся крикъ:

— Эй, русскіе! Идите къ намъ въ гости!

— Стрѣлять будете?—отвѣчаютъ наши.

— Даемъ слово не стрѣлять.

— Хорошо, придемъ!..

— Ребята, кто хочетъ къ австрійцамъ въ гости итти? У нихъ водка есть.

Отозвались пятеро и крикнули австрійцамъ:

— Идемъ!

Тѣ посовѣтовали:

— Ползите осторожнѣе, чтобы артиллерія не замѣтила.

Поползли солдаты. Проползли счастливо и свалились къ австрійцамъ въ окопы. Тѣ радостно встрѣтили ихъ. Познакомились, пожали руки и стали ихъ угощать. А бой идетъ: жужжатъ пули, рвется шрапнель... Просидѣли солдаты полчаса, напились, наѣлись и встали:

— Покорно благодаримъ!

Уходя, они сказали австрійцамъ:

— Теперь вы впятеромъ къ намъ въ гости.

Австрійцы согласились, но поставили условіемъ, чтобы одинъ изъ русскихъ остался у нихъ заложникомъ.

— Значитъ, вы намъ не вѣрите?

— Вамъ вѣримъ, а своимъ нѣтъ,—уйдутъ и не придутъ.

Солдаты согласились оставить заложника. Но никому изъ нихъ не хотѣлось оставаться. Тогда жребіемъ рѣшили споръ. Остался Потаповъ.

Поползли пятеро австрійцевъ къ русскимъ въ гости. Наши встрѣтили ихъ. Посидѣли, поговорили. За разговоромъ прошло полчаса. Надо австрійцамъ уже домой уходить, а они и не думаютъ, сидятъ и разговариваютъ. Ужъ надоѣли.

Наконецъ, встали и объявили:

— Мы назадъ не пойдемъ!

— Какъ такъ?—А заложникъ?

— Заложникъ одинъ, а насъ пятеро.

— Онъ одинъ дороже васъ пятерыхъ.

Поспорили и поссорились:

— Никакихъ правовъ не имѣете, — говорили наши солдаты:—пришли въ гости, а хотите оставаться совсѣмъ! Гдѣ же это видано? Хороши гости!

У австрійцевъ свои резоны:

— Нечего намъ тамъ дѣлать. Мы—славяне, ваши братья. Наконецъ, въ окопахъ мы все равно, не удержимся. Берите насъ въ плѣнъ!

Кто то предложилъ гнать безцеремонныхъ гостей. Но исполнить этого было нельзя. Какъ ихъ прогонишь, когда они упираются? Борьбой привлечешь артиллерійскій огонь.

— Чортъ съ ними, оставайтесь!

Крикнули заложнику:

— Прощай, братъ Потаповъ! Жалко намъ тебя, но ничего сдѣлать не можемъ!

— Почему такъ?

— Австріяки подвели, не хотятъ итти назадъ!

— А вы ихъ прикладами!

— Нельзя!

Потаповъ долженъ былъ остаться въ плѣну.

Къ утру русскіе бросились въ атаку, и ходившіе другъ къ другу въ гости люди дрались какъ звѣри". („Р. С.")

Бабы спасли.

Въ одномъ изъ принѣманскихъ районовъ имѣлъ мѣсто слѣдующій любопытный случай.

Два нашихъ летчика отправились въ развѣдку. Погода вполнѣ благопріятствовала, моторъ работалъ великолѣпно и желаніе собрать какъ можно больше данныхъ о непріятелѣ было непреоборимое. Летчики, по условіямъ своей службы, должны были пробыть въ воздухѣ въ данномъ направленіи лишь извѣстное количество часовъ, между тѣмъ они такъ увлеклись своимъ дѣломъ, что пробыли подъ небесами нѣсколько больше. И вотъ, когда они летали надъ германскими расположеніями, то обнаружилась недохватка необходимаго продукта, а между тѣмъ расходъ его требовался огромный, такъ какъ германцы ихъ замѣтили и собирались подвергнуть артиллерійскому обстрѣлу. Рѣшивъ избѣжать гибели во время стрѣльбы, въ виду невозможности маневрировать по условіямъ приближавшагося момента, летчики скрылись за облака, углубились въ тылъ непріятеля и тамъ спустились въ одной изъ литовскихъ деревушекъ. Деревенскія бабы, узнавъ русскихъ летчиковъ, помогли сейчасъ же разобрать аппаратъ и надежно спрятать цѣнныя его части, а затѣмъ дали имъ свои кофты и юбки, въ которыя наши герои переодѣлись. Затѣмъ, когда вмѣсто летчиковъ изъ сарая вышли двѣ типичныя хохлушки, бабы захватили съ собою корзинки и направились черезъ германскія позиціи къ русскимъ войскамъ. Шли они нѣсколько верстъ. Летчики въ юбкахъ, уже видѣвшіе германскую силу съ высоты птичьяго полета, теперь видѣли германцевъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Германцамъ, разумѣется, и въ голову не пришло, что въ числѣ бабъ-литовокъ, объясняющихся съ ними по-нѣмецки, находятся „руссъ-птица", которыхъ они еще такъ недавно готовились „снять" изъ-подъ небесъ. Летчики, такимъ образомъ, прошли до послѣдняго германскаго опорнаго пункта, т.-е. до самаго опаснаго мѣста. Тутъ летчикамъ уже пришлось думать о себѣ самимъ. И летчики, долго не раздумывая, мигомъ сбросили съ себя

юбки и бросились въ Нѣманъ. Тутъ поднялась среди германцевъ невѣроятная тревога. Германцы догадались, что въ рѣку бросились русскіе, и открыли по нимъ адскій ружейный огонь. Не теряя присутствія духа, хорошо кромѣ того плавая, летчики погрузились на дно Нѣмана, взяли тутъ нѣсколько въ сторону, выплыли наружу и поплыли. Опять адская стрѣльба съ берега и опять тотъ же подводный маневръ летчиковъ-пловцовъ. Въ концѣ концовъ летчикамъ удалось благополучно переплыть быстрый и широкій Нѣманъ, выйти на берегъ и возратиться въ свою часть. Дѣло было сдѣлано, цѣнныя части аппарата спасены отъ германцевъ, но пришли летчики въ полкъ почти нагими.

Много смѣялись при видѣ голыхъ героевъ, но за то и дивились находчивости и хладнокровію летчиковъ. А летчики скромно говорили: „Насъ бабы спасли“. („Л. Р.“)

Подъ Мезо-Лаборчемъ.

Русскія части, занимавшія мѣстность у обрыва, пытались было не разъ атаковать австрійскую позицію, но продвиженіе по ровной, какъ ладонь, полянѣ, подъ непосредственнымъ огнемъ австрійскихъ пулеметовъ, было слишкомъ рискованнымъ. Поэтому русскимъ пришлось искать возможности инымъ путемъ приблизиться къ защищеннымъ окопамъ непріятеля.

— И нашли.

— Какъ-то въ сумерки,—разсказываетъ одинъ изъ плѣнныхъ,—мы вдругъ обнаружили, что въ сторону нашего праваго фланга медленно ползутъ по полянѣ какія-то фигуры. Мы ни минуты не сомнѣвались, что это русскіе, прокрадывавшіеся къ нашимъ проволочнымъ загражденіямъ. По нимъ былъ открытъ убійственный огонь. Но фигуры продолжали подавать признаки жизни. Ползли, отползали обратно, вновь двигались впередъ... Просто мы диву давались, какъ это могло случиться, что ни одна изъ нашихъ пуль ихъ не уложила. И стрѣляли, стараясь во всю. За этимъ занятіемъ, поглотившимъ все наше вниманіе, мы совершенно перестали интересоваться тѣмъ, что происходило на остальныхъ участкахъ нашего расположенія. Произошло же тамъ вотъ что. Стемнѣло. Русскіе неслышно подползли со лба къ проволочнымъ загражденіямъ и продѣлали въ нихъ достаточно широкую просѣку. И когда мы спохватились, было уже поздно—русскіе находились уже у окоповъ. Позднѣе, когда

большая часть нашего отряда попала въ плѣнъ, мы узнали, что тѣ фигуры, которыя мы такъ усердно обстрѣливали, были не чѣмъ инымъ, какъ ловко сфабрикованными чучелами. Русскіе шестами выкатили ихъ на поляну, а затѣмъ посредствомъ веревокъ заставляли ихъ продѣлывать всевозможныя движенія. Мы дались въ обманъ, ослабили нашу бдительность на другихъ участкахъ и сосредоточили все свое вниманіе на этомъ. И попались. („Н. В.“)

На Кавказѣ.

Одинъ изъ нашихъ боевыхъ полковъ былъ расположенъ въ горахъ, причемъ одну часть ихъ занимали турки, а другую—русскіе. Предстояло обойти ущелье, что сулило блестящія стратегическія выгоды той сторонѣ, которая первая это сдѣлаетъ. И русскіе и турки были настороже. Однажды ночью русскіе пустили въ ущелье козла, увѣсивъ его различными металлическими вещами, которыя при каждомъ движеніи животнаго издавали звонъ. Турки, услышавъ звонъ и грохотъ, рѣшили, что русскіе вошли въ ущелье, чтобы ихъ окружить. Началась пальба изъ пулеметовъ, пушекъ, ружей. Перепуганный козелъ метался изъ стороны въ сторону, вслѣдствіе чего звонъ шелъ еще больше. Всю ночь турки не спали. На другой день они сдѣлали то же самое, но русскіе смѣльчаки пробрались въ ущелье и захватили козла.

Курды отличаются жестокостью. Въ одномъ мѣстѣ они захватили въ плѣнъ русскаго солдата. Въ отместку русскіе на другой же день отбили у нихъ табунъ скота изъ 1.000 головъ. Русскіе предложили курдамъ отпустить плѣннаго, обѣщаясь возвратить скотъ. Курды не согласились, убили плѣннаго и вскорѣ выбросили его трупъ съ отрѣзанными носомъ и ушами. („Г. М.“)

«И на старуху бываетъ проруха».

Это было во время недавнихъ боевъ въ Галиціи. Австрійцы потеряли свою обычную порцію плѣнныхъ,—приблизительно около тысячи человѣкъ.

Всю эту „компанію“ размѣстили подъ открытымъ небомъ, недалеко отъ города, гдѣ находились наши главныя силы.

Погода стояла прекрасная, солнце совсѣмъ по-весеннему сіяло на безоблачномъ небѣ.

Часа въ два дня на значительной высотѣ былъ замѣченъ аэропланъ. Какъ коршунъ кружилъ онъ надъ нашими позиціями, выбирая мѣсто, чтобы бросить свой ужасный гостинецъ.

Живописно разбросанная ставка плѣнныхъ австрійцевъ, синія шинели которыхъ ярко горѣли подъ лучами солнца, привлекла вниманіе хищника.

Очевидно, офицеръ-наблюдатель, усмотрѣвъ „своихъ“, подѣлился своимъ открытіемъ съ пилотомъ, и „таубе“ началъ снижаться, чтобы получше разсмотрѣть странное явленіе. Часовые наши сразу смекнули въ чемъ дѣло и затаили дыханіе.

„Таубе“ описывалъ кругъ за кругомъ и, наконецъ, убѣдившись, что подъ нимъ находятся дѣйствительно австрійцы; крутымъ планирующимъ спускомъ сѣлъ... прямо въ середину лагеря плѣнныхъ.

Велико было удивленіе австрійцевъ-пилотовъ, когда ихъ окружили казаки!

Изумленные летчики даже не сопротивлялись. Аппаратъ оказался вполнѣ исправнымъ и былъ отправленъ во Львовъ.

(„Г. М.“)

Изъ письма черноморскаго офицера.

... Это было въ одинъ изъ боевъ нашего дивизіона съ турецкимъ крейсеромъ. Не миноносное дѣло сражаться днемъ артиллеріей съ крейсеромъ, но что подѣлаешь, соблазнъ великъ, какъ тутъ не подскочить и не попробовать свои пушки. Положимъ, рискъ большой, это да! У насъ на верхней палубѣ полно минъ и если вражескій снарядъ въ одну угораздитъ, — пропало, весь миноносецъ взлетитъ. Но въ бою, когда сближаешься постепенно, врагъ, будь даже онъ крейсеръ, пристрѣляться сразу не можетъ, а когда близко начнутъ падать снаряды, то тогда, если не прозѣваешь, можно отойти. Вся бѣда черноморскаго флота въ томъ, что крейсера наши недостаточно быстроходны и настичь турецкихъ не могутъ. Такъ вотъ, дрались мы. Въ пылу сраженія на одномъ изъ миноносцевъ матросъ-подносчикъ рано подскочилъ къ орудію и его ударилъ экстрактированный послѣ выстрѣла патронъ. Ударъ былъ неожиданный, и матросъ вмѣстѣ со своимъ патрономъ вылетѣлъ

за бортъ. На миноносцѣ тѣсно, борта открытые, и слетѣть нетрудно даже безъ толчка, особенно когда покачиваетъ, какъ было и въ день боя. Шли мы больше 20 узловъ, — говоря простымъ языкомъ, — больше 35 верстъ въ часъ. Упалъ человѣкъ, — жаль, но что подѣлаешь? Въ бою останавливаться нельзя, — надо сохранять свое мѣсто въ строю и не прерывать огня. Только посмотрѣли ему въ слѣдъ и мысленно простились, а онъ держится на водѣ,—плаваетъ. Вотъ видна маленькая точка. Еще минута, и она скрылась. Миноносецъ быстро уходитъ отъ несчастнаго, и мы вновь поглощены всецѣло боемъ...

Прошло съ четверть часа, непріятель сблизился, снаряды его начали ложиться подъ самыми бортами миноносцевъ. Того и гляди, одинъ изъ нихъ выйдетъ изъ строя или погибнетъ. Но въ это время головной миноносецъ мѣняетъ ходъ и круто поворачиваетъ въ сторону. Дальше бой безцѣленъ, и мы всѣ быстро повторяемъ маневръ. Снаряды непріятеля сыплются совсѣмъ въ сторонѣ. Идемъ обратно присоединяться къ флоту... На душѣ тяжелое чувство. Обидно. Потеряли одного изъ нашихъ молодцовъ. Добро бы осколкомъ снаряда его убило, а то такъ похороненъ заживо гдѣ-то въ просторѣ моря. До берега далеко, въ водѣ всего 9°. Можетъ быть, сейчасъ умираетъ. А если сердце здоровое, — продержится часъ, другой. Только лишнія мученія. Какъ вдругъ, безъ всякой видимой причины головной миноносецъ стопоритъ машины. Въ чемъ дѣло?.. Спускаютъ съ него шлюпку. Пакеты, вѣрно, развезутъ съ какой-нибудь секретной инструкціей. Что-нибудь очень важное, если до сихъ поръ скрывали. Съ любопытствомъ толпимся на мостикѣ, а команда высыпала на бакъ. Однако, шлюпка идетъ въ сторону. Тутъ только замѣчаемъ, что недалеко отъ нея что-то плаваетъ, машетъ рукой. Неужто же такое чудо, что нашъ дивизіонъ попалъ точно въ то мѣсто, гдѣ мы потеряли нашего молодца? Кто же другой можетъ плавать въ открытомъ морѣ? Ну и молодчина же! Продержался въ холодной водѣ болѣе получаса. Шлюпка возвращается. Подняли ее, и дивизіонъ вновь даетъ ходъ.

И вѣрится, и не вѣрится въ такое чудесное спасеніе, а съ головного миноносца идетъ въ это время семафоръ: „Вашъ матросъ у насъ на миноносцѣ“. Получили мы нашего матроса, вернувшись въ Севастополь. Нѣтъ словъ передать, какъ трогательно встрѣчали его товарищи. Позже намъ разсказали со спасавшаго миноносца, что, стоя на мостикѣ, командиръ услышалъ какъ бы слабый писк, шедшій съ моря. Стали внимательно смотрѣть кругомъ и видятъ, пла-

ваетъ матросъ. Откуда? Что? Плаваетъ человѣкъ среди моря, оретъ и машетъ рукой. Удивленіе полное у нихъ, такъ какъ о паденіи мы имъ не сообщали,—зачѣмъ смущать безъ цѣли? Остановились они, послали шлюпку, привезли на миноносецъ пловца, — спрашиваютъ: „Откуда? — Съ миноносца такого-то, ваше выс-діе“. („Б. В.“)

Раненые сражаются.

Раненые нѣмцы, лежащіе на полѣ битвы, напрягая послѣднія силы, стрѣляютъ въ спину своимъ боевымъ врагамъ. До такой степени озвѣрѣнія и ожесточенія можетъ дойти человѣкъ, если и въ обезсиленномъ ранами не гаснетъ злоба и ненависть! Передаютъ достовѣрные люди о слѣдующемъ эпизодѣ на полѣ боя. Командиръ одного изъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ былъ раненъ и остался лежать. Очнувшись и пошевелившись, онъ слышитъ выстрѣлъ и, приподнявшись, видитъ, какъ невдалекѣ отъ него, приподнимаясь отъ земли, цѣлится въ него раненый нѣмецкій офицеръ. Между ранеными началась перестрѣлка, и русскому удалось застрѣлить нѣмецкаго офицера. Но сейчасъ же съ другой стороны изъ груды тѣлъ послышался новый выстрѣлъ: другой нѣмецкій раненый сдѣлалъ попытку застрѣлить русскаго офицера, но у послѣдняго хватило силъ застрѣлить и этого нѣмецкаго воина. („К.“)

Нѣмецкіе «подвохи».

Послѣ одной ожесточенной стычки наши солдаты подобрали нѣсколькихъ непріятельскихъ раненыхъ. Каково же было удивленіе солдатъ, когда одинъ изъ раненыхъ, прійдя въ себя, заговорилъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ.

Оказалось, что нѣмцы насильно нарядили въ форму попавшихъ въ плѣнъ русскихъ рабочихъ, застрявшихъ въ Германіи, и поставили ихъ у обозовъ, угрожая разстрѣлять при малѣйшей попыткѣ къ бѣгству.

— Что мы испытывали, говоритъ раненый, передать невозможно. Хотѣлось одного: какъ-нибудь убѣжать къ своимъ, и вотъ, когда раздались выстрѣлы, я сорвалъ съ себя нѣмецкую каску, перекрестился и бросился бѣжать къ русскимъ. Меня ранили, незнаю кто: свои или чужіе.

Повидимому, говоритъ „Р. У.“, нѣмцы расправились такимъ образомъ и съ другими русскими рабочими, очутившимися въ нѣмецкомъ плѣну.

Поддѣльный русскій офицеръ.

Разсказываютъ о слѣдующемъ эпизодѣ, еще лишній разъ подтверждающемъ, что нѣмцы не брезгаютъ никакими „подвохами“.

Вечеромъ по шоссе, около котораго расположены были войска, ѣхалъ на мотоциклеткѣ русскій офицеръ и, окликая солдатъ, спрашивалъ, какой они части и сколько ихъ. Одному изъ офицеровъ онъ показался подозрительнымъ и былъ задержанъ.

Сначала задержанный вломился въ амбицію и сталъ грозить, что пожалуется начальству. Но чѣмъ больше задержанный горячился, тѣмъ больше въ его рѣчь врывалось нѣмецкихъ словъ.

Въ концѣ концовъ онъ сознался, что онъ—германскій офицеръ, переодѣтый въ русскую форму и сталъ униженно просить пощады. („В. Д.“)

Нападеніе дирижабля.

Въ „Рѣчи“ приводится разсказъ врача о ночномъ нападеніи на русскій отрядъ германскаго дирижабля:

„Сколько я спалъ, не знаю, но вдругъ проснулся отъ густой ружейной пальбы. Вскочилъ—и вижу, надъ спящей ротой ... полка мчится нѣмецкій дирижабль, Я весь задрожалъ отъ предчувствія ужасной катастрофы. Дирижабль замѣтили и стали обстрѣливать его, но та рота, надъ которой онъ мчался какъ на зло спала богатырскимъ сномъ. Я сталъ будить близлежащихъ, но увы, уже было поздно. Снарядъ упалъ въ гущу людей. Раздался такой оглушительный взрывъ, что меня отбросило назадъ отъ сотрясенія воздуха. Опомнившись, бѣгу къ мѣсту катастрофы, быстро ищу глазами ротнаго командира, но его нигдѣ не видно. Въ одной кучѣ лежатъ искрошенные трупы 24 людей и вокругъ нихъ тридцать раненыхъ. Пятьдесятъ четыре жертвы отъ одного снаряда, брошеннаго изъ-за угла въ спящихъ.

Весь лагерь проснулся. Сбѣжались солдаты.

— Ну, иди въ поле,—горячатся нѣкоторые изъ нихъ.— Стрѣляй, бей!.. Подпущай свою стратегію... Кто кого?.. А то прячется по своимъ шоссе, да ночью изъ-подъ угла въ спящихъ палитъ... Развѣ это война?.. Это—разбой, а не война!“..

Перемѣна ролей.

Въ одномъ бою 20 русскихъ солдатъ были захвачены въ плѣнъ австрійцами. При быстромъ отступленіи непріятеля, австрійскіе конвоиры въ числѣ 50 челов., отбились отъ своей части, отстали и заблудились. А тутъ, какъ нарочно, показались наши разъѣзды. Австрійцы въ отчаяніи. Тогда одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ солдатиковъ говоритъ конвоирамъ:

— Ребята, теперь васъ живо наши перестрѣляютъ, лучше сдавайтесь намъ, мы васъ живыми въ Россію доставимъ.

Австрійцы согласились, передали плѣннымъ свое оружіе и уже сами въ качествѣ плѣнныхъ были благополучно доставлены въ наше расположеніе. („Н. В.“)

А т а к а.

Это было близъ Журавно. Четыре сотни пограничниковъ, подъ командою лихого командира, ринулись въ атаку прямо въ лобъ на австрійцевъ, имѣвшихъ у себя шесть пулеметовъ. Вы знаете, что такое пулеметъ? Это небольшая машинка, таящая въ себѣ цѣлый хороводъ смертей, косящая людей, какъ серпъ жнетъ спѣлую пшеницу... Пограничники двинулись впередъ, какъ на ученьи, голова въ голову, равняясь, какъ по ниткѣ. Одну версту шли рысью, двѣ послѣднія наметомъ и, бросившись въ атаку, порубили австрійцевъ какъ капусту. Нѣсколько сотъ человѣкъ непріятельской пѣхоты было изрублено и сброшено въ рѣку, свыше сотни было взято въ плѣнъ, а сами побѣдители потеряли около ста товарищей убитыми и ранеными. Эта атака была, какъ молнія, это былъ одинъ порывъ, одно желанье, одна воля. И никогда, пока будетъ жить родная наша чудная конница, не забудется эта лихая атака. Она вплела свѣжій лавръ въ неувядаемый побѣдный вѣнокъ славныхъ пограничниковъ, про нее будетъ пѣть солдатская пѣсня, и безпристрастная исторія занесетъ ее желѣзнымъ рѣзцомъ на благороднѣйшее мѣсто вѣчной своей скрижали... Слава павшимъ храбрецамъ, хвала и честь живымъ! Они возвраща-

лись назадъ въ разорванныхъ рубахахъ, сѣрые отъ пыли, многіе безъ шапокъ, съ окровавленными шашками, ихъ лошади были забрызганы вражеской кровью. А нижніе чины—кто плакалъ, кто смѣялся,—такъ велико было нервное напряженіе этихъ богатырей, разразившееся въ истерическомъ смѣхѣ и слезахъ. Но на ихъ славныхъ, покрытыхъ пылью и кровью лицахъ написано было сознаніе честно исполненнаго долга. И при взглядѣ на нихъ не одно сердце пламенѣло жгучей ревностью, не одно сердце трепетало благородной завистью: отчего и я не среди нихъ, отчего и мнѣ не дано было забыться въ упоеніи этой великолѣпной атаки?... („Н. В.“)

Какъ погибла канонерка «Сивучъ».

5 матросовъ канонерской лодки „Сивучъ“, спасшіеся изъ всей команды въ 135 человѣкъ геройски погибшихъ вмѣстѣ съ канонерской лодкой въ рижскомъ заливѣ, разсказываютъ слѣдующее о послѣднихъ минутахъ „Сивуча“.

— Стояла туманная погода. На горизонтѣ было трудно что-либо различить, все было окутано густымъ туманомъ.

Издали показались дымки непріятельскихъ судовъ. Это шли по направленію къ Рижскому заливу германскіе крейсера и миноносцы.

Канонерская лодка „Сивучъ“ все время находилась на сторожѣ. Вся команда стояла на своихъ постахъ, готовая къ бою. Въ бинокль все яснѣе и яснѣе стали вырисовываться непріятельскія суда.

Непріятельскій крейсеръ и 2 миноносца приблизились къ „Сивучу“ на разстояніе 200 саженъ. Минута—и раздался первый выстрѣлъ съ непріятельскаго крейсера, за нимъ послѣдовалъ другой и третій. И такъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ съ непріятельскаго крейсера выстрѣлы направляли въ сторону „Сивуча“. Большинство выстрѣловъ не попадало въ цѣль, а шлепалось по водѣ.

Минута была критическая. Непріятельскій крейсеръ, имѣя перевѣсъ въ артиллеріи, неустанно продолжалъ огонь, стараясь потопить „Сивучъ“. Оставалось принять бой.

— Огонь!—раздалась команда старшаго офицера. И канонерская лодка заговорила.

Съ большой точностью, не имѣя ни недолета, ни перелета, снаряды ложились по непріятельскому крейсеру и миноносцамъ. Но нѣсколько оправившись отъ огня со сто-

роны „Сивуча“, непріятельскій крейсеръ опять открывалъ огонь.

Неравный бой „Сивуча“ съ непріятельскимъ крейсеромъ и миноносцами длился полтора часа. Борты „Сивуча“ раскалились. Многіе матросы на постахъ были перебиты, но ихъ замѣняли другіе, и бой продолжался. „Сивучъ“ началъ постепенно погружаться въ воду, но артиллерійскій огонь до послѣдней минуты все еще продолжался. Послѣдній орудійный выстрѣлъ „Сивуча“ оказался роковымъ для непріятельскаго миноносца.

Спасшіеся матросы, непосредственные очевидцы послѣднихъ минутъ жизни „Сивуча“, передаютъ, что сами видѣли, какъ непріятельскій миноносецъ, охваченный пламенемъ, переживалъ послѣднюю агонію, и въ тотъ моментъ, когда „Сивучъ“ опускался на морское дно, прекрасно вооруженный непріятельскій миноносецъ, получивъ сильную пробоину въ центральную часть, пошелъ также ко дну.

Вмѣстѣ съ „Сивучемъ“ погибла почти вся команда. Только 5 матросовъ: Кузьма Бутовичъ, Михаилъ Сергѣевъ, Кудряшевъ, Горихиновъ и Ватрушкинъ чудомъ спасли себѣ жизнь, ухватившись за обломки мачтъ канонерской лодки и продержавшись на водѣ въ теченіе полутора часовъ. Они были подобраны однимъ изъ нашихъ миноносцевъ, поспѣшившихъ на помощь. („У. Р.“)

Ранецъ спасъ.

Солдатикъ сидитъ на койкѣ. Онъ не раненъ... Онъ ушибленъ!..

Длинной сѣрой цѣпью подвигались впередъ, перебѣгая, какъ всегда, отъ кочки до кочки, отъ пня къ пню, отъ складки мѣстности къ канавкѣ.

Примостившись, стрѣляли, тщательно прицѣливаясь по чернымъ точкамъ австрійскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ окопахъ.

Вокругъ уже съ ранняго утра „пѣли“ пули, и къ ихъ вою и визгу давно привыкли солдатскія уши. Но когда грянули австрійскія пушки, когда съ грознымъ завываньемъ понеслись надъ головами незримые снаряды, дрогнуло на мгновенье не одно сердце...

Но только на мгновенье...

Послѣ шести-семи ударившихся о землю и взметнувшихъ столбы огня, дыма и земли шрапнелей къ нимъ стали привыкать, какъ и къ пулямъ...

— А все же лучше пулей, чѣмъ бомбой,—думалъ Монисто, прицѣливаясь въ вынырнувшаго изъ окопа австрійца.

За день онъ сильно усталъ, нѣсколько разъ уже порывался сбросить амуницію, оставить на полѣ ранецъ, немилосердно тянувшій назадъ!..

Но какое-то чутье подсказывало не дѣлать этого, и Монисто терпѣлъ трущіе плечи ремни, покорно и безропотно...

Ранецъ мотался за спиной и солдатъ все чаще и чаще подумывалъ о томъ, какъ-бы отъ него отдѣлаться. Вдругъ позади, совсѣмъ близко, грохнула ударившаяся о землю граната, что-то страшно сильно ударило Монисто въ спину, подбросило его и повалило на землю.

Сверху сыпалась на него земля, мелкіе камни.

Когда Монисто пришелъ въ себя, онъ попробовалъ сѣсть... Спина ныла, въ головѣ стоялъ какой-то гулъ, встать на ноги онъ немогъ.

Потрогавъ спину, Монисто, къ своему удивленію, на рукѣ крови не нашелъ, но не нашелъ и ранца на спинѣ: болтались на ремняхъ какіе-то клочья...

Осколокъ снаряда ударилъ въ ранецъ, растрепалъ его въ клочки и сильно расшибъ спину солдату.

Отъ плечъ и почти до поясницы чернѣлъ громадный кровоподтекъ.

Но Монисто не ропталъ. Онъ съ трепетомъ думалъ: что было-бы, если бы, поддавшись искушенію, онъ сбросилъ ранецъ въ началѣ боя? („Б. В.“)

Поразительные случаи.

I.

Въ „Веч. Вр.“ полковникъ одного изъ гвардейскихъ полковъ описываетъ случай, поразившій всѣхъ даже тамъ, гдѣ перестали чему-нибудь удивляться.

„Противникъ, желая разрушить и зажечь домъ, гдѣ находился я со штабомъ, выпускалъ массу снарядовъ, шрапнелей и тяжелыхъ („чемодановъ“), но все не попадалъ въ насъ,—пишетъ полковникъ,—наконецъ одна граната, пробивши крышу, ударилась въ балку потолка у самой стѣны моей комнаты.

На этой стѣнѣ висѣлъ образъ Тайной Вечери.

Граната взорвалась; взрывомъ выбило изъ стѣны въ комнату массу кирпичей; всѣхъ насъ (меня, моего адъютанта,

ротнаго командира, двухъ телефонистовъ и плѣннаго офицера) засыпало известью и осколками кирпича, но никто раненъ не былъ.

Въ стѣнѣ образовалась дыра, давшая трещину до самаго гвоздя, на которомъ висѣлъ образъ, но послѣдній даже не покачнулся.

На другой день обстрѣлъ дома продолжался. Всего было выпущено около ста снарядовъ; домъ пробило въ четырехъ мѣстахъ, но икона оставалась на своемъ мѣстѣ.

Наконецъ, въ стѣну попалъ тяжелый снарядъ, и часть ея обрушилась, причемъ куски обвалились какъ разъ по той трещинѣ, которую сдѣлала наканунѣ граната.

Гвоздь, на которомъ держалась икона, совершенно обнажился, но образъ остался на прежнемъ мѣстѣ, и снова никто изъ насъ не пострадалъ".

„Если бы я былъ невѣрующимъ,—заканчиваетъ письмо полковникъ,—то послѣ этого жарко сталъ бы вѣрить во Христа".

II.

Лѣтопись войны уже богата случаями, въ которыхъ религіозное настроеніе находитъ чудесное. Такой случай былъ 18-го февраля на Бзурѣ. Вотъ что пишетъ одинъ командующій артиллерійской бригадой:

„Вчера у меня въ 3-й батареѣ было замѣчательное явленіе. Нѣмецкій снарядъ попалъ въ офицерскій окопъ, въ которомъ въ тотъ моментъ сидѣли два офицера. Для всѣхъ на батареѣ казалось, что катастрофа неизбѣжна. Каково же было удивленіе и радость батареи, когда офицеры оказались невредимыми. Вслѣдъ за симъ на днѣ окопа увидѣли небольшую фигуру благословляющаго Спасителя, сдѣланную изъ металла. Очевидно, попавшій снарядъ выкопалъ эту фигуру изъ земли, гдѣ она, вѣроятно, была зарыта и пролежала бы, быть можетъ, многіе годы. Невредимыми остались офицеры потому, что снарядъ ранѣе, чѣмъ ударить въ окопъ, попалъ въ камень и истратилъ большую часть своей разрушительной силы на этотъ камень и только незначительную на разрушеніе окопа. Но что всего удивительнѣе, что найденную фигуру Спасителя не выкопали, когда копали окопы.

Разумѣется, это явленіе произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ насъ и особенно на 3-ю батарею, которой до этого больше всего досталось отъ врага.

Когда батарею смѣнятъ, отслужимъ молебенъ и помолимся“... („Б. В.“)

III.

Исключительное по интересу письмо было получено „Б. В.“ отъ генерала Ш., командовавшаго отдѣльной частью на прусскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Написано оно 18-го сентября, почти наканунѣ битвы подъ Августовымъ.

Приводимъ изъ него выдержку буквально:

„...Послѣ нашего отступленія нашъ офицеръ, съ цѣлымъ полуэскадрономъ, видѣлъ видѣніе. Они только что расположились на бивуакѣ. Было 11 час. вечера. Тогда прибѣгаетъ рядовой съ обалдѣлымъ лицомъ и говоритъ: „Ваше высокоблагородіе, идите“. Поручикъ Р. пошелъ и вдругъ видитъ на небѣ Божью Матерь съ Іисусомъ Христомъ на рукахъ, а одной рукой указываетъ на Западъ. Всѣ нижніе чины стоятъ на колѣняхъ и молятся. Онъ долго смотрѣлъ на видѣніе. Потомъ это видѣніе измѣнилось въ большой крестъ и исчезло“...

Послѣ этого разыгралось большое сраженіе подъ Августовымъ, ознаменовавшееся большой побѣдой.

Два дня въ могилѣ.

Въ одномъ изъ кіевскихъ госпиталей лежалъ раненый солдатъ Ж., которому смерть грозила въ самой тяжелой для солдата обстановкѣ: — быть заживо погребеннымъ. Онъ былъ раненъ во время атаки пулеметнымъ обстрѣломъ непріятеля. Обѣ пули прошли рядомъ, пробивъ шею у самаго узла важнѣйшихъ артерій. Незамѣченный нашими санитарами, или принятый благодаря тяжелому обмороку за мертваго, раненый остался на полѣ сраженія. Атаковавшая непріятеля пѣхотная часть была отодвинута въ сторону на другую позицію, и на оставленномъ полѣ показались австрійскіе санитары. Но раненые уже были подобраны и австрійцы принялись погребать мертвыхъ. Съ двумя убитыми Ж. былъ брошенъ въ наскоро-вырытую могилу, надъ которой уже водрузили отесанный крестъ. Въ это время поле снова стала обстрѣливать наша артиллерія, выбивая наступающую непріятельскую пѣхоту, и послѣдняя могила была брошена незасыпанной.

„Была полная ночь, когда я очнулся отъ своего обморока,—разсказываетъ раненый.—Съ громаднымъ усиліемъ, упершись во что-то мягкое,—это былъ трупъ,—я попробовалъ приподняться, но невыносимая боль заставила меня снова откинуться на спину. И, падая, я увидѣлъ передъ собой, на краю ямы, въ которой я лежалъ, свѣже-сколоченный крестъ, неясно бѣлѣвшій. Я былъ въ могилѣ и рядомъ со мной лежали два уже похолодѣвшихъ трупа". Полубезсознательное состояніе, въ которомъ находился раненый, помогло ему перенести ужасъ тѣхъ двухъ дней, что онъ пробылъ въ этой незарытой могилѣ, покамѣстъ почти случайно не былъ подобранъ нашими санитарами, привлеченными къ могилѣ невнятнымъ стономъ раненаго. („Кіевл.")

Быль, похожая на сказку.

Поразительный случай находчивости и храбрости русскаго солдата, имѣлъ мѣсто въ мѣстечкѣ Ратошино. При отступленіи австро-германскаго войска сюда забрели десять австрійскихъ офицеровъ, докторъ и девять человѣкъ солдатъ. Они постучались въ домъ ксендза и просили ихъ спрятать. Для большаго успѣха переговоровъ австрійцы заставили объясняться съ ксендзомъ солдата - словака. Ксендзу ничего не оставалось, какъ впустить неожиданныхъ гостей. Онъ открылъ окно, и австрійцы, отталкивая одинъ другого, полѣзли въ домъ.

— Было смѣшно на нихъ смотрѣть, — разсказывалъ ксендзъ,—до того спѣшили и до того были испуганы, что сунулись въ окошко сразу втроемъ, застряли и не могли двинуться ни взадъ, ни впередъ.

Когда австрійцы были уже въ домѣ и требовали ихъ накормить, угрожая ксендзу оружіемъ, кто-то постучался въ дверь.

— Ксендзъ, а ксендзъ, есть у тебя австрійцы?

— Есть!—отвѣтилъ ксендзъ.

— Давай ихъ сюда!.. Пускай сдаются!..

Оказалось, что къ тому же домику ксендза подошелъ русскій солдатикъ, бывшій въ передовой цѣпи и съ опаской пробиравшійся по слѣдамъ австрійцевъ.

Австрійцы были до того перепуганы, что, не узнавъ, какъ велики „силы", окружившія домъ, закричали:

— Сдаемся! сдаемся!

Во избѣжаніе кровопролитія, ксендзъ высунулся въ окно и въ знакъ сдачи австрійцевъ сталъ махать простыней.

Солдатику, который въ единственномъ числѣ изображалъ русскія „силы“, оставалось принять плѣнныхъ.

Онъ сталъ у дверей дома и скомандовалъ:

— Выходи по одному!

Австрійцы стали выходить и солдатъ заставлялъ ихъ складывать у его ногъ оружіе. Самъ онъ стоялъ въ величественной позѣ, облокотясь на свою винтовку.

— Становись въ рядъ!

Австрійцы вытянулись.

Когда солдатъ началъ ихъ выстраивать, по счастью подоспѣли еще два рядовыхъ и стали помогать своему однополчанину эвакуировать плѣнныхъ.

Солдаты позвали три фурманки, на двѣ изъ нихъ сложили оружіе австрійцевъ, на третью сѣли сами и нагрузили плѣнныхъ.

Такъ произошло плѣненіе десяти австрійскихъ офицеровъ, доктора и девяти солдатъ однимъ русскимъ солдатомъ. („Б. В.“)

На развѣдкахъ.

Въ „Н. В.“ помѣщено слѣдующее письмо унтеръ-офицера уланскаго кавалерійскаго полка Николая К. Зайцева:

„6-го сентября 1914 года мы заняли дер. Камінку въ западной Галиціи. Юго-западнѣе дер. Камінки мы выставили сторожевое охраненіе. Ночь прошла спокойно. Утромъ мы повели наступленіе. Я ѣхалъ лѣвымъ дозорнымъ. Когда я вошелъ въ лѣсъ, который ночью былъ занятъ непріятелемъ, то, пройдя около версты, я очутился на небольшой полянѣ. На ней стояла избушка лѣсника. Здѣсь глазамъ моимъ представилась ужасная картина. Въ огородѣ, подъ грушевыми деревьями, было два трупа уральскихъ казаковъ. Одинъ изъ труповъ былъ такъ изрубленъ въ куски, что нельзя было узнать, какой онъ части, если бы не его товарищъ, который висѣлъ на деревѣ съ выколотыми глазами и вырѣзанными лампасами на тѣлѣ ногъ. У меня волосы стали дыбомъ при видѣ этого варварскаго поступка. Я предполагаю, что эти казаки взяты были въ плѣнъ наканунѣ и приведены сюда, гдѣ ихъ и изуродовали такъ эти дикари.

Второй случай. 26-го мая 1915 года я былъ высланъ съ разъѣздомъ въ районъ гор. Надворна, чтобы произвести развѣдку, куда направляются непріятельскія силы. Дойдя до своей передовой линіи, которую занималъ пѣхотный полкъ, солдаты мнѣ объяснили, что уже появлялись непріятельскіе

конные разъѣзды и снова уѣзжали назадъ. Но мнѣ нужно было выполнить свою задачу и узнать самому все въ дѣйствительности. Всему разъѣзду въ восемь человѣкъ итти невозможно: непріятель можетъ легко замѣтить. Я рѣшилъ пойти вдвоемъ, а остальныхъ оставилъ сзади позиціи. Прискакавъ въ лежавшую впереди деревню, жители коей почти всѣ разбѣжались, и проѣхавъ половину села, я слѣзъ съ лошади и, привязавъ ее, полѣзъ на самую высокую крышу сарая. Безъ лѣстницы лѣзть съ винтовкой было неудобно, я повѣсилъ ее на сѣдло лошади, а своему товарищу приказалъ не слѣзать съ лошади и ждать, пока я что замѣчу,— чтобы онъ моментально могъ доставить словесное донесеніе, такъ какъ здѣсь не то, что минута, но даже и секунда дорога. Когда я влѣзъ на крышу, то увидалъ вправо три цѣпи непріятельской пѣхоты, разсыпанныхъ по полю; влѣво по полю впереди шла конница, около эскадрона, а сзади, прикрываясь пѣхотой на случай, если бросится наша конница въ атаку, то чтобы ввести въ заблужденіе, и уже не разъ нашу конницу вмѣсто шашекъ встрѣчали сотни штыковъ и десятки пулеметовъ; по дорогѣ шла большая колонна пѣхоты съ отдѣльными всадниками, вѣроятно, командиры частей или ординарцы. Тогда я крикнулъ своему товарищу, чтобы какъ можно скорѣе мчался съ донесеніемъ о томъ, что я видѣлъ. Когда онъ поскакалъ, то мой конь рванулся, порвалъ поводья и понесся за везшимъ донесеніе. Я остался одинъ на произволъ судьбы, безъ лошади и винтовки. Не успѣлъ я слѣзть съ крыши, какъ уже появилась непріятельская конница въ деревнѣ. Еще минута и я въ рукахъ непріятеля. Оружія нѣтъ, стрѣлять нечѣмъ, сопротивляться было бы безполезно, уйти незамѣченнымъ тоже уже поздно. Вотъ-вотъ главныя силы займутъ деревню. Только я слѣзъ съ крыши, какъ уже появилась головная пѣхотная застава, человѣкъ 40 или 50. Я залѣзъ въ сарай, выбралъ удобное мѣсто вверху на соломѣ и сталъ наблюдать въ щель за непріятелемъ. Непріятельскіе солдаты шли вяло, но, быстро забѣгая въ каждую хату, выносили оттуда кто горшокъ молока, кто хлѣба: хозяйствовали сами. Миновавъ меня, у колодца остановились, потомъ пошли дальше, нѣкоторые стали брать воду изъ колодца. Черезъ 15 минутъ пришло уже около батальона, а затѣмъ все больше и больше, стали уже появляться германскія каски. Я сижу и думаю, какъ бѣжать. Если сегодня ночью не уйдешь, то останешься, и мадьяры замучаютъ меня, какъ преступника, но не какъ честнаго воина. Смерть меня не устрашала, такъ какъ я сознавалъ, что умру за вѣру, Царя и дорогую

родину, я радовался, что извѣстилъ свое начальство о непріятельскомъ движеніи. У меня была слабая надежда, что наши войска разобьютъ противника, займутъ деревню и я буду спасенъ. Было уже 7 час. вечера. Около колодца у непріятеля была раскинута палатка. Тутъ были конные и пѣшіе посыльные. Вскорѣ сюда привели трехъ нашихъ пѣхотинцевъ, ихъ окружали 7 человѣкъ конвойныхъ. Привели къ одной хатѣ, шагахъ въ 60 или 70 отъ меня. Одинъ вѣроятно усталъ или заболѣлъ и опустился на землю, но въ мигъ былъ поднятъ прикладомъ конвойнаго, который плотно прилипъ къ спинѣ нашего защитника. Сейчасъ же появился при шашкѣ огромной толщины офицеръ. Я думалъ, что два вмѣстѣ взялись подъ руки и ходятъ, но это былъ одинъ. За двойнымъ человѣкомъ шли новые солдаты, человѣкъ восемь. Подойдя къ нашимъ защитникамъ, двойной человѣкъ закурилъ сигару, махалъ руками и что-то отрывисто бормоталъ. Я прислушивался, но ничего не могъ понять. Наши солдаты стояли бодро передъ этимъ вторымъ Пилатомъ; въ присутствіи его не забывали пускать приклады въ ходъ, били, не стѣсняясь, по чему попало. Мнѣ невольно вспомнились слова Спасителя: „Господи, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ“. Двойной человѣкъ ушелъ. Начались еще большія издѣвательства враговъ. Били и плевали въ лицо, кто сколько хотѣлъ. Вотъ пришелъ новый Пилатъ и съ нимъ еще три солдата въ каскахъ. Это были германскіе кавалеристы. Офицеръ нагло смѣялся. Кавалеристы повели новыя расправы, били саблями, тыкали въ лицо ножнами. Наконецъ новый Пилатъ что-то громко крикнулъ, махнувъ рукой. Одного нашего мученика подхватили и отбросили въ сторону. Когда онъ упалъ, то на него бросилось нѣсколько враговъ и прокололи штыками животъ. Нашъ защитникъ умеръ, не издавъ звука. Остальные два были положены лицомъ къ землѣ. Одинъ былъ пронзенъ двумя саблями въ спину, второй былъ застрѣленъ новымъ Пилатомъ. Когда кончилась кровавая варварская расправа, было уже темно. Наблюдать дальше было невозможно. Я задумался надъ такой варварской расправой, и что и мнѣ, не сегодня, такъ завтра, придется тоже такъ погибнуть, и даже никто не будетъ знать, гдѣ я погибъ, и мою старушку-мать никто не извѣститъ о моей смерти. Я надумалъ бѣжать. Все равно погибать. А можетъ, Богъ спасетъ отъ рукъ враговъ. Было 12 часовъ. У непріятеля все успокоилось. Я тихо вышелъ изъ сарая, пробрался около стѣны въ огородъ, потомъ въ поле, въ пшеницу. Отползя шаговъ сто, я всталъ, прислушался. Въ полѣ было тихо. Я поднялся и

пошелъ въ свою сторону. Мнѣ предстояло перейти дорогу, но это было не такъ легко, приходилось лежать минутъ по 20 и по 30, пока проѣдутъ непріятельскіе конные разъѣзды и посыльные которые ѣздили безпрерывно. Добравшись до передовой позиціи, мнѣ пришлось здѣсь многое перенести, но я къ счастью попалъ противъ того мѣста, гдѣ сторожевую линію занималъ нашъ эскадронъ. Я окрикнулъ своихъ, они меня узнали, и я былъ спасенъ".

Въ плѣну у нѣмцевъ.

I.

...Вѣсть о немъ, объ этомъ солдатикѣ, мелькнула въ газетахъ до того мгновенно, что не остановила на себѣ ничьего вниманія.

Газетные обозрѣватели не посвятили ему пяти строкъ въ тѣ дни, когда этотъ сѣрый воинъ лежалъ въ одномъ изъ кіевскихъ, кажется, лазаретовъ, излѣчиваясь отъ трехъ ранъ: въ ногу, въ руку и въ вершину праваго легкаго. Единственная газетная замѣтка о немъ не назвала его даже по имени.

И вылѣчившись, онъ возвратился въ свой полкъ, безвѣстный и сѣрый. Ясно, что онъ не-герой, если даже скромный провинціальный корреспондентъ не нашелъ нужнымъ назвать его по имени. А между тѣмъ вотъ что сдѣлалъ этотъ одинъ изъ тысячи смиреннѣйшихъ Ивановъ.

Однажды въ хмурый вечеръ онъ отправился въ секретъ вмѣстѣ съ пятью другими такими-же безвѣстными Иванами подъ начальствомъ юнаго прапорщика запаса.

Секретъ залегъ въ кустикахъ и тутъ-же былъ безпощадно обстрѣлянъ нѣмецкой засадой, оказавшейся здѣсь-же неподалеку. Результатъ оказался самый плачевный. Пять солдатъ и прапорщикъ были убиты, а нашъ не-герой раненъ въ правую руку. Стрѣлять онъ больше не могъ, защищаться штыкомъ тоже, и нѣмцы, убѣдившись въ этомъ, бросились на него и забрали живымъ.

Несмотря на то, что правая его рука была перебита у кисти, нѣмцы все-же связали ему руки изъ предосторожности, и тогда только къ нему выдвинулся нѣмецкій офицеръ въ походной курткѣ, сухой и длинный, съ колючими усами и въ каскѣ, прикрытой чехломъ.

Плѣненный солдатикъ стоялъ передъ нимъ связанный, а нѣмецкій офицеръ заговорилъ съ нимъ на русскомъ языкѣ,

слишкомъ ужъ отчетливо стараясь выговаривать каждую букву:

— Изъ какого полка ты самъ?

— Не могу знать.

— Изъ какой дивизіи?

— Не могу знать.

— Въ какой деревнѣ стоитъ вашъ отрядъ? Сколько въ отрядѣ батальоновъ? Есть-ли при отрядѣ пушки и пулеметы? Сколько?—отчетливо и осторожно выговаривая, допрашивалъ строгій офицеръ.

Но солдатъ все молчалъ. Изъ прострѣленной руки его медленно стекала кровь, падая на вражескую землю медленными, но крупными каплями. И чуть дергались губы солдата.

— Что-же ты молчишь? — закричалъ нѣмецкій офицеръ сердито, и колючими стали его глаза.—Или я не могу ударить на галафа! если ты будешь вновь молчаливъ!—Говори сію настоящую секунду!—Ню!

— Не могу, ваше благородіе!—проговорилъ солдатъ.

— Почему, если не можешь?

Солдатъ молчалъ. Только все блѣднѣе становились его щеки.

— Ню! Фи, какой! — неистово заоралъ нѣмецъ,—почему, если молчишь?

— Не могу по долгу службы...

— Что такой долгъ службы?

— Присяга.

— Какой присяга?—что присяга?

— Солдатская. Не могу выдавать врагу военныхъ тайнъ,— твердо проговорилъ солдатъ.

— Но я могу въ тебя стрѣляй, если ты такой постоянный. Слышалъ?—закричалъ нѣмецъ, засопѣвъ отъ удушья. —Я могу стрѣляй! Ню! Ты будешь имѣть разговорчивость наконецъ?

— Не могу!

— Не имѣй это, какъ называется... глюпый упрямливость.

— Не могу!

— Тогда я стрѣляй! Ты имѣешь упрямливость въ своемъ характерѣ, я имѣю упрямливость въ своемъ характерѣ, что тогда вышло? или развѣ нѣтъ? Становись тогда къ дереву. Видѣлъ? Я отмѣриваю всего семь шаговъ. Вотъ я сталъ и вынулъ мой револьверъ. Видишь, я жмурю мой глазъ и сейчасъ воспослѣдуетъ результатъ. Ню? будешь все молчаливъ?

— Не могу, ваше благородіе.

Солдатъ оглянулся кругомъ. Все вражескія лица вокругъ. Ни единой родной души. Звѣзды небесныя, вы всѣмъ родныя... помолитесь за душу бѣднаго солдата!

— Ню!—крикнулъ офицеръ раздраженно.

— Не могу!

Офицеръ выстрѣлилъ. И горячимъ обдало ногу солдата. Онъ упалъ. Потомъ съ трудомъ поднялся съ бѣлымъ лицомъ и тусклыми глазами.

— Ты живъ, зольдатъ?

— Живъ.

— Склоненъ имѣть разговорчивость? хотя немножко? Зачѣмъ молчишь? или тебѣ не больно? Вѣдь я долженъ по чину офицера сдѣлать опросъ или еще стрѣлять? Ты видишь мое намѣреніе? Отвѣчай на одинъ вопросъ. Хорошо-ли васъ кормятъ? Чѣмъ?

— Продовольствіе имѣемъ по закону, — тихо лепечетъ солдатъ,—какъ всегда.

— Голодъ имѣете, нѣтъ?

— Сыты завсегда...

— Что именно получаете на ежедневный порціонъ? Чего молчишь! Ню?

— Все, что полагается имѣемъ...

— Именно?

Солдатъ молчитъ и ближе жмется къ дереву. Оно родное, близкое. Береза и россійская и нѣмецкая — все береза, — родныя сестры. А люди?

— Именно? — кричитъ во все горло офицеръ, дѣлаясь багровымъ.

— Не могу выдавать врагамъ военной тайны.

— Присяга? тогда я отмѣрилъ пять шаговъ. Только уже пять, не семь! И вновь стрѣляй. Ты уже видишь?

— Вижу...

— Говори!

— Солдатская присяга,—едва уловимо срывается съ устъ.

Нѣмецкій офицеръ цѣлится на разстояніи пяти шаговъ.

Вражескія лица вдругъ начинаютъ блѣднѣть. Кто-то шепчетъ:

— Шёнъ... зеръ шёнъ...

Но офицеръ опускаетъ свой револьверъ, когда уже всѣ ждутъ его выстрѣла, и въ изступленіи кричитъ:

— Ты что, зольдатъ, имѣешь? ты—кирпичъ, дерево или черепница? что тебѣ стоитъ говорить одна-три слова, хотя самый маленькій! ты имѣешь свой присяга, а я не имѣешь свой присяга? Если я долженъ тебя убить за твой молчаливость? Ню, скажи одна словечко! Ню, что хочешь, скажи,

что только хочешь! Или даже вотъ что: соври мнѣ! Скажи, какая хочешь дивизія и сколько хочешь пулеметовъ! скажи, что хочешь! Какой имѣете дневной порціонъ? Ню, чуточку соври...

— Передъ смертью не врутъ...

Нѣмецкій офицеръ машетъ рукой, отмѣриваетъ пять шаговъ и цѣлится. Среди тумана, ползущаго изъ поръ земныхъ, выстрѣлъ звучитъ не страшно и не громко, такъ что пучеглазая жаба, сидящая на гниломъ изъѣденномъ пнѣ, не измѣняетъ своей глубоко созерцательной позы.

Солдатъ падаетъ, а черезъ сутки его случайно находитъ казачій разъѣздъ. Такъ вотъ какая вѣсть мелькнула въ одной изъ нашихъ газетъ, до того мгновенно, что не успѣла остановить на себѣ ничьего вниманія.

Такъ вотъ что совершилъ тотъ не-герой, тотъ безвѣстный, лѣчившійся какъ будто бы въ Кіевѣ.

Однако, если это такъ, господа, заключаетъ свой разсказъ корреспонд., „Б, В.“ Ал. Будищевъ,—то развѣ возможно еще сомнѣваться въ томъ, что мы побѣдимъ въ этой войнѣ и будемъ однимъ изъ величайшихъ народовъ міра по свѣтлому духу своему?

II.

Ефрейторъ К., типичный хохолъ, былъ первый весельчакъ и балагуръ въ ротѣ, разсказываетъ въ той же газетѣ Ал. Смирновъ,—никогда не унывалъ, сыпалъ шутки и на походѣ подъ проливнымъ дождемъ, и въ бою подъ градомъ пуль. На всякій случай у него имѣлся въ запасѣ какой-нибудь смѣшной анекдотъ. Нечего говорить, что онъ былъ любимцемъ не только солдатъ, но и офицеровъ.

И вдругъ послѣ небольшого боя пропалъ нашъ К. Ни въ числѣ раненыхъ, ни убитыхъ его не было. Многіе видѣли его въ началѣ боя, а потомъ какъ въ воду канулъ. Нѣтъ и нѣтъ.

Потужили, погоревали, и записали въ графу „пропавшихъ безъ вѣсти“.

Прошло два дня. Идемъ мы походнымъ порядкомъ, смотримъ, а навстрѣчу намъ—ефрейторъ К.

Грязный, ободранный, весь въ крови... Еле-еле ногами двигаетъ.

— Ты откуда? Гдѣ пропадалъ?—посыпались вопросы.

— Дайте пить... Потомъ разскажу...—только и могъ проговорить К. и грохнулся на землю.

Ему дали воды и позвали фельдшера, чтобы сдѣлать перевязку. А когда К. раздѣли, всѣ такъ и ахнули...

Все его тѣло было покрыто ранами. Это не были раны отъ ружейныхъ пуль, а что-то другое. Онъ весь былъ точно исколотъ...

Придя въ себя К. разсказалъ намъ слѣдующее:

— Поползъ я во время боя во флангъ нѣмецкимъ пулеметчикамъ, чтобы перестрѣлять ихъ.

За бугоркомъ, на который я выползъ, оказался всамдѣлишный окопъ, а въ немъ—цѣлый взводъ нѣмцевъ. Увидѣлъ я ихъ, сунулся было назадъ, да ужъ поздно было,—замѣтили ироды! Окружили со всѣхъ сторонъ, одинъ ударилъ меня прикладомъ по головѣ. Я и выстрѣлить не успѣлъ,—руки скрутили...

Ну, думаю, пришелъ мой конецъ... И такая обида взяла меня за свою оплошность, что я даже заплакалъ отъ досады...

А нѣмцы гогочутъ, рады, что русскаго въ плѣнъ взяли. Въ это время наши въ атаку пошли. Стали нѣмцы отходить, и меня съ собой повели. Глаза платкомъ мнѣ завязали.

Шли долго. Думаю—верстъ пятнадцать прошли. Наконецъ, остановились. Глаза мнѣ развязали. Смотрю—кругомъ войска, лагерь ихній. Подошли ко мнѣ два офицера и стали говорить своему солдату что-то, а онъ мнѣ переводитъ:

— Какой ты арміи?—спрашиваютъ.

— Русской,—говорю.

— Кто у тебя начальникъ?

— Запамятовалъ.

— Много-ли у васъ здѣсь войскъ?

— Много, перечесть нельзя...

— Сколько пушекъ?

— И пушекъ много...

И такъ я имъ зря болтаю, и болтаю, а они все спрашиваютъ. Наконецъ, видя, что толку отъ меня не добиться, офицеры ушли. Меня, какъ собаку, привязали веревкой къ колесу двуколки и поставили часового.

Остался я одинъ, а въ головѣ—одна дума: какъ уйти? Часовой сидитъ тутъ же и глазъ съ меня не спускаетъ... „Не выбраться“,—думаю...

Стало вечерѣть. Опять пришли офицеры допрашиватьменя.

— Ты,—говорятъ,—русская свинья, съ нами шутки не шути, а говори всю правду... Сколько у васъ войскъ и кто командуетъ ими?

Я молчу.

— Говори, а то тебѣ плохо будетъ; пытать будемъ...

Помолился я мысленно Николаю Чудотворцу, вспомнилъ великихъ мучениковъ Господнихъ, и говорю:

— Я въ вашей власти,—пытайте, но я вамъ нечего не скажу.

Озлились они. Стали кричать на меня,—видно ругаются по-своему. Досталъ одинъ солдатъ изъ кармана ножикъ складной, какими банки съ консервами открываютъ, и подходитъ ко мнѣ.

— Будешь говорить, или нѣтъ?

Я молчу.

— Молчишь? Ну, ладно, сейчасъ ты заговоришь...

Отвязали они меня отъ колеса, сняли съ меня все какъ есть, и опять привязали..

— Послѣдній разъ говоримъ,—будешь отвѣчать, о чемъ тебя спрашиваютъ?

Молчу я и Богу молюсь.

И вотъ стали они меня колоть ножикомъ. Всадитъ ножикъ до половины, а потомъ рукой по немъ постучитъ, чтобы больнѣй было. Такъ кололи они меня въ грудь, въ спину, въ руки... Потомъ стали гвозди подъ ногти загонять... Это куда больнѣе уколовъ, однако, ничего, терплю... Помучали, помучали они меня, видятъ, что ничего у нихъ не выходитъ,—бросили... Опять остался одинъ.

Между тѣмъ, наступила ночь. Отъ потери крови и отъ голода,—ѣсть они мнѣ ничего не давали,—я ослабѣлъ. Но еще крѣплюсь, думаю о побѣгѣ...

Ночью я задремалъ. Проснулся подъ утро. Въ лагерѣ было тихо,—всѣ спали. Смотрю, и часовой мой спитъ. Запрыгало у меня сердце... Сталъ я Бога просить вызволить меня изъ бѣды...

Прямо чудо,—откуда у меня и силы взялись. Попробовалъ я веревку, которой я былъ привязанъ къ двуколкѣ, подается... Я больше,—узелъ и развязался... Видно, услышалъ Господь мои молитвы...

Всталъ тихонько, вышелъ за ихъ лагерь и бросился бѣжать. По дорогѣ снялъ съ убитаго шинель и сапоги, одѣлся, хотѣлъ было взять винтовку, да не могу,—руки болятъ. Такъ и дошелъ до своихъ...

Нѣмцы давно уже показали свое настоящее лицо. Это—лишь маленькая черточка, дополняющая истинный обликъ нашего врага...

III.

Съ санитарнымъ поѣздомъ былъ доставленъ въ Москву раненый телефонистъ одного изъ славныхъ Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, рядовой Михаилъ Александровичъ Ананьевъ, бѣжавшій изъ германскаго плѣна утромъ 21 іюля.

Въ плѣну Ананьева били, пытали и отрѣзали ему, по приказанію прусскаго офицера, верхнюю часть раковины лѣваго уха.

Вотъ какъ о своихъ злоключеніяхъ разсказалъ самъ Ананьевъ корреспонденту „Р. С.“ С. Солянину:

„Ночью 21-го іюля штабъ нашей бригады стоялъ верстахъ въ 18-ти отъ Варшавы, въ фольваркѣ Комаровѣ.

Около 3-хъ часовъ утра старшій унтеръ-офицеръ приказалъ мнѣ отправиться въ фольваркъ Дебнякъ, гдѣ въ то время находился начальникъ нашей телефонной команды, подпоручикъ М.

Половину пути прошелъ я благополучно.

Не доходя деревни Каны, наткнулся на лежавшую въ пыли цѣлую катушку тонкаго телефоннаго кабеля, вѣсомъ фунтовъ въ 30.

Я захватилъ находку съ собой, и она стала причиной всѣхъ моихъ мученій.

Въ ближнемъ лѣскѣ я встрѣтился съ отрядомъ германскихъ пѣшихъ развѣдчиковъ, состоявшимъ изъ офицера и 10-ти солдатъ.

Уже разсвѣло, и поэтому я не успѣлъ отъ нихъ скрыться.

Видя, что я безоруженъ, ихъ офицеръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ по-русски:

— Ты кто такой?

— Русскій,—отвѣтилъ я.

— Куда идешь?

Я промолчалъ.

Тѣмъ временемъ онъ замѣтилъ свертокъ кабеля и спросилъ:

— Ты телефонистъ?

— Такъ точно.

— Какого полка?

Я отвѣтилъ, но назвалъ не свою часть.

Стали меня обыскивать и нашли солдатскую записную книжку, въ которой была обозначена моя часть. Понявъ, что я сказалъ неправду, офицеръ сталъ бить меня, приговаривая:

— Ты все врешь, ты все врешь....

Потомъ онъ потребовалъ, чтобы я выдалъ расположеніе нашихъ силъ.

Я сказалъ, что ничего не знаю.

Но офицеръ не повѣрилъ:

— Не можетъ этого быть. Ты долженъ знать, гдѣ ваши, и куда они отходятъ.

Я молчалъ.

Нѣмецъ пригрозилъ отрѣзать мнѣ уши и носъ.

Я продолжалъ стоять молча.

Тогда, по приказу своего начальника, четверо нѣмецкихъ солдатъ повалили меня на землю, пятый придавилъ мнѣ грудь колѣномъ и зажалъ ротъ тряпкой, а шестой вынулъ штыкъ-ножъ и сталъ рѣзать мнѣ лѣвое ухо.

И срѣзалъ всю верхнюю половину ушной раковины.

Телефонистъ потерялъ сознаніе.

Нѣмцы привели его въ чувство, давъ понюхать нашатырю и заставивъ насильно выпить глотокъ водки.

Искалѣченное ухо перевязали кускомъ грязной ткани.

— Все равно,—сказалъ офицеръ,—тебя заставятъ разсказать правду.

Одинъ изъ нѣмецкихъ развѣдчиковъ, по приказу офицера, повелъ Ананьева куда-то въ глубь лѣса.

Шли болѣе часа, пока нѣмецъ, повидимому, заблудившись, не приказалъ плѣннику сѣсть шагахъ въ пяти отъ себя.

Самъ нѣмецъ тоже опустился на траву.

Улучивъ моментъ, Ананьевъ ударилъ своего конвоира по головѣ катушкой кабеля, которая все еще была при немъ.

Нѣмецъ покатился и замеръ.

Смѣльчакъ, подобравъ винтовку незадачливаго врага, бросился бѣжать.

Добравшись до опушки, онъ увидѣлъ вновь селеніе Каны, около котораго его взяли нѣсколько часовъ назадъ.

Осторожно обойдя селеніе, онъ пошелъ дальше, по направленію къ расположенію русскихъ войскъ.

По пути едва спасся отъ вторичнаго плѣна, во-время замѣтивъ вражескій кавалерійскій отрядъ, скакавшій по проселку.

Пропустивъ разъѣздъ, Ананьевъ поползъ канавой, миновалъ какой-то фольваркъ и достигъ къ 9-ти часамъ утра П., гдѣ его подобралъ въ бричку, перевязалъ и довезъ до нашихъ проѣзжій полякъ.

Ананьева эвакуировали въ Варшаву и оттуда въ Москву.

Разсказъ Ананьева занесенъ полностью въ актъ, составленный уполномоченнымъ поѣзда черниговскаго дворянства и подтвержденъ медицинскимъ протоколомъ старшаго врача поѣзда".

IV.

Раненый въ Восточной Пруссіи офицеръ-кавалеристъ, побывавшій въ плѣну и успѣвшій отъ него избавиться, по словамъ корреспондента „Н. В." Эль-Эсъ, разсказалъ слѣдующее:

„Первое время, когда мы наступали еще до встрѣчи съ нѣмцами, очень трудно было убѣдить себя, что мы уже „на войнѣ“. Все казалось, что мы на маневрахъ. Такой обычной казалась намъ обстановка. Но когда затрещали первые боевые выстрѣлы, да защелкали пули, появились раненые, тутъ всѣ какъ-то сразу убѣдились: „да, это война“. Встрѣчные непріятельскіе разъѣзды, еще завидя насъ издали, поворачивали назадъ. Ужасно изводились наши солдаты на это удираніе нѣмцевъ. Какъ увидятъ издали конную часть, такъ и рвутся и просятся:

— В. в., позвольте ударить?

Готовы хоть въ одиночку броситься. Все время приходится ихъ сдерживать, чтобы не зарвались и не наткнулись на засаду. Поэтому мы эту хваленую конницу такъ близко и не видали, а только и дрались съ пѣхотой. Разумѣется, приходилось намъ все время быть на чеку, не раздѣвались по семи сутокъ, спали подъ открытымъ небомъ и блаженствовали, когда удавалось переночевать на полу. Въ деревняхъ при нашемъ приближеніи обыкновенно все исчезало, при отходѣ же изъ домовъ начинали сыпаться выстрѣлы. Что это были мирные жители, свидѣтельствомъ тому раны дробью и охотничьими пулями. Разумѣется, съ этой подлой публикой, которая стрѣляла намъ въ спину, хотя мы и не трогали у нихъ ни одной щепочки, поступали по военному времени. Да и какъ же иначе? Не отдавать же своихъ солдатъ подъ предательскій разстрѣлъ тѣхъ, кого мы всегда щадили, какъ порядочныхъ? Города у нихъ очень чистенькіе, благоустроенные, но жители точно вымирали до нашего ухода. Очевидно, они ожидали отъ насъ той же дикой расправы, какою прославились ихъ соотечественники. Впрочемъ, убѣдившись, что мы не жжемъ, не рѣжемъ, они въ занятыхъ городахъ скоро съ нами освоились и бойко торговали.

Однажды намъ пришлось выбивать ихъ пѣхоту съ батареей. Часть спѣшилась, а часть въ разсыпанномъ строю понеслась на прикрытіе, гдѣ была цѣлая рота. Хотя насъ было и мало, но мы доскакали вплотную. Я видѣлъ крупы нашихъ лошадей въ самой цѣпи. Но тутъ что-то ахнуло меня въ голову, конь мой падаетъ, убитый наповалъ, навалился на меня, поломавъ мнѣ ребра и придавивъ позвоночникъ. Удивляюсь, какъ я ухитрился изъ-подъ него вылѣзть, оставивъ залогомъ свой сапогъ. Пролежать мнѣ пришлось подъ огнемъ въ такомъ положеніи часа полтора. Но вотъ вылетѣла наша конная батарея и буквально уничтожила всю роту. А затѣмъ новымъ лихимъ налетомъ въ конномъ строю наши захватили батарею и порубили при-

слугу. Вытащили меня, перевязали и съ другими ранеными на автомобилѣ отправили въ тылъ, въ городъ, взятый нами. Мчимся мы, но... не доѣзжая городка, видимъ у дороги прусскихъ уланъ! Что такое, что дѣлать? Поворачивать назадъ поздно—въ мигъ разстрѣляютъ. Валяй полный ходъ впередъ, авось проскочимъ! Проносимся мимо, тѣ только во всѣ глаза на насъ посмотрѣли. Мчимся дальше, но у въѣзда въ городъ прусскій часовой.

Полный ходъ впередъ, летимъ на часового, тотъ спрыгнулъ съ дороги и давай намъ палить въ спину, но мы уже успѣли пролетѣть на площадь, а тамъ... сотни прусскихъ кавалеристовъ и цѣлый русскій лазаретъ. Стой, дѣлать нечего, что тутъ началось кругомъ! Нѣмцы словно взбѣленились. Окружили насъ съ дикимъ воплемъ, ружья наперевѣсъ, лица свирѣпыя, орутъ во все горло „Heraus!“ и волокутъ насъ. Я имъ объясняю, что ранены (хотя это видно было по нашимъ повязкамъ), что мы сами выйдемъ, и стараюсь выкарабкаться. А у моего товарища нога перебита; едва выползъ съ моей помощью. Какая разница съ нашимъ спокойнымъ, простымъ и достойнымъ отношеніемъ къ плѣннымъ!

Автомобиль отобрали и грубо приказали лѣзть въ лазаретный фургонъ. Здѣсь насъ окружила толпа, какъ звѣрей въ клѣткѣ. Лѣзутъ на колеса, въ фургонъ, смотрятъ прямо въ лицо, грубо, злорадно, съ ненавистью. Начинаютъ издѣваться:

— Что, до Берлина не такъ-то близко? А вотъ мы посмотримъ на Москву.

Наконецъ нашелся какой-то унтеръ-офицеръ, который отогналъ эту толпу и единственный изъ всѣхъ отнесся къ намъ по-человѣчески. Пришелъ офицеръ, отобралъ оружіе, бинокли, полевыя книжки, письма, разговорился съ нами. Оказались общіе знакомые, такъ какъ этотъ офицеръ бывалъ въ Петроградѣ и вращался въ обществѣ. Письма намъ черезъ нѣкоторое время вернули. Но это было единственное снисхожденіе. Объясняю его случайной встрѣчей. Ни перевязки, ни пищи, ни воды намъ не дали. Офицерство смотрѣло вызывающе, злобно. А еще сегодня утромъ я самъ поилъ плѣнныхъ нѣмцевъ. Къ намъ робко пробрался одинъ солдатикъ изъ лазарета, попавшій въ плѣнъ подобно намъ, и взмолился заступиться: уже двое сутокъ не даютъ ни ѣсть, ни даже воды. Я сталъ просить, чтобы дали ведро воды. Неприв ѣтливо, но разрѣшили. По тому, какъ солдаты, толкаясь и тѣснясь, бросились къ водѣ, я повѣрилъ, что они сказали правду. Отъ насъ потребовали слова, что не по-

пытаемся бѣжать. Я отказался. Сказали, что безъ пощады разстрѣляютъ при первой попыткѣ. Вдругъ крики, смятенье, и всѣ мигомъ ускакали. Ждемъ, что будетъ. Часа черезъ 2 вернулись и всѣхъ насъ заперли въ кирку, приставивъ часовыхъ снаружи и внутри. Въ полумракѣ, на каменномъ полу, мы разлеглись, голодные и холодные, больные и раненые. Ихъ караульные, не стѣсняясь мѣстомъ, курили, все время пили и поочередно удалялись съ какой-то дѣвицей подальше, въ алтарь. Вообще вели себя такъ разнузданно, пьяно, непристойно, что нашихъ солдатъ это совсѣмъ смутило. Слишкомъ не похоже на насъ. Ко мнѣ подошелъ пьяный уланъ и, подавая грубо-дружелюбно бутылку, сказалъ: „пей!“ Я отказался. Предложилъ мнѣ вонючую сигару, пришлось согласиться, да и не курилъ я съ утра, а иначе эти современные ландскнехты все могли сдѣлать. Мы были въ ихъ полной власти. Перекололи бы и сказали бы, что мы пытались бѣжать. Начальство, пожалуй, было бы только довольно. Вдругъ возлѣ кирки выстрѣлъ, второй, чаще, ближе... Одинъ солдатикъ влѣзъ на окно, благо караульные выбѣжали за дверь, и радостно-взволнованно шепчетъ:

— В. б. наши... крадутся... все больше... близко...

Я приказалъ всѣмъ ни пикнуть, ни шевелиться. Пусть о насъ забудутъ. Всего можно было ожидать. Жду съ бьющимся сердцемъ, что будетъ. Но уже гремятъ перекаты выстрѣловъ надъ окнами, раздалось русское „ура“, уже врываются къ намъ наши солдатики, мы свободны, живы, среди своихъ. Спасены! А затѣмъ мы на своемъ же автомобилѣ спокойно отправились дальше. Такъ вотъ какъ я спасся изъ плѣна. Скоро ѣду назадъ“.

И на молодомъ его лицѣ проглянула бодрая и увѣренная улыбка.

V.

Одному изъ нашихъ воиновъ, находящемуся въ плѣну въ Германіи, удалось прислать письмо на имя своихъ родителей. Письмо, благодаря случаю, не попало въ германскую цензуру. Въ немъ описывается жизнь нашихъ плѣнныхъ въ Германіи. Приводимые въ письмѣ факты лишній разъ показываютъ, какъ тяжело живется нашимъ плѣннымъ въ Германіи и какъ жестоко и безчеловѣчно обращаются съ ними нѣмцы.

„Нахожусь въ плѣну въ Германіи,—пишетъ плѣнный.— Пишу вамъ часто, но отвѣта не получаю. Вѣроятно, и мои, и ваши письма задерживаются нѣмцами.

Жизнь нашихъ военноплѣнныхъ въ Германіи ужасная. Во-первыхъ, нѣтъ хлѣба. Отъ голода среди плѣнныхъ по-

явились разныя болѣзни, отъ которыхъ многіе умираютъ, а тѣхъ, которые выживаютъ, нѣмцы часто убиваютъ безъ всякой вины и причины.

Однажды встрѣтилъ я здѣсь своего знакомаго, нашего плѣннаго, и заговорилъ съ нимъ. Вдругъ подходитъ часовой и, не говоря ни слова, ударилъ меня винтовкой по головѣ, а затѣмъ размахнулся, чтобы заколоть. Я успѣлъ отбѣжать, и онъ прокололъ мнѣ только шинель. Не убѣги я во-время, быть мнѣ заколотымъ. И такъ поступаютъ со всѣми.

Наши плѣнные отъ голода и болѣзней превратились въ какихъ-то скелетовъ. Какъ осенняя трава въ полѣ: сперва пожелтѣетъ, посохнетъ, а затѣмъ упадетъ. Такъ и наши плѣнные.

Хлѣба выдаютъ намъ по три фунта на пять дней. Хлѣбъ плохой, наполовину смѣшанный съ гнилой картошкой. Супъ варятъ изъ желудей и иногда изъ тухлой рыбы или тухлаго же мяса. Но мяса кладутъ только для видимости. Какъ въ нашей рѣкѣ не поймаешь сома, такъ и здѣсь въ мискѣ съ супомъ мяса.

Зачѣмъ-то насъ, голодныхъ и обезсиленныхъ, стали учить строю. А строй таковъ: бѣгомъ, ложись и лежа на животѣ поворачивайся. Нѣкоторые отъ усталости и изнеможенія падаютъ въ обморокъ. Сейчасъ же къ нимъ подбѣгаютъ нѣмцы и начинаютъ лечить. А лекарство у нихъ простое и стоитъ дешево: въ бока ногами, избиваютъ до полусмерти, а то и до смерти.

Сенаша Ж. былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со мною. Когда мы пришли въ нѣмецкій лагерь, онъ сильно захворалъ, не могъ ходить, лежалъ двое сутокъ безъ всякой помощи. На третій день его полуживого забрали въ лазаретъ. Я много разъ справлялся о немъ, но мнѣ говорили: ничего неизвѣстно. Навѣрное, бѣдняга померъ. Причина его смерти — голодъ. Когда насъ вели въ плѣнъ, намъ цѣлыхъ пять сутокъ ничего не давали ѣсть. Съ голоду онъ и захворалъ. И такихъ, какъ онъ, много. Рѣдкіе изъ плѣнныхъ выживаютъ.

Вотъ какое наше житье въ германскомъ плѣну". („У. Р.")

Любители русскаго плѣна.

Странныя явленія замѣчались въ австрійскихъ войскахъ: съ одной стороны встрѣчались части, поражающія своею удивительною стойкостью, а съ другой—заурядные случаи сдачи въ плѣнъ безъ боя.

Такъ, напримѣръ, Д. Н. Лагофетъ приводитъ въ „Разв." слѣдующій эпизодъ.

„Недалеко отъ моста черезъ Дунаецъ расположилась въ окопахъ наша пѣхотная рота. Здѣсь особенно часто слышались выстрѣлы и съ нашей, и съ австрійской стороны.

Окопы протянулись параллельно берегамъ рѣки и малѣйшее передвиженіе не только частей, но даже и отдѣльныхъ людей, вызывало усиленный ружейный огонь. На этомъ участкѣ выходить изъ окоповъ можно было только по ночамъ.

Мостъ сдѣлался особеннымъ пунктомъ. Здѣсь постоянно по ночамъ переходили австрійцы, желающіе сдаться въ плѣнъ.

Даже съ австрійской стороны письмо прислали. Писали:

— „Очень неудобно намъ переходить на вашу сторону, мостъ разрушенъ, доски всѣ сняты, просимъ очень положите кладки для перехода, чтобы было удобнѣе переходить“.

Посмѣялись надъ этимъ очень, но все-таки сейчасъ же положили доски и въ ту же ночь ихъ перешло нѣсколько десятковъ и сдались въ плѣнъ“.

Письмо.

Кошмарное письмо „честнаго“ стараго нѣмца, говорящее о тѣхъ бѣдахъ, что выпадутъ на долю нашихъ плѣнныхъ въ Германіи, помѣщаетъ „Нашъ Вѣстн.“.

(Найдено въ сумкѣ унтеръ-офицера XX корпуса).

„Милый мой сынокъ. Спасибо, что не забываешь своихъ стариковъ и часто посылаешь вѣсточки. Богъ да вознаградитъ тебя за это и за твои лишенія, которыя ты испытываешь совмѣстно со своими товарищами-героями въ бояхъ съ этими дикарями-азіатами въ проклятой свинской Польшѣ.

Велики наши лишенія, и болитъ мое сердце, но зато радуюсь, что могу отплатить тѣмъ изъ русскихъ свиней, которыхъ, какъ самый паршивый скотъ, пригнали къ намъ плѣнными.

Я счастливъ, что могъ плюнуть въ глаза тѣмъ изъ нихъ, которые были близко отъ меня, и видѣть какъ моя старуха плюнула въ лицо одного изъ этихъ дикарей.

Ихъ даютъ намъ въ работу, и будь спокоенъ, мой мальчикъ, что твои страданія выдавимъ мы изъ нихъ потомъ и слезами, будь они прокляты. Ихъ страданія будутъ радостью для насъ.

Будь здоровъ, да хранитъ тебя Господь въ твоей честной борьбѣ за родину, а мы со старухою безпрерывно молимся за тебя“.

ГЛАВА III.

Разное изъ боевой жизни.

Въ окопахъ.

Раненые офицеры разсказывали корреспонденту „Н. В.“ Н. Бутовскому о забавныхъ солдатскихъ разговорахъ въ окопахъ.

Вернулся солдатъ, излѣчившійся отъ ранъ. Товарищи окружили его, распрашивая о впечатлѣніяхъ. Разговаривали шепотомъ, ибо ожидалась ночная атака.

Въ это время послышался шорохъ въ кустахъ. Разговоръ оборвался?

— Это енъ (нѣмецъ), послышался шепотъ фельдфебеля.— Надо смѣны будить.

Оглянувшись, люди разглядѣли въ темнотѣ ротнаго и младшаго офицера. Отдыхавшіе солдаты поспѣшно выбѣжали изъ землянокъ и заняли свои мѣста.

— „Мотри“, молодцы, шепталъ фельдфебель:—перво-наперво стрѣляй безъ горячки, когда прикажутъ „пачками“; а когда выскочимъ „на штыки“, чтобы не было ни одного, который не можетъ обогнать своихъ товарищей...

И у людей складывалась внутренняя рѣшимость выполнить эту физически невыполнимую задачу.

Черезъ минуту произошло бурное столкновеніе. Это было то знаменитое дѣло, въ которомъ наши двѣ роты опрокинули своимъ штыковымъ натискомъ большую передовую непріятельскую линію, которая, повернувъ назадъ, внесла панику въ свои резервы.

За это дѣло, между прочимъ, получилъ Георгія, по приговору роты, молодой солдатъ, котораго товарищи называли „мусорнымъ“ и считали трусомъ. Прежде, бывало, трунили надъ нимъ.

— Страшно тебѣ было, Петровъ?

— Конечно, страшно... Да вѣдь всѣ идутъ,—куда мнѣ дѣваться?

А теперь всѣ добивались узнать: откуда у него „эта самая“ храбрость взялась.

— А вотъ духъ занялся, отвѣчалъ Петровъ. — Мнѣ теперь хоть каждый день „на штыки“, потому—привыкъ, обошелся...

По этому поводу завязался между солдатами разговоръ.

— И..! Боже милостивый! Когда русскій духъ займется—все на свѣтѣ можетъ сокрушить, примѣрно, какъ при Суворовѣ...

— Слышь, почтенный, — обратились солдаты къ плѣнному нѣмцу,—и куда тебѣ воевать супротивъ Россіи? Мы на Берлинъ пойдемъ; безпремѣнно возьмемъ твоего Вильгельма и отправимъ его въ самую что ни на есть Тобольскую губернію... Домикъ ему дадимъ, землицы прирѣжимъ... Живи себѣ смирно да тихо подъ началомъ господина исправника; а ежели что—въ участокъ,—тамъ разберутъ... Шуточное ли дѣло—на всемъ свѣтѣ поднялъ арміи и флоты...

Плѣнный германецъ сидѣлъ съ опущенной головой и вздыхалъ.

— Да енъ, братцы, какой-то хворый, а може голодный... На вотъ хлѣбца поѣшь, подкрѣпись.

— Да ты не бойся,—жалостливо замѣтилъ другой солдатъ,—мы тебѣ ни языка, ни ушей вырѣзать не будемъ, потому—мы православные, значитъ,—„хрестьяне“...

Плѣнный германецъ нервно схватилъ кусокъ черстваго хлѣба и сталъ жадно жевать его... Жалко было смотрѣть на этого представителя массоваго германскаго милитаризма...

Удушливые газы.

А. Антоновъ разсказываетъ въ „Р. С.“ о дѣйствіи удушливыхъ газовъ, которые примѣняютъ на войнѣ наши гнусные враги.

Лазаретъ для отравленныхъ. Есть легко отравленные и тяжело отравленные.

Подхожу къ солдату.

— Ну, какъ?

Онъ взглянулъ съ такой бѣшеной злобой, какой я никогда не замѣчалъ въ нашихъ солдатахъ.

— Что тараканъ, дохну!.. Силой взять не могутъ, такъ заморить хотятъ... Не смотрятъ, что мы люди, а словно вошь!

Онъ застоналъ отъ боли, мучительно закашлялся и отхаркалъ кровью. Потомъ, задыхаясь, продолжалъ:

— Въ сколькихъ сраженіяхъ былъ, — Богъ миловалъ. А тутъ на! Отъ этакой мерзости помирать надо...

Говорилъ со многими военными. Озлобленіе въ нашихъ войскахъ страшное.

— Мы — люди, солдаты, такъ и воюй съ нами, какъ съ людьми, а не какъ съ тараканами!

Средство лѣченія — кислородъ. Это самое удачное, что пробовали примѣнять для борьбы съ отравленіемъ. А предохранительныя мѣры—марлевыя маски, смоченныя гипосульфитомъ или просто водой. Вода прекрасно дѣйствуетъ: одинъ объемъ воды поглощаетъ три объема газа. Главная составная часть газа—хлоръ.

Удушливые газы двигались на наши позиціи не сплошной стѣной, а струями. Въ воздухъ текли гдѣ узкія, гдѣ широкія отравленныя струи, неся съ собой смерть всему живому.

За Вискитками я видѣлъ поле ржи, попавшее въ струю отравленныхъ газовъ. Зеленые колосья почернѣли, стебли потеряли свою упругость и силу, завяли и склонились къ землѣ. Поле словно вытоптано или выжжено.

Границы ядовитыхъ струй рѣзко очерчены. Я видѣлъ рощу въ роскошномъ нарядѣ сочной зелени. Но струя газа задѣла край этой рощи, — и деревья стоятъ здѣсь съ осыпавшимися листьями, оголенныя, точно въ глухую осень.

Вотъ бѣлая акація. Половина ея еще цвѣтетъ и благоухаетъ, а другая половина словно отмерла: угрюмо и безобразно топорщатся черныя, голыя вѣтки.

Подъ деревомъ на землѣ валяются какіе-то черные комья. Подхожу ближе, — трупы воронъ. Воронье, усѣвшее вершину захваченнаго ядовитымъ газомъ дерева, сразу очумѣло и осталось сидѣть на деревѣ, пока не свалилось на землю замертво.

Въ поляхъ и на дорогахъ валяются трупы задохшихся отъ газовъ лошадей, бездомныхъ собакъ, свиней и т. п.

Луга почернѣли, цвѣты свернулись и завяли... Тамъ, гдѣ по землѣ прошла струя газа, земля превратилась въ пустыню.

Къ счастью, примѣнить свое ужасное средство въ столь широкомъ масштабѣ, въ какомъ хотѣлось бы нѣмцамъ, они не смогли и, вѣроятно, не смогутъ. На Равкѣ и Бзурѣ они выпустили колоссальное количество удушливыхъ газовъ. Все имъ благопріятствовало: вѣтеръ дулъ съ запада на востокъ, ровный, не слишкомъ сильный и не порывистый. И все-таки мѣстами газы прошли надъ головами нашихъ войскъ слишкомъ высоко, чтобы отравить ихъ; мѣстами ядовитыя струи разрѣжались и разсѣивались, теряя свою смертоносность. При отсутствіи вѣтра, при перемѣнчивости его направленія или при порывистости, ядовитые газы мало

дѣйствительны. Чтобы быть смертоносными, они должны течь медленно, густой и плотной струей, въ сухомъ воздухѣ. Если воздухъ влаженъ, газы также теряютъ значительную долю своей ядовитости.

Такимъ образомъ, возможность примѣненія газовъ обусловливается слишкомъ большимъ стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, что случается не такъ часто.

Плѣнные говорятъ, что сами нѣмцы ждали бо́льшаго результата отъ газовъ, чѣмъ тотъ, который получился.

Германскимъ арміямъ, расположеннымъ на Бзурѣ и Равкѣ, былъ отданъ приказъ:

— Черезъ полчаса послѣ начала примѣненія газовъ итти въ русскіе окопы и занимать ихъ безъ боя. Тѣхъ изъ русскихъ, которые не будутъ умерщвлены газомъ, вязать, такъ какъ они будутъ въ такомъ состояніи, что не смогутъ сопротивляться.

Этотъ приказъ нѣмецкимъ войскамъ, распубликованный за подписью командующаго арміей, со ссылкой на удачный опытъ примѣненія газовъ на западномъ фронтѣ, встрѣченъ былъ нѣмцами съ полнымъ довѣріемъ. Они и пошли на наши окопы густыми колоннами, по открытому мѣсту, безъ всякихъ предосторожностей, чтобы брать русскихъ голыми руками. И совершенно опѣшили, встрѣтивъ съ нашей стороны жестокій отпоръ. Когда заработали наши стрѣлки, затрещали наши пулеметы, и наши батареи открыли ураганный огонь,—нѣмцы дрогнули и побѣжали.

— Это было настоящее паническое бѣгство, — разсказываютъ участники боя. — Нѣмцы бросали оружіе, стремясь скорѣе добѣжать до своихъ окоповъ, а нѣкоторые ихъ роты не задерживались даже въ первой линіи траншей и покидали ихъ безъ всякаго натиска съ нашей стороны.

Плѣнные говорятъ:

— Послѣ неудачи наши офицеры намъ объясняли: русскіе—такіе варвары, что на нихъ даже газъ не дѣйствуетъ! Ихъ организмъ слишкомъ грубъ!

Объясненіе, достойное отравителей.

На самомъ дѣлѣ газъ прошелъ струями, поразивъ лишь тѣхъ, кто попалъ въ полосу струй. Отравленные немедленно были вывезены, и ихъ мѣсто заняли свѣжія войска. А главное—наши войска примѣнили удачный пріемъ: когда отравленная струя достигала нашихъ окоповъ, солдаты не ждали, пока газъ окажетъ свое дѣйствіе, а выходили изъ окоповъ и шли впередъ, въ контръ-атаку, выходя, такимъ образомъ, изъ сферы дѣйствія яда.

Дочь полка.

Въ глухомъ, чрезвычайно бѣдномъ аулѣ Четакѣ, на бывшей турецкой территоріи, былъ поднятъ ребенокъ, брошенный родителями-турками при бѣгствѣ послѣднихъ во время наступленія нашихъ войскъ. Ребенокъ этотъ, дѣвочка около двухъ лѣтъ отъ роду, была подобрана рядовымъ 9-й роты одного изъ полковъ нашей кавказской арміи и доставлена своему ближайшему начальству. Голодная, грязненькая, дѣвочка была тогда же обмыта, накормлена и на слѣдующій день препровождена въ штабъ полка, въ селеніе Бардусъ, гдѣ при торжественной обстановкѣ въ мѣстной греческой церкви было совершено надъ нею св. крещеніе. На богослуженіи присутствовали всѣ наличные офицеры полка, офицеры другихъ частей войскъ и множество солдатъ. Воспріемникомъ былъ командиръ полка полковникъ князь Нижерадзе, а воспріемницею случайно находившаяся вблизи Бардуса старшая сестра милосердія Краснаго Креста княгиня Н. Г. Геловани, жена члена Г. Думы. Дѣвочкѣ дано имя Александра, отчество — имя полкового командира, воспріемника, что же касается ея фамиліи Д—ской (названіе полка), то объ этомъ сдѣлано представленіе по начальству на Высочайшее соизволеніе.

Офицеры полка единогласно рѣшили отчислять ежемѣсячно извѣстный процентъ изъ содержанія на воспитаніе и образованіе своей дочери, Александры Константиновны Д—ской. („Тиф. Л.“)

Окопъ мертвецовъ.

Зима была довольно сурова въ завоеванной нами Галичинѣ и особенно въ Карпатахъ. И жители не шутя увѣряютъ, что русскія войска принесли съ собою холода изъ Россіи. Одна изъ сестеръ милосердія, работающая въ военно-полевомъ госпиталѣ на передовыхъ позиціяхъ, въ „Кіевл.“ пишетъ о той ужасной картинѣ, на которую натолкнулся ихъ госпиталь при передвиженіи впередъ и которая ударила своимъ ужасомъ даже по привычнымъ ко всякимъ страданіямъ нервамъ. Въ глубокомъ австрійскомъ окопѣ, хорошо укрытомъ земляными валами отъ нашего огня и, казалось, вполнѣ безопасномъ, находилось свыше пятисотъ мертвецовъ. Это были замерзшіе. Трупы сидѣли и лежали въ различнѣйшихъ положеніяхъ. Кто прислонился къ стѣнѣ окопа, глубоко засунувъ руки въ карманы шинели, кто сжался въ одинъ сплошной комокъ, бросивъ ненужное

ружье; нѣкоторые сбились въ кучи по двое-трое, своими тѣлами стараясь согрѣть другъ друга. Всюду валялись брошенныя ружья, патронныя сумки и обоймы. Тутъ же около окопа валялись трупы рѣшившихъ выползти смѣльчаковъ съ смертельными ранами. А морозъ между прочимъ дѣлалъ свое дѣло. Сначала сковалъ онъ своимъ рѣжущимъ дыханіемъ ихъ движенья: заледенилъ тѣла и лица, вливая въ мозгъ смертельную сонливость. И отдавшись его власти, погружаясь въ безболѣзненный сонъ, несчастные застыли неподвижно на своихъ мѣстахъ. А когда утромъ поднялось теплое солнце, разогнало своими лучами морозъ, было уже поздно. На днѣ страшнаго окопа лежали безъ движенія замерзшіе мертвецы.

Бронированные русскіе самоходы.

Когда въ августѣ обнаружилось цѣнное преимущество нѣмцевъ въ ихъ бронированныхъ самоходахъ, то рѣшено было и у насъ завести подобныя же „чудеса“. Взяли обычныя телѣжки для легкихъ самоходовъ. Отправили ихъ на заводъ и тамъ поставили на телѣжки кузова, склепанные изъ стальныхъ листовъ. Внутри поставили пулеметы, и вотъ вамъ достойный противникъ „страшному чуду“ нѣмецкой техники. „Техника“ немудрая и несложная. Главное „чудо“ въ командномъ составѣ. Эта часть, дѣйствительно, поставлена чудесно. Полковникъ Д—кій выбралъ себѣ помощниками офицеровъ и съ большою научною подготовкой, и прошедшихъ серьезную военную школу, стальныхъ людей по закалкѣ духа, достойныхъ править стальною машиной. Въ команду нижнихъ чиновъ они набрали людей подъ-стать себѣ. Тутъ и охотники, и добровольцы, и запасные; и взятые изъ строя, просѣянные съ большимъ выборомъ. Каждаго цѣнили съ точки зрѣнія полной его пригодности къ большому и отвѣтственному дѣлу. Каждому выяснялись и важность, и опасность его службы. И люди сознательно на то шли. Когда въ бою подъ Лодзью, у Пабіаницъ, бронированные самоходы съ пулеметами выѣхали на прикрытіе атаки нашего батальона противъ трехъ нѣмецкихъ полковъ, и когда самоходы подъѣхали къ нѣмцамъ и остановились передъ ними на разстояніи полутораста саженъ, командующій головнымъ самоходомъ офицеръ Г—овъ сказалъ пулеметчикамъ:

— Ну, ребята, полное спокойствіе. Не торопиться и не нервничать. Надо, чтобы ни одна лента не пропала даромъ. Непріятеля тысячи. Дѣло предстоитъ горячее.

— На то шли,—спокойно отвѣчаетъ пулеметчикъ.—Чѣмъ больше нѣмца, тѣмъ лучше, сильнѣе его накрошимъ, а они, конечно, тоже зѣвать не будутъ, дадутъ и намъ.

Бой подъ конецъ сблизился до пятидесяти шаговъ. Нѣмецкія пули, какъ крупный градъ, барабанили по стальнымъ листамъ самоходнаго покрова. Восемнадцать пуль пронизали броню въ разныхъ мѣстахъ. Всѣ сидѣвшіе въ самоходѣ—и офицеры, и нижніе чины—были ранены. И всѣ во все время боя продолжали спокойно работать, какъ-будто они сидѣли въ учебной комнатѣ. Поправляли патронныя ленты, когда ихъ заѣдало. Разбирали и сбирали пулеметъ, когда онъ, накаленный выше всякой мѣры, переставалъ работать.

Чинятъ одинъ пулеметъ, а другимъ стрѣляютъ. И все это подъ ружейнымъ огнемъ трехъ полковъ; подъ обстрѣломъ орудій, на открытомъ мѣстѣ, когда самоходъ вдругъ остановился самъ и не можетъ даже двинуться съ мѣста. Пришлось части команды даже выйти изъ самоходовъ и катить ихъ руками. Одинъ катитъ самоходъ одною рукою, а другою то-и-дѣло что-то шаритъ за ухомъ, по затылку и шеѣ. Обтираетъ руку о лицо,—лицо все въ крови.

— Что ты?—спрашиваетъ офицеръ.

— Ищу, гдѣ рана, — дѣловито-спокойнымъ тономъ отвѣчаетъ тотъ.—Гдѣ-то сзади, на головѣ, кровь, а гдѣ рана,—нащупать не могу... Правѣе, правѣе, на меня бери! — кричитъ онъ тянущимъ самоходъ позади него.

Всѣ девять нижнихъ чиновъ, — команда обоихъ самоходовъ,—получили уже Георгіевскіе кресты, а когда они вернулись, то старшій взводный унтеръ-офицеръ докладываетъ офицеру:

— У насъ, ваше высокоблагородіе, въ командѣ бунтъ.

— Какъ бунтъ?—встревожился тотъ.

— Всѣ просятся съ вами въ дѣло. Что-бы, значитъ, бывшихъ не брать уже въ другой разъ.

Пулеметчики въ этой командѣ — охотники изъ лучшихъ пулеметныхъ ротъ. Остальные всѣ — прекрасные слесаря, мастера по управленію и вообще самоходному дѣлу.

Внѣшній видъ бронированнаго самохода довольно неказистый. Какая-то гробо-подобная колымага. Крышка сверху складная, откидная. Когда самоходъ идетъ походнымъ порядкомъ,—крышка откидывается, и офицеръ, стоя въ самоходѣ, осматриваетъ мѣстность. Во время же боя крышка опущена, и каждый сидитъ сжатый. Мѣста въ самоходѣ въ обрѣзъ. Площадь, вѣдь, обыкновеннаго самохода. На ней должны умѣститься два пулемета со станками, два пуле-

метчика, правящій машиною, командующій офицеръ и солдатъ, подающій ленты съ патронами. Всего пять человѣкъ. Прибавьте сюда еще патроны. Ихъ до сорока ящиковъ. Все это такъ наполняетъ самоходъ, что ни хлѣба, ни теплой одежды съ собою взять нельзя. И такъ негдѣ шевельнуться. Къ концу же боя, случается, и дышать нечѣмъ. Сидящіе подъ стальною бронею не только задыхаются, — они отравляются.

Помѣрѣ того, какъ усиливается стрѣльба изъ пулеметовъ, ленты съ патронами, отработанныя уже, кидаются— здѣсь же. Онѣ заполняютъ самоходъ до крыши. Газы отъ стрѣльбы остаются здѣсь же, а тутъ обыкновенно простреливаютъ кожухи у пулемета. Каждый, вѣдь, пулеметъ, дуло его, заключено въ кожухъ, наполненный водою. Это дѣлается для охлажденія ствола. Отъ молніеносной стрѣльбы стволъ быстро накаляется, и вода въ кожухѣ начинаетъ кипѣть. Когда кожухъ неизбѣжно пробивается непріятельскими пулями (стволъ пулемета высунутъ наружу), то паръ вырывается и заполняетъ нутро самохода.

— Когда машина перестала работать, и мнѣ пришлось выскочить изъ самохода на открытую дорогу подъ шрапнельный огонь, я не думалъ ни объ опасности, ни о полученной уже внутри самохода ранѣ,—говорилъ командиръ стального самохода.—Мнѣ хотѣлось только дышать чистымъ воздухомъ.

— Жарко у насъ въ самоходѣ. Жарко и въ переносномъ, и въ буквальномъ смыслѣ,—говорилъ правящій машиною.

А въ это время нѣмцы въ ста, въ семидесяти, въ пятидесяти шагахъ барабанятъ пулями по самоходу. Самоходъ своими пулеметами коситъ у непріятеля ряды.

— Такъ и валятся, такъ и валятся. Какъ трава на покосѣ,—говоритъ упоенный работою своихъ пулеметовъ командиръ.—Ведетъ наводчикъ пулеметъ, а за нимъ нѣмцы пластомъ, одинъ за другимъ. И хочется ихъ еще ближе, еще больше. Но и допустить ихъ вплотную къ себѣ нельзя: подскочатъ, возьмутъ насъ голыми руками,—въ упоръ, вѣдь, пулеметомъ ничего не подѣлаешь. А нѣмцы тоже знаютъ дѣло: и живые валятся на землю, ползутъ къ намъ и стрѣляютъ. Да еще какъ: разрывными пулями. Ударится такая пуля о стѣну и разорвется. Въ наблюдательную щель видно какъ сверкнетъ голубоватымъ огонькомъ. Иныя пули, больше снизу рикошетомъ и пробиваютъ броню. То-и-дѣло слышишь о стѣнки брони:

— Тень, тень, тень.

Въ воздухѣ внутри самохода летятъ мелкіе осколки брони. Они жалятъ, сѣкутъ лицо. Послѣ боя все лицо бываетъ усѣяно этими крупинками. Ихъ то выцарапываютъ ногтемъ, то выколупываютъ булавкою. (Изъ газ.)

Собаки-санитары на войнѣ.

Въ нѣкоторыхъ нашихъ гвардейскихъ полкахъ имѣются собаки-санитары. Собаки снабжены перевязочнымъ матеріаломъ, обвязаннымъ у нихъ вокругъ туловища. Во время сраженія собаки вмѣстѣ съ санитарами разсыпаются по полю и разыскиваютъ раненыхъ. „И вотъ“, разсказываетъ солдатикъ, „лежалъ я на полѣ поздней ночью и стоналъ. Слышу шорохъ. Оглядываюсь. Около меня стоитъ собака и умными глазами смотритъ на меня. Потомъ она приблизилась, легла на землю спиной и замерла. Я хотѣлъ было достать бинтъ, но рука у меня была сильно поранена и я ничего не могъ сдѣлать. Тогда собака начала лаять. Сначала тихо, потомъ все громче и наконецъ завыла. Когда подошелъ санитаръ, она мотнула головой въ мою сторону и затихла. Санитаръ сдѣлалъ мнѣ перевязку, произнесъ какое то слово и велѣлъ мнѣ итти за собакой, которая привела меня на перевязочный пунктъ“.

Наши собаки служатъ подъ знаменемъ милосердія и на войнѣ приносятъ большую пользу. Солдаты относятся къ нимъ съ большой почтительностью.—Собака, что человѣкъ, говорятъ они, всѣ понимаетъ и на войнѣ она подчасъ добрѣе человѣка.

По словамъ „Мин. Гол.“, солдаты неодобрительно отзываются объ австрійскихъ собакахъ. Шпіоны онѣ. У собакъ этихъ длинная шерсть и вокругъ шеи имъ на тоненькой веревочкѣ навязываются трубочки съ донесеніями. Собаки эти часто бѣгаютъ по передовой линіи и вынюхиваютъ наши разъѣзды. Лучшіе стрѣлки изъ казаковъ стрѣляютъ по нимъ. Одинъ казакъ убилъ двухъ собакъ. У обѣихъ найдены были интересныя донесенія.

Изобрѣтатель.

Скучно стало въ траншеяхъ. Пріумолкъ неутомимый разсказчикъ и балагуръ солдатъ-добровольцъ, прекратилась залихватская, хотя и заглушенная австрійскимъ брезентомъ,

изображающимъ дверь въ землянкѣ, пѣсня гармоники. Люди ходятъ какъ сонныя мухи, а офицеры болѣе медленно двигаются по грязнымъ глинистымъ окопамъ, провѣряя посты и смѣняя часовыхъ. Собственно говоря всего вдоволь, есть и хлѣбъ, и мясо, и чай, и сахаръ, и табачокъ, а нѣтъ бумаги, трубокъ совсѣмъ не брали, всегда было бумаги достаточно, а теперь какъ на зло и нѣтъ.

Особенно хмурится татаринъ изъ Казанской губерніи. Ему хотя и запрещено закономъ Магомета курить, да такъ за окопную жизнь пристрастился, что ѣсть пересталъ, какъ курить стало нечего. Ходитъ по окопамъ и тяжко вздыхаетъ, даже гонять стали, душу надрываетъ, какъ самаго близкаго человѣка потерялъ.

Пробовали жевать махорку, не то, вкуса того нѣтъ. А бумаги все-таки нѣтъ, выйти изъ окоповъ нельзя и достать неоткуда.

Выручилъ всѣхъ татаринъ. Засѣлъ онъ у себя въ землянкѣ, досталъ кусокъ веревки въ палецъ толщиной, разсучилъ ее немного, обмазалъ глиной, съ одного конца чашечку сдѣлалъ, а съ другой сплюснулъ немного. Кто ни придетъ за разспросами, всѣхъ гонитъ: „Погоди, узнаешь, выйдетъ ли еще“. Къ вечеру подсушилъ свой приборъ, обмазалъ густо солью и началъ обжигать. Порастрескалась глина, онъ снова замажетъ и сольцой присыплетъ.

Такъ возился часа два, покуда не вышла всѣмъ на диво „общественная трубка“.

Насыпали въ чашечку махорки и стали курить, вѣдь вышло лучше, чѣмъ цыгарка. Повеселѣли солдаты, сна нѣтъ, по очереди подходили затянуться, не побрезговали и господа офицеры.

На утро снова пошла веселая жизнь, запѣла гармоника, пѣли хоромъ, пугая австрійцевъ, посылавшихъ въ сторону нашихъ безпорядочные залпы, снова заговорилъ балагуръ...

Съ тѣхъ поръ, по словамъ корреспондента „Н. В“. Н. Пенчковскаго, рота не разстается со своей „общественной трубкой“. Можетъ никогда не удастся ее примѣнить, всѣ пообзавелись своими трубками, а все-таки, берегутъ солдаты „глиняную“ и больше всѣхъ татаринъ-изобрѣтатель.—Богъ знаетъ, гдѣ еще придется быть, иной разъ ни глины, ни веревки не достанешь, такъ опять выручитъ старый другъ.

«Сестрица».

— Вы не можете себѣ представить,—говоритъ офицеръ Н.,—что значитъ для насъ, раненыхъ, сестра милосердія. Когда она наклоняется въ своемъ скромномъ бѣленькомъ платочкѣ съ улыбкой утѣшенія,—какъ-то легче дѣлается, даже боль не такъ чувствуешь.

Всего нѣсколько дней тому назадъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ драматическаго эпизода, участницей котораго была сестрица.

Прежде чѣмъ я былъ эвакуированъ въ Петроградъ, я пролежалъ нѣсколько дней въ госпиталѣ въ Вильнѣ. Раненыхъ насъ въ палатѣ лежало нѣсколько. Около насъ постоянно дежурили сестры. Одна изъ нихъ была совсѣмъ молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати, высокая, стройная съ красивыми, точно точеными чертами лица и съ чудными, немного печальными глазами. Изрѣдка изъ-подъ бѣлаго платочка выбивалась у нея прядь золотистыхъ волосъ, за которые мы и прозвали ее „золотистой сестрицей“.

У нея былъ поразительно мелодичный, ласкающій голосъ. Сознаюсь откровенно, что я часто умышленно ерзалъ на постели, чтобы она подошла ко мнѣ, поправила подушки и сказала нѣсколько ободряющихъ словъ.

Сестрица была со всѣми одинаково ласкова и нѣжна.

На третій день, какъ я былъ доставленъ въ лазаретъ, къ намъ привезли тяжело раненаго корнета О. Привезли его рано утромъ уже въ безсознательномъ состояніи. Наша сестрица сразу бросилась къ нему, да такъ, почти не отходя, и осталась около него до вечера, когда О. умеръ.

Напрасно мы возились на нашихъ подушкахъ. Сестрица только на минуту подошла къ намъ.

— Сестрица,—сказалъ я ей съ упрекомъ,—вы совсѣмъ насъ забыли!

— Скоро, скоро, голубчикъ, я къ вамъ приду.

Меня поразили ея блѣдное какъ полотно, лицо и дрожащій голосъ.

— Сестрица, да вы, кажется, нездоровы?

Она только молча махнула рукой и направилась къ умирающему О.

Вечеромъ она пришла снова ко мнѣ и присѣла около кровати.

— Наконецъ-то, сестрица!—обрадовался я и добавилъ съ эгоизмомъ больного:—а я ужъ жалѣлъ, что я не тяжело раненъ!

— Это былъ мой женихъ,—сдавленнымъ голосомъ, чуть-ли не шопотомъ проговорила она, и по ея щекамъ медленно скатились двѣ крупныя слезы.

Но это были ея первыя и послѣднія слезы. На другой день съ поблѣднѣвшимъ, измѣнившимся отъ муки лицомъ она опять поправляла намъ подушки, и своимъ мелодичнымъ голосомъ подбадривала:

— Скоро, голубчикъ, поправитесь!.. („Б. В“.)

Душа русскаго солдата.

Вотъ, простая трогательная повѣсть, рисующая душу русскаго солдата, разсказанная въ „Б. В.“.

„Въ великолѣпно оборудованномъ лазаретѣ фрейлины, графини В. Б. Перовской, въ Лѣсномъ, по Новоспасской ул., лежитъ тяжело раненый бомбардиръ-наводчикъ Федоръ Нечаевъ, изъ крестьянъ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губ.

Снарядъ тяжелаго германскаго орудія разорвался въ двухъ шагахъ отъ Нечаева. Страшный взрывъ оглушилъ солдата, а когда онъ очнулся, болѣло все тѣло и кровь струйками стекала изъ многочисленныхъ ранъ. Десятки осколковъ впились въ тѣло, болѣе крупные попали подъ правое ухо, въ правое плечо и въ правую ногу. Когда подобрали его санитары, первый вопросъ его былъ:

— Гдѣ Мушка, не попало ли въ нее?

Маленькая бѣлая собака, съ рыжими пятнами, прыгала вокругъ носилокъ, стараясь лизнуть руки раненаго.

— Какъ увидалъ ее, такъ и полегчало. Не помню, куда меня несли, на перевязкѣ очень было больно. Потомъ очнулся въ санитарномъ вагонѣ. Ну, думаю, не увидать мнѣ теперь моей Мушки. А она, подлая, тутъ какъ тутъ. Забилась подъ нару, а когда поѣздъ отошелъ, прыгнула ко мнѣ, свернулась въ ногахъ, да съ устали заснула, даже храпѣла.

Спасибо сестрѣ милосердной, оставила она Мушку со мной въ вагонѣ. Я когда застушилъ въ батарею, она ужъ тамъ два года находилась. Гдѣ подобрали, не знаю, только хорошая она такая, добрая собака. Очень ужъ я къ ей привязался, да и она отъ меня не отходила. Я на ученье, и она со мной, со двора уйдешь, она непремѣнно привяжется. Когда въ походъ отправлялись, Мушка, точно человѣкъ, все понимала, за версту впередъ убѣжала, чтобъ ее только въ казармахъ не оставили.

Походъ мы съ ей сдѣлали благополучно, кормилъ ее, что въ котлѣ оставалось, только въ дорогѣ она мало ѣла, понимала, что ей легче на тощій желудокъ переходы дѣлать.

Въ восьми бояхъ мы съ ей были, Богъ хранилъ. Батарея построится, а Мушка около передковъ бѣгаетъ, лаетъ. Къ выстрѣламъ такъ привыкла, что даже не вздрагивала.

Вотъ на восьмой разъ меня и свалило. Не замѣтилъ, какъ нѣмецкая граната, почитай, къ самымъ ногамъ свалилась, взрывъ такой былъ, что я сознанія рѣшился. Только въ вагонѣ немного полегчало. А Мушка все хорошо понимала, что мнѣ плохо пришлось, руки лизала и даже лицо".

Одинъ офицеръ, участникъ войны разсказалъ въ той-же газетѣ слѣдующій случай, характеризующій великодушіе и вмѣстѣ съ тѣмъ героизмъ нашего солдата.

„Дѣло было такъ. Между нашей и непріятельской позиціей паслось стадо коровъ и коза. Животныя были на привязи и мирно пощипывали траву.

Когда началась перестрѣлка, снаряды стали разрываться около нихъ. Коровы стали падать одна за другой. Ну, думаемъ, скоро и коза пропадетъ.

И, дѣйствительно, вблизи разорвался снарядъ, козу даже подбросило вверхъ, но, упавъ, она быстро вскочила на ноги, отбѣжала въ сторону и прилегла.

Жаль намъ было очень козочку, но ничѣмъ ей помочь не могли.

Постепенно коза приближалась къ намъ все ближе и ближе. При каждомъ орудійномъ выстрѣлѣ она припадала къ землѣ.

— Братцы,—крикнулъ кто-то изъ солдатъ,—смотри, къ намъ нѣмецкій шпіонъ бѣжитъ!

Смотримъ, козочка быстро бѣжитъ въ нашу сторону, но въ это время впереди ея разорвался снарядъ, и она бросилась въ сторону.

Издали къ намъ доносилось ея жалобное блеяніе.

Въ это время стоявшій рядомъ со мной ефрейторъ Сапуновъ перекрестился и выскочилъ изъ прикрывавшаго его щита пушки по направленію къ козочкѣ.

— Куда ты, Сапуновъ?—крикнулъ я ему.

Очевидно, Сапуновъ не разслышалъ моего вопроса.

Мы затаили дыханіе, такъ какъ снаряды безпрерывно рвались по дорогѣ Сапунова. Сапуновъ, между тѣмъ, подошелъ къ козѣ, подхватилъ болтавшуюся около нея веревку и, повернувъ, сталъ приближаться къ намъ.

Даже австрійцы, недоумѣвая, на время прекратили стрѣльбу, но, когда увидѣли, что Сапуновъ приближается къ окопамъ, стали палить съ удвоенной энергіей.

Но въ окопы Сапуновъ пришелъ безъ единой царапинки.

— Какъ же это ты, Сапуновъ,—упрекнулъ я его,—подъ выстрѣлы пошелъ?

— Больно ужъ жаль козочку было, ваше благородіе,— съ виноватой улыбкой проговорилъ онъ,—все же Божіе созданіе.

Я ограничился только этимъ выговоромъ, не хватило силы укорять его за этотъ маленькій, но все же героическій эпизодъ.

Козочка пробыла у насъ недолго, всего два дня, но за это время солдаты всячески ее ласкали. На третій день она была убита осколкомъ шрапнели. Солдаты искренно горевали о гибели животнаго".

Жители занятыхъ русскими деревень пользуются случаемъ и разстрѣливаютъ нашихъ изъ-за угла.

Одну деревню за такой разстрѣлъ приказано было сжечь, и нѣсколько человѣкъ солдатъ были посланы поджечь дома въ разныхъ мѣстахъ. Къ офицеру возвращается посланный имъ солдатъ и докладываетъ:

— Ваше благородіе, этотъ домъ поджечь никакъ нельзя: тамъ малыя дѣти.

— Правильно, только и могъ отвѣтить офицеръ. („Р. И.")

Въ „Варш. Дневн." ротный командиръ разсказываетъ: „Дѣло было на германскомъ фронтѣ. Шли мы походомъ и остановились на отдыхъ на защищенной позиціи. Отлучаться съ нея было немыслимо въ виду явной близости непріятеля и незнакомой окрестности. Между тѣмъ, часа черезъ два вдругъ вижу, какъ издали преспокойно направляется къ занятой нами рощѣ нашъ же солдатикъ, со сверткомъ подъ мышкой.

— Ты какъ смѣлъ отлучиться?—грозно встрѣчаю его я.

— Виноватъ, вашескородіе, хлѣба ходилъ купить!

— И далеко тебя носило?

— Версты четыре прошелъ.

— Послушай, да вѣдь ты съ ума сошелъ! Вѣдь тебя сто разъ могли убить нѣмцы! Взялъ ли ты по крайней мѣрѣ винтовку?

— Никакъ нѣтъ, винтовки не бралъ. А нѣмцу-то за что бы меня убивать? Вѣдь я ему зла не дѣлалъ, да и воровать не собирался. За свои деньги покупалъ.

— И неужели купилъ?

— Такъ точно, вашескородіе, купилъ!“

Отношеніе нашихъ солдатъ къ плѣннымъ.

I.

Къ плѣннымъ нѣмцамъ у нашего солдата нѣтъ ни на волосъ злобы. Нѣмецъ безъ винтовки—уже не врагъ, а несчастное существо, которое нельзя обижать.

Въ газетахъ находимъ такую картинку съ натуры.

Наши развѣдчики захватили дороднаго нѣмца. Привели въ роту.

Вокругъ плѣннаго толпой собрались наши „земляки“.

Стараются объясниться съ нимъ мимикой, жестами. Но нѣмецъ мраченъ и смотритъ исподлобья. Молчитъ.

Земляки одобрительно хлопаютъ нѣмца по плечу и говорятъ, почему-то ломая языкъ:

— У насъ плѣнъ хорошъ... Ни-ни... ни чуточку не обидимъ...

Подходитъ унтеръ-офицеръ и начинаетъ объясняться съ плѣннымъ... Тотъ, конечно, не понимаетъ унтеръ-офицерскаго „нѣмецкаго“ языка...

А унтеръ-офицеръ все показываетъ на свое обручальное кольцо, допытывается—женатъ ли.

— А киндеровъ имѣешь? Есть, спрашиваю, киндеры? *)

— Kinder?—обрадовался нѣмецъ,—ja, ja,—утвердительно закивалъ головой. Драй киндеръ—и показываетъ на пальцахъ три.—Драй, драй.

Унтеръ-офицеръ сострадательно вздохнулъ:

— Тоже, бѣдняга... Дѣти, поди, плакать будутъ.

Подумалъ-подумалъ, почесалъ затылокъ и полѣзъ въ карманъ. Вынулъ изъ кошелька новенькій полтинникъ и суетъ нѣмцу.

— Женѣ, можетъ, письмо напишешь...

Нѣмецъ смотритъ вытаращенными глазами на полтинникъ и потомъ, видимо, соображаетъ, въ чемъ дѣло. Въ

*) Киндеръ—ребенокъ.

свою очередь лѣзетъ въ карманъ, вытаскиваетъ измятую бумажную марку и съ поклономъ протягиваетъ ее унтеръ-офицеру...

II.

... Грязная халупа, въ которой дуетъ изъ всѣхъ стѣнъ и угловъ. На полу навалены растрепанные снопы соломы. Убогая печка уже остыла, но дымъ все еще слегка ѣстъ глаза: изба курная. На соломѣ въ самыхъ, разнообразныхъ позахъ лежатъ офицеры, сюда собрались всѣ, кто могъ и кому не нужно было оставаться въ окопахъ; большинство уже мирно отошло ко сну и сладко посвистывало носомъ, словно у себя дома. И вдругъ шумъ и трескъ,—дверь съ визгомъ распахивается, и оттуда врывается цѣлый клубъ бѣлаго пара съ струей леденящаго воздуха. Разумѣется, всѣ проснулись, какъ одинъ, сна какъ не бывало.

— Что такое? Что случилось? Тревога?...

— Да нѣ-ѣ-ѣтъ! Никакъ нѣтъ!.. Максимъ это.

— Какой Максимъ?.. Гдѣ?..

— Да яжъ Максимъ. Здѣсь, ну?

— Кто ты такой? Откуда?

— Да, говорю, Максимъ. Чего присталъ? Съ позиціи мы. Некогда мнѣ болтать-то. Фельдшаръ гдѣ будетъ, а? Плѣннаго привелъ: ознобимши и лихоманка его бьетъ.

Тутъ только разсмотрѣли мы незнакомца. Пѣхотный солдатъ, маленькій и невзрачный мужиченко съ заиндевѣвшей бородой, весь бѣлый отъ налипшаго снѣга: теперь на дворѣ крутила жестокая метель. За нимъ стоялъ, весь трясясь, австрійскій солдатъ такой же маленькій и невзрачный, какъ и нашъ. Максимъ, повидимому, не призналъ офицеровъ и держалъ себя вольно.

— Такъ гдѣ-жъ, говорю, фершалъ будетъ? Вишь, ознобимши мой австрійскій: дюже плохъ...

— Фельдшера тутъ нѣтъ,—это дальше. Да самъ-то ты откуда? Какой части?

— Сказано: зря болтаете. Рязанскіе мы, Максимъ. Ну, примайте его. Первое—обогрѣйте, а второе—къ фельдшару. Намъ некогда.

Онъ повернулся, и мы замѣтили, что бокъ его изъ-подъ рукава и до пояса—въ крови.

— Погоди, куда же ты? Что это, раненъ?

— Нѣ-ѣ. Это мы говядинкой разжились. Для него. Сейчасъ въ мѣшкѣ у него, пущай сваритъ. А по дорогѣ для облегченія сами несли. Ну, простите!

— Да погоди... Обогрѣйся,—успѣешь!

— Что годить-то, на позиціи надоть. Простите!

Дверь снова завизжала, и Максимъ нырнулъ въ холодную темноту, только его и видѣли.

Не великъ ли въ простотѣ своего подвига этотъ Максимъ?—говоритъ корреспондентъ „Н. В.“ Вега.—Онъ велъ въ вьюгу и метель своего недавняго врага къ теплу и помощи; онъ раздобылъ для него кусокъ мяса и „для облегченія“ несъ его въ захолодѣвшей отъ мороза рукѣ. Можетъ быть самъ голодалъ, ибо навѣрно этотъ кусокъ былъ данъ ему только для себя: походная кухня, гдѣ она, да и здѣсь ли еще она? И не соблазнился для себя отдыхомъ, а пошелъ назадъ въ окопъ. Вотъ ужъ подлинно великъ нашъ народъ-богоносецъ и цвѣтъ его—чудный и дивный богатырь-солдатъ! Не сломить его стой кости, не побороть его мужества, и правильно сказано, что русскаго солдата мало убить,—его надо еще и повалить...

III.

Турки насѣдали на одну изъ нашихъ позицій, пользуясь тѣмъ, что позиція, благодаря холмистой мѣстности, давала противнику возможность нажимать на насъ съ обоихъ фланговъ. Косятъ налѣзающихъ турокъ наши пулеметы, а новые ряды турецкихъ пѣхотинцевъ такъ и надвигаются. Разсвирѣпѣли наши, перестали стрѣлять, подпустили турокъ къ себѣ почти вплотную — да и ударили сразу штыками. Послѣ недолгой штыковой работы турки были совсѣмъ расколочены, пустились бѣжать, оставивъ передъ нашими окопами высокій брустверъ изъ собственныхъ труповъ. Устали наши солдаты, проведшіе двѣ ночи безъ сна, и расположились на короткій отдыхъ. Вдругъ одинъ унтеръ-офицеръ видитъ, что ползкомъ пробираются человѣкъ двадцать турокъ съ ручными гранатами. Видимо, намѣревались забросать нашихъ дозорныхъ. Выскочили нѣсколько нашихъ охотниковъ, — часть турокъ перекололи, часть живьемъ взяли. Когда одинъ изъ нашихъ солдатъ собирался штыкомъ проколоть одного аскера, аскеръ упалъ на колѣни и говоритъ, обращаясь къ солдату:

— Урусъ! Тебэ сынъ естъ? Мой три сынъ естъ, маленьки...

Солдатикъ сразу опустилъ ружье, махнулъ рукой и сказалъ стоявшему здѣсь же своему офицеру:

— Ваше благородіе, пущай живетъ, о малыхъ дѣтяхъ спомнилъ. („Н. В.“)

IV.

Во время развѣдки, разсказываетъ въ „Б. В.“ Ал. Смирновъ,—наши кавалеристы погнали непріятельскій разъѣздъ.

Подъ однимъ изъ австрійцевъ падаетъ лошадь и придавливаетъ собой сѣдока...

Наши подскочили и принялись освобождать изъ-подъ лошади австрійца... Оказывается, живъ, только сильно разбился.

— Теперь надо его по начальству отправить,—дѣловито замѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Обождать бы надо, Павелъ Петровичъ, парень шибко расшибся, пусть въ себя придетъ... — послышались голоса.

— Ну, ладно... Обождемъ маленько...—согласился унтеръ-офицеръ.

Австріецъ сидѣлъ между русскими кавалеристами, хватался за расшибленную голову и испуганно смотрѣлъ по сторонамъ.

— Что, болитъ?.. Ну, ничего... Тамъ тебя вылѣчатъ... Да ты насъ не бойся, мы тебя не обидимъ... Бояться насъ нечего... Теперь ты, значитъ, плѣнный...

Но плѣнный повидимому ни слова не понималъ по-русски. Онъ стоналъ и показывалъ рукой на голову.

— Шибко больно?.. Ну, потерпи маленько... Ему бы, ребята, мокрую тряпку на голову положить... У кого есть носовой платокъ?

Платокъ нашелся. Смочили водой изъ баклаги и положили австрійцу на голову.

— Лучше теперь?.. Да ты лежи, лежи, не шевелись... Что, воды? Пить хочешь? Давай баклагу, ребята... Австріякъ пить хочетъ...

Напоили водой.

— Братцы, да онъ никакъ голодный... Смотрите, рукой-то показываетъ на ротъ... Вѣрно, ѣсть хочетъ...

— Дадимъ ему хлѣба... На, братъ, ѣшь... Только ужъ извини, больше у насъ ничего нѣтъ... Вотъ придешь на бивуакъ, тамъ мы тебя щами угостимъ... Поди, не ѣдалъ нашихъ щей? Щи у насъ такія вкусныя, что пальчики оближешь...

Но австріецъ не сталъ дожидаться щей. Онъ за обѣ щеки уписывалъ черствый хлѣбъ.

— Ѣшь, ѣшь, сердешный, подкрѣпляйся... Видно, пищей васъ не особенно балуютъ...

„Непріятель“ напился и наѣлся, и только тогда его повели „по начальству“...

«Встрѣтились».

Любопытная встрѣча произошло въ одной изъ мебельныхъ мастерскихъ Омска.

Въ этой мастерской работало нѣсколько плѣнныхъ австрійцевъ и между ними одинъ нашъ солдатикъ, уволенный отъ службы вслѣдствіе раны, полученной на войнѣ.

Однажды въ мастерскую зашелъ къ своимъ товарищамъ-австрійцамъ плѣнный чехъ.

Нашъ солдатикъ, всмотрѣвшись въ него пристально, подошелъ къ нему и, хлопнувъ по плечу, спросилъ:

— Узнаешь?

Пристально посмотрѣлъ на солдатика и чехъ... Вдругъ радостная улыбка озарила его лицо; онъ схватилъ солдатика за руку и весело проговорилъ:

— Узналъ, узналъ!..

И вотъ между недавними „смертельными врагами“ завязалась оживленная бесѣда.

Оказалось, что въ одномъ изъ боевъ въ Галиціи, этотъ самый чехъ нанесъ солдатику серьезную рану штыкомъ, затѣмъ они схватились въ рукопашную, но вслѣдствіе потери крови солдатикъ ослабѣлъ, и чеху удалось ускользнуть отъ него невредимымъ. Побѣда въ этомъ бою осталась на сторонѣ русскихъ; чехъ, въ числѣ многихъ другихъ, былъ взятъ въ плѣнъ и впослѣдствіи эвакуированъ въ Омскъ, куда еще раньше прибылъ на жительство раненый имъ нашъ солдатикъ.

Женщины-воины.

I.

Прибывшій изъ Галиціи раненый офицеръ Яковлевъ разсказалъ сотруднику „Б. В.“ о слѣдующемъ трагическомъ эпизодѣ.

— Когда нашъ полкъ отправлялся въ Галицію, двоюродная сестра одного изъ моихъ товарищей поручика К. упросила взять ее съ нами на войну. Выполнить эту просьбу было не очень-то легко. Нечего говорить, что никто изъ насъ и не рѣшился объ этомъ даже заикнуться передъ начальствомъ. Дѣвушка продолжала настаивать на своемъ, и мы рѣшили помочь ей. Мой товарищъ раздобылъ солдатскую амуницію, и дѣвушка-солдатъ вступила въ нашъ полкъ.

Вскорѣ наше начальство узнало о пребываніи дѣвушки-солдата среди насъ. Случилось это такъ. Во время одной изъ перестрѣлокъ съ непріятелемъ былъ раненъ находившійся около нея солдатъ.

Мы тогда отступали, и раненый остался на полѣ битвы. Когда мы отступили отъ мѣста перестрѣлки уже на порядочное разстояніе, дѣвушка-солдатъ обратилась ко мнѣ съ просьбой поѣхать съ ней за раненымъ солдатомъ. Я уговаривалъ ее и говорилъ, что наша поѣздка ни къ чему не приведетъ, такъ какъ непріятель находится на прежнемъ мѣстѣ. Однако, мои слова не подѣйствовали на нее, и она рѣшила поѣхать одна. Услыхавъ это, я согласился сопровождать ее. Вотъ мы уже около мѣста перестрѣлки. Вотъ убитые и раненые австрійцы, а среди нихъ нашъ изнемогающій солдатъ. Одинъ мигъ, и дѣвушка-солдатъ около него, и я вижу, какъ что-то тяжелое взлетаетъ на спину коня дѣвушки-солдата. Это она взвалила раненаго. Прошло еще нѣсколько минутъ, и мы вмѣстѣ съ ней поскакали къ нашимъ. Вслѣдъ за нами послышались выстрѣлы непріятеля. Послѣдній находился шагахъ въ 30 отъ насъ. Дѣлать было нечего, и мы рѣшили сдаться. Только подступилъ къ намъ непріятель, какъ съ правой стороны неожиданно показались наши солдаты. Послѣдніе, узнавъ, что мы поѣхали за раненымъ солдатомъ, предчувствуя, что съ нами что-то недоброе, отправились за нами. Объ этомъ геройскомъ поступкѣ дѣвушки-солдата мы рѣшили довести до свѣдѣнія начальства. Послѣднее, узнавъ объ этомъ, наградило ее похвалами и разрѣшило пребывать въ нашемъ полку. Однако, ей недолго пришлось быть вмѣстѣ съ нами. Непріятельская пуля вскорѣ ранила и ее.

II.

15-го октября въ Александровскую общину прибыла съ театра военныхъ дѣйствій контуженная въ бояхъ подъ Августовымъ доброволецъ дочь полковника М. Б. Томиловская, участница боевъ въ восточной Пруссіи.

Томиловская — уроженка г. Минска, ей 21 годъ. Въ 1910 году она окончила Маріинскую гимназію въ г. Минскѣ и въ послѣднее время жила въ Лугѣ.

Въ самомъ началѣ войны она была зачислена добровольцемъ и вмѣстѣ со своимъ отцомъ уѣхала въ дѣйствующую армію, срѣзавъ предварительно свои волосы и надѣвъ солдатскую форму.

О своихъ боевыхъ подвигахъ М. Б. Томиловская разсказала сотруднику той же газеты слѣдующее:

— Мнѣ нѣсколько разъ пришлось участвовать въ бояхъ, но особенно памятенъ для меня бой въ Августовскихъ лѣсахъ 19-го сентября, гдѣ нашимъ войскамъ пришлось выдержать натискъ двухъ нѣмецкихъ корпусовъ.

На меня были возложены обязанности развѣдчика, ординарца и телефониста. Во время развѣдки мнѣ приходилось командовать взводомъ. Съ возложенными на меня задачами мнѣ удавалось справляться иногда даже весьма удачно. Такъ, напримѣръ, во время одной развѣдки мною была перехвачена телеграмма германскаго штаба, изъ которой было видно, что нѣмцы собираются прорвать нашъ центръ. Перехваченная телеграмма дала возможность нашимъ командирамъ принять соотвѣтственныя мѣры, отбить натискъ нѣмцевъ и нанести имъ громадныя потери.

Я вмѣстѣ съ отрядомъ находилась 5 дней подъ нѣмецкимъ огнемъ.

Контужена я была въ бою 3 раза: 3-го, 19-го и 23-го сентября, но только однажды, 19-го сентября, я потеряла сознаніе. Впрочемъ, я сначала оставалась въ строю и только по распоряженію командира корпуса мнѣ было предложено отправиться на излѣченіе. Въ бояхъ не обращаешь вниманія на боль.

По пути изъ дѣйствующей арміи въ Петроградъ я почти все время находилась на ногахъ. Въ Вильнѣ на вокзалѣ собралась толпа, узнавшая откуда-то, что ѣдетъ женщина-солдатъ и тщетно, разыскивавшая меня. Я же все время находилась на площадкѣ вагона, и на меня никто не обратилъ вниманія, до такой степени я свыклась съ солдатской формой, и она нисколько не стѣсняетъ меня.

Въ дѣйствующей арміи женщинъ немало, особенно среди казачекъ, но мнѣ лично приходилось встрѣчаться лишь съ женою одного ротнаго командира, въ формѣ рядового.

Все, что пишутъ про нѣмцевъ, совершенно справедливо: они бросаютъ въ огонь и уродуютъ нашихъ плѣнныхъ, издѣваются надъ ними.

На моихъ глазахъ нѣмецъ разрубилъ голову одному нашему раненому офицеру, но тутъ же былъ убитъ подоспѣвшими нашими.

Во время отступленія нѣмцы поджигаютъ дома, стрѣляютъ въ церкви, ихъ летчики пользуются нашимъ флагомъ и т. д.

III.

Корреспондентъ „Р. С.“ Петръ Ашевскій разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ „женщиной-воиномъ“.

Большая узловая станція желѣзной дороги.

Пришелъ поѣздъ. Почернѣла платформа, и загудѣлъ, словно улей, вокзалъ.

Въ залъ I—II класса хлынулъ пассажирскій потокъ.

Звонко стуча подковками большихъ сапогъ, къ дверямъ дамской комнаты направляется солдатъ съ чемоданомъ въ рукѣ.

— Эй, землякъ,—кричитъ ему вдогонку сторожъ,—куда полѣзъ,—дамская!

Землякъ или не слышитъ, или не обращаетъ на окликъ вниманія и скрывается за дверями.

— Чучела слѣпая! — вслухъ сердится сторожъ и направляется туда же.

Черезъ минуту онъ выходитъ обратно и, какъ бы сконфуженно, ни къ кому не обращаясь, произноситъ:

— Оно—солдатъ хотя, а женщина!

— Женщина?!—вопросительно подхватываетъ кто-то изъ пассажировъ.

— Вотъ, именно дама, а нешто сразу-то разберешь: по формѣ — солдатъ; хотя и дамскій, а солдатъ... А съ насъ, вѣдь, тоже спрашивается!

Новость о „дамскомъ солдатѣ“ быстро облетаетъ скучающую публику, и къ дверямъ дамской комнаты вскорѣ стягивается цѣлая толпа,—ждутъ его выхода.

Женщина-воинъ проходитъ на платформу и съ двумя вольноопредѣляющимися гуляетъ взадъ и впередъ.

Публика не сводитъ съ нея глазъ. Начинается безцеремонный обмѣнъ мнѣній.

Одни сокрушаются:

— Не женское это дѣло!

Другіе одобряютъ:

— Вотъ это женщина! Это молодецъ!

Какъ всегда, наша публика становится все назойливѣй, мѣшаетъ ходить, и необычный солдатъ надолго укрывается въ дамской комнатѣ.

Сторожъ теперь уже не протестуетъ и, видимо, считаетъ своимъ служебнымъ долгомъ пояснить окружающимъ:

— Не будь, конечно, оно дамой, сейчасъ бы и скандалъ,—потому при солдатахъ и дамы стѣсняются, которымъ умыться...

Я оказываюсь случайнымъ спутникомъ храброй дѣвицы и вскорѣ перебираюсь въ ея вагонъ, — каюсь въ томъ же любопытствѣ, которое только-что осудилъ.

Она, конечно, уже владѣетъ вниманіемъ своихъ попутчиковъ. Вокругъ нея — группа и градъ вопросовъ, — цѣлая атака пустого любопытства.

Совсѣмъ молодое лицо, — ей девятнадцать лѣтъ. Чистые дѣтскіе глаза. Коротко острижена подъ машинку. Солдатская гимнастерка къ ней такъ идетъ. Держитъ себя просто, не рисуясь. Говоритъ ровнымъ, покойнымъ голосомъ.

Словомъ, солдатъ—какъ солдатъ.

Была въ 8-мъ классѣ гимназіи. Призвали ея брата.

— Тогда и я подумала: почему не пойти и мнѣ? Подала прошеніе, пробыла два мѣсяца въ казармахъ,—и вотъ, какъ видите...

Заходитъ рѣчь о женщинахъ-воинахъ вообще.

— Теперь,—говоритъ она,—насъ становится все больше и больше. Въ одномъ нашемъ полку насъ пять женщинъ. Скажу только, что не понимаю, почему это у насъ на женщину-солдата смотрятъ, какъ на диво. По-моему, всякая женщина, которая чувствуетъ себя достаточно здоровой, должна такъ же сражаться за отечество, какъ и мужчина. Почему для насъ исключеніе? У кого дѣти,—другое дѣло, кому не позволяетъ здоровье,—ну, тогда сиди дома, а у меня вотъ дѣтей нѣтъ, я совершенно свободна, достаточно здорова,—по какому же праву я буду сидѣть дома?! Не понимаю!

Вначалѣ ей, по ея словамъ, приходилось тяжеловато.

— Безъ привычки!

Надо рано вставать, цѣлые дни ученія, пока привыкнешь къ ружью, къ сапогамъ, къ формѣ...

— Да и стрѣлять-то научишься не сразу!

А тамъ и втянулась, почувствовала себя самымъ обыкновеннымъ солдатомъ. Втянулась и въ походную жизнь, перестали утомлять больше, чѣмъ другихъ, переходы, освоилась съ сидѣніемъ въ окопахъ.

Участвовала уже въ нѣсколькихъ бояхъ.

— И даже, если хотите, могу похвалиться,—представлена къ Георгію.

Была ранена, мѣсяцъ слишкомъ пролежала въ лазаретѣ, оправилась и снова вернулась къ „своему дѣлу“.

— Какъ же относятся къ вамъ солдаты?

И она отвѣчаетъ быстро и съ большимъ оживленіемъ:

— Вы знаете: и придумать нельзя лучшаго отношенія. Идеально просто! Какъ другъ къ другу, такъ и къ намъ. Ну, какъ съ товарищами... Да прямо даже и не замѣчаютъ, кто мужчина, кто женщина, — всѣ солдаты, да и только. Такъ сжились, что, если хотите, даже буквально плакали, когда прощались со своимъ полкомъ.

И тутъ же, не замѣчая того, она съ трогательной наивностью бросаетъ камушки въ нашъ огородъ:

— Хуже всего, — продолжаетъ она, — приходится намъ вотъ такъ, въ тылу. Противно просто! Шагу ступить не даютъ, обступятъ тебя, таращатъ глаза, какъ на чудовище какое, чуть ли руками не трогаютъ, а на фронтѣ и дѣла до тебя нѣтъ никому. Знай дѣлай свое дѣло.

Безукоризненно относится къ женщинамъ-воинамъ и офицерство.

— Для нихъ мы—солдаты, какъ и всѣ.

Даютъ отвѣтственныя порученія, посылаютъ на развѣдки...

— Словомъ, поблажекъ намъ никакихъ. Не можешь служить, какъ другіе, — до свиданія! Сиди дома за иголкой! Чулки штопай!

— И хорошо стрѣляете?—любопытствуетъ кто-то.

— А это вы ужъ у нѣмцевъ спросите,—отшучивается она.

Долго и много потомъ разсказываетъ она о своихъ боевыхъ впечатлѣніяхъ, о различныхъ эпизодахъ военно-походной жизни. То грустными становятся ея глаза, то сразу вдругъ заискрятся.

И держитъ себя, и говоритъ она все время такъ просто, естественно, что вскорѣ уже перестаешь обращать вниманіе на ея тоненькій голосъ, — мало ли у насъ солдатъ съ „бабьими“ голосами! — не замѣчаешь ямочекъ на ея гладкихъ загорѣлыхъ щекахъ.

Передъ тобою солдатъ, какихъ у насъ милліоны.

Солдатъ молодой, здоровый, вѣрящій въ свое дѣло, понимающій его, — солдатъ самый дорогой на войнѣ, самый нужный.

Поѣздъ сталъ. Снова пересадка.

— Ну-съ, счастливаго пути! Желаю вамъ заработать всѣ Георгіи!

— Радъ стараться, ваше превосходительство! — смѣется она, беря подъ козырекъ.

И долго вспоминается потомъ чья-то фраза на вокзалѣ:

— Вотъ это женщина! Это молодецъ!

Отъ всей души счастливаго вамъ пути, святая дочь родины!

Легенды.

За время войны въ нашей арміи успѣли уже сложиться злободневныя „боевыя“ легенды, которыя въ часы затишья разсказываются въ окопахъ и на бивукахъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ войскахъ, расположенныхъ по линіи Вислы, ходитъ легенда о „Бѣломъ генералѣ“, будто бы явившемся въ русскую армію и принесшемъ ей зарокъ непобѣдимости. Своими глазами его, конечно, никто не видѣлъ, но видѣли казаковъ,

встрѣтившихъ однажды „Бѣлаго генерала“, мчавшагося на бѣломъ конѣ; потомъ видѣли солдатъ, по окопамъ которыхъ ночью проходилъ „Бѣлый генералъ“.

Около котораго солдата онъ остановится и взглянетъ на него, тому до конца войны живымъ быть, а мимо котораго пройдетъ не глядя, тому не сегодня-завтра смерть найти.

Примѣта „Бѣлаго генерала“: онъ никогда не ѣздитъ на автомобилѣ, всегда верхомъ на бѣломъ конѣ.

Поспѣшное бѣгство нѣмцевъ отъ Вислы объясняется тѣмъ, что они прогнаны явленіемъ „Бѣлаго генерала“ и поняли, что теперь имъ „крышка“. („Б. В.“)

* * *

По словамъ Д. Н. Логофета въ „Разв.“—пожилой унтеръ-офицеръ одного изъ боевыхъ полковъ передавалъ солдатамъ слѣдующую легенду о генералѣ Радько Дмитріевѣ:

... Какъ назначилъ Царь Радько-генерала, ѣхалъ онъ изъ Россіи въ армію на самокатномъ ахтомобилѣ. Только дорогой видитъ два старичка древнихъ бредутъ съ котомочками, да на палки опираются. Устали сильно.

... Уважительный къ старикамъ Радько-то нашъ, остановилъ самоходъ и говоритъ:

— Сѣдайте, старички, подвезу...

Ну, и подвезъ ихъ, незная какого они роду-племени...

Только около Сана рѣки остановился съ войскомъ поздороваться. Пока ходилъ, да полки смотрѣлъ, вернулся назадъ—нѣтъ старичковъ. Машиниста спросилъ...—„Немогу знать — отвѣчаетъ, — были, а только нѣту ихъ теперь, все время сидѣли позади, а обернулся, смотрю и нѣтъ.

Заскучалъ Радько нашъ, потому увидалъ, что не простые то люди были.

А старички невидимость приняли и тутъ же сидятъ на самоходѣ, да ласково улыбаются... Поѣхали, а они съ нимъ. Куда не пріѣдутъ, и старички тутъ какъ тутъ... И никто ихъ видѣть не можетъ, а только Радько нашъ догадался, что тѣ старички, одинъ—святой Серафимъ Саровскій, а другой—Суворовъ-генералъ. И съ тѣхъ поръ, какъ только Радько начинаетъ приказъ давать, Суворовъ-генералъ около него, въ родѣ какъ бы потайного совѣтника, а Серафимъ святитель за враговъ одолѣніе Богу молится. Потому нашъ Радько про все и знаетъ, а австріецъ ничего сдѣлать не смогитъ противъ него.

*
* *

Одинъ раненый солдатикъ, восторженно описывая подвигъ своего полкового командира, который, со знаменемъ въ рукахъ, поднялъ полкъ, чтобы отразить непріятельскій обходъ и тѣмъ вызвалъ побѣду, между прочимъ, повѣствуетъ:

— И снесли его, сердечнаго, всего израненнаго въ лазаретъ, а въ ту пору главнокомандующій пріѣхалъ благодарить войска за побѣду.

— „Гдѣ, спрашиваетъ, полковникъ №?“ и сразу пошелъ къ нему.—Я ужъ и не знаю, говоритъ, какъ мнѣ благодарить тебя, мой голубчикъ...

Георгія ты получишь отъ Государя, а отъ меня прими низкій поклонъ отъ лица арміи и отечества“... И тутъ же земно ему поклонился...

— Кто поклонился?

— Да Миколай Миколаевичъ...

При этомъ имени вся палата раненыхъ и посѣтители замерли во вниманіи.

— А командиръ нашъ весь просіялъ, продолжалъ разсказчикъ; хотѣлъ руку его поймать, чтобы поцѣловать; а всѣ, которые при этомъ находились, плакали...

ГЛАВА IV.

Стихотворенія.

Гимны союзныхъ націй.

Сербскій національный гимнъ.

(Переложеніе).

Боже правый, Ты, что дивомъ
Охранялъ насъ въ бѣдствій дни,
Вновь внемли сердецъ призывамъ
И опять насъ сохрани.
Блага жизни щедро множа,
Къ мощи, къ славѣ двинь народъ!
Сохрани, всесильный Боже,
Короля и сербскій родъ!

Сербскимъ братьямъ дай сплоченье
Въ славномъ дѣлѣ безъ измѣнъ,
Миръ несетъ врагу смятенье,
Сербству—твердость крѣпче стѣнъ.
Пусть на сербской вѣтви къ счастью
Зрѣетъ братства чудный плодъ!
Сохрани, о Боже, властью
Короля и сербскій родъ!

Пусть надъ вѣрной головою
Не падетъ твой гнѣвный громъ!
Осѣни своей рукою
Поле, ниву, градъ и домъ!
А подступитъ врагъ лукавый,—
Для побѣдъ веди народъ!
Сохрани, о Боже правый,
Короля и сербскій родъ!

Изъ могильной тьмы пріяло
Сербство новый блескъ зари.
Время новое настало,
Новымъ счастьемъ подари!
Плодъ борьбы пятивѣковой,
Королевство защищай,
И Петра для славы новой
Мощной силой сохраняй!

(Леонидъ Афанасьевъ „Н. В“).

Бельгійскій національный гимнъ.

Послѣ рабства тяжелыхъ вѣковъ,
Обновивъ истощенныя силы,
Сбросивъ, цѣпи стальныя оковъ,
Встала Бельгія вновь изъ могилы.

Возвратила былыя права
Честь и знамя родного народа:
И на немъ начертала слова:
„Нашъ король, и законъ, и свобода!“

Властелиновъ чужая рука
Удержать нашъ народъ не съумѣла,
Униженія чаша горька—
За свободу боролся онъ смѣло.

Пусть на полѣ кровавомъ войны
Гибнутъ братья, и жены, и дѣды,—
Мы итти неустанно должны
Къ упоительнымъ лаврамъ побѣды!

Смѣло, Бельгія, смѣло—впередъ!
Намъ не страшны ни врагъ, ни невзгода—
Насъ самъ Богъ—покровитель ведетъ
И „Король, и законъ, и свобода!“

Будемъ дружно работать—трудамъ
Покоряются силы природы,
Трудъ несетъ плодородье полямъ,
Благоденствія свѣтлые годы...

А искусства вѣнокъ намъ сплетутъ
И прославятъ имъ доблесть народа—
Для грядущихъ вѣковъ не умрутъ
Ни „Король, ни законъ, ни свобода!..“

(М. Потанина. „С. Ж.“).

Болгаріи.

Не за твоихъ ли спящихъ дѣдовъ
Шли наши дѣды и отцы,
Въ ненастье зимнее извѣдавъ
Балканъ холодные зубцы?

Не за тебя-ль въ снѣгахъ Балкана
Россійскій воинъ умиралъ,
И велъ на грознаго Османа
Дружину „Бѣлый генералъ“?

И вотъ теперь, когда Россія,
Вступивъ въ безмѣрную борьбу,
Творитъ, какъ Божія стихія,
Славянства высшую судьбу,—

Ты лобызаешься съ Тевтономъ,
Отъ Турка милостыни ждешь
И передъ швабскимъ жалкимъ тономъ
Съ покорной лестью выю гнешь.

Скажи, въ тотъ мигъ, когда ты пишешь
Съ Османомъ тайный договоръ,
Изъ плевнинскихъ могилъ не слышишь
Ты мертвыхъ ратниковъ укоръ?

Ну, что жъ! Въ семьѣ—не безъ урода,
Настанетъ день, наступитъ часъ,
И для болгарскаго народа
Не будетъ мѣста возлѣ насъ.

Снимая ратные доспѣхи,
Сойдутся наши племена,
Придутъ Поляки, Сербы, Чехи,
А ты... останешься одна.

(Сергѣй Копыткинъ. „Н. В.“)

Видѣніе кайзера.

Ему не спится. Во мракѣ ночи
Онъ ждетъ забвенья отъ тревогъ,
Но сна послать ему не хочетъ
„Германскій добрый старый Богъ“.

Не спитъ безумецъ сухорукій.
Онъ къ ложу жаркому приникъ.
Онъ слышитъ битвы дальней звуки,
Онъ слышитъ чей-то страшный крикъ.
Тотъ стонъ идетъ на цѣломъ свѣтѣ,
Изъ разныхъ странъ, со всѣхъ морей.
Кричатъ обманутыя дѣти
У овдовѣвшихъ матерей.
Шлютъ императору проклятья
Невѣсты, матери, отцы.
Сцѣпившись въ смертныя объятья
Кричатъ солдаты—мертвецы.
Надъ пепломъ прусскаго позора
Въ краю, гдѣ тѣшился тевтонъ,
Съ развалинъ Реймскаго собора
Гудитъ зловѣщій перезвонъ.
А черезъ кровь и лязгъ желѣза,
Сквозь трескъ германскаго костра
Звучитъ все ближе марсельеза,
Грохочетъ русское „ура“.
Рычитъ голодный людъ рабочій.
Встаетъ обманутый Берлинъ.
. . . . . .
Онъ не уснетъ до поздней ночи
Кровавый прусскій властелинъ.

(Сергѣй Копыткинъ. „Н. В.“)

* * *

...Скомандовалъ ротмистръ: „галопомъ“!..
Зловѣще провыли рога...
И мчащимся бѣшеннымъ скопомъ
Обрушились мы на врага.

Храпящія конскія морды...
Усатыя лица солдатъ...
Удары мгновенны и тверды...
Какъ молніи, пики блестятъ...

Навстрѣчу огромная каска...
Взвилась обнаженная сталь...
Сѣдло подъ нимъ было-ли тряско?—
Свалился и встанетъ едва-ль...

Минуту мы бились, часъ-ли?..
... Мой конь захрипѣлъ подо мной...
Очнулся я... Въ сумракѣ гасли,
Блѣднѣли звѣзда за звѣздой.

На стонъ мой, на голосъ страданья
Отвѣтили вздохомъ кусты...
Но вскорѣ сквозь трепетъ сознанья
Я гдѣ-то увидѣлъ кресты...

...Несли меня... бережно клали...
И вотъ надо мною сестра
Лепечетъ съ улыбкой печали:
„Вы были героемъ вчера“...

(Алексѣй Липецкій. „Б. В.“)

Молитва.

Слабо мерцала лампада;
Дождикъ въ окошко стучалъ;
Вѣтеръ, чуть чуть завывая,
Въ щели окна проникалъ.
Холодно въ комнаткѣ бѣдной,
Все про нужду здѣсь твердитъ,
Видно могучей судьбою
Сей уголокъ позабытъ.
Предъ почернѣвшей иконой
Тихо молилась вдова:
„Боже, помоги мнѣ несчастной“,
Слабо шептали уста.
„Вражеской смертною пулей
„Мужъ мой любимый убитъ,
„Тамъ же на полѣ кровавомъ
„Сынъ мой единственный спитъ.
„Я ужъ теперь потеряла
„Все, чѣмъ на свѣтѣ жила,
„Все, что такъ сильно любила,
„Родинѣ я отдала...
„Но я не плачу; о Боже!
„Дай только силы Ты мнѣ,
„Я съ Твоей помощью тоже
„Буду на этой войнѣ.
„Смѣло возьму я крестъ въ руки,

„Смѣло туда я пойду,
„Тамъ я избавлюсь отъ муки
„И утѣшенье найду.
„Тамъ, за страну гдѣ родную
„Борятся братья мои
„Тамъ льется кровь гдѣ ручьями
„Дни я свои доживу.
„Дай же возможность мнѣ, Боже,
„Дай только силы ты мнѣ.
„Я съ Твоей помощью тоже
„Буду на этой войнѣ!“
Долго такъ Богу молилась
Въ комнаткѣ бѣдной она,
Всю ночь лампада теплилась,
Вѣтеръ свистѣлъ у окна.

(Нина Шебалдина)

Въ полевомъ лазаретѣ.

Ночь порветъ наболѣвшія нити.
Врядъ ли ихъ дотянуть до утра.
Я прошу объ одномъ, напишите,
Напишите три строчки, сестра.
Вотъ вамъ адресъ жены моей бѣдной.
Напишите ей нѣсколько словъ,
Что я въ руку контуженъ безвредно,
Поправляюсь и буду здоровъ.
Напишите, что мальчика Вову
Я цѣлую, какъ только могу,
И австрійскую каску изъ Львова
Я въ подарокъ ему берегу.
А отцу напишите отдѣльно,
Какъ прославленъ нашъ доблестный полкъ,
И что въ грудь я былъ раненъ смертельно,
Исполняя мой воинскій долгъ.

(Сергѣй Копыткинъ. „Н. В.“)

Волчекъ.

Увязалась собаченка
За солдатами въ походъ.
Передъ ротой лаетъ звонко,
Рвется яростно впередъ.

Намъ въ строю одна потѣха
Надъ собачкой. Путь далекъ,
Много шутокъ, много смѣха:
— Ай, да воинъ! Ай, Волчекъ!

Ночь. Во рву подъ дикой грушей
Спитъ усталый бивуакъ.
Эй, солдатъ, не спи—послушай,—
Чьи шаги скрываетъ мракъ!...

Кто-то крадется и глухо
Мѣтитъ жерла батарей...
Нашъ Волчекъ наставилъ ухо...
Эй, солдатики, скорѣй!..

Все тревожнѣй, все упорнѣй
Лаетъ, хочетъ всѣхъ поднять,—
Одного за платье дернетъ,
А того за палецъ хвать...

Встала рота.—Что-то, братцы,
Не спроста дуритъ Волчекъ!..
Чуть за ружья стали браться,—
Глядь,—а нѣмецъ недалекъ...

Грянулъ залпъ, и вражью роту
Встрѣтилъ грудью нашъ отрядъ;
Гнали долго по болоту,
Мѣтокъ русскій былъ зарядъ!..

Кончивъ дѣло, отдохнули.
Славно, братцы! Кто-жъ помогъ
Намъ спастись отъ вражьей пули?
Гдѣ, ребята, нашъ Волчекъ?

Глядь,—собака средь поляны,
Гдѣ рѣдѣетъ полутьма,
У солдата лижетъ раны,
Пулей ранена сама.

Наклонились и, повѣрьте,
Слезъ не сдержатъ, смущены,
Передъ Господомъ и смертью—
Всѣ созданія равны...

(А. Веснинъ „Сол. Р.")

* * *

Онъ съ любопытствомъ смотритъ прямо
Австрійцу плѣнному въ лицо.
— Что, отощалъ? Трудненько, знамо...
Возьми-ка булку да яйцо...

И добродушная усмѣшка
Кривитъ безцвѣтныя черты.
— Ну, не робѣй, миляга, ѣшь-ка!
Чай за отчизну шелъ и ты.

И сплюнувъ, закуривъ махорку,
Забывъ про шашку и про штыкъ,
Отходитъ бравый нашъ Егорка,
Великорусскій нашъ мужикъ.

Косится врагъ пытливымъ глазомъ:
Вотъ онъ, внушавшій дикій страхъ—
Такой жестокій по разсказамъ,
Такой стремительный въ бояхъ...

Ребячій смѣхъ въ лицѣ нескладномъ,
И въ ухѣ бѣлая серьга...
И вдругъ смущеніемъ отраднымъ
Трепещетъ сердце у врага.

Онъ жестомъ силится отвѣтить
Солдату, вставшему вдали:
— Спасибо, братъ! Теперь мы дѣти
Единой матери—земли!..

(Дм. Цензоръ. „Огонекъ")

Жена запаснаго.

Она стояла предо мной,
И смуглость блѣдныхъ щекъ
Своею яркой бѣлизной
Подчеркивалъ платокъ.
Почти монашескій нарядъ
Смиренный былъ на ней;
Но кроткій и глубокій взглядъ
Былъ яркихъ звѣздъ яснѣй.

„Я прожила съ нимъ столько лѣтъ,
Какъ-будто день одинъ...
Онъ для меня былъ жизнь и свѣтъ,
Мой другъ и господинъ.
Онъ былъ такъ добръ... Любилъ дѣтей,
Любилъ цвѣты и пчелъ;
При школѣ маленькой своей
Чудесный садъ развелъ.
Бывало, каждую весну
Самъ въ полѣ, самъ въ саду...
Теперь ушелъ онъ на войну,
А я живу и жду.
Все безъ него, какъ и при немъ:
И ягоды, и медъ...
Мы съ сыномъ молимся вдвоемъ
И вѣримъ: онъ придетъ.
Пусть знаетъ тамъ, что, какъ могу,
Заботой и трудомъ
Ему я сына сберегу,
И садъ, и скромный домъ.
И какъ я поливаю садъ,
Какъ берегу я пчелъ!
Когда придетъ,—онъ будетъ радъ...
Но только бъ онъ пришелъ!..“.

(„Р. С.“)

Мысли въ окопахъ.

Тамъ, гдѣ горный ручей
Въ Жендриховкѣ своей
Словно змѣй въ тишинѣ извивается,
Тамъ въ Карпатскихъ горахъ,
Какъ отшельникъ монахъ,
Полкъ нашъ въ нѣдра земли зарывается.
Тишь нѣмая кругомъ...
Нашъ солдатъ на посту,
Весь въ снѣгу, чуть виднѣется,
Но... мечтаетъ о томъ,
Какъ сразится съ врагомъ;
На побѣду всегда онъ надѣется.
Русь святая моя,
И ты, Батюшка Царь!
Не страшны намъ вражьи оковы.
Какъ и прадѣды въ старь,
Вѣрьте намъ,
Лечь костьми мы за Васъ всѣ готовы.

(Н. В. В.)

* * *

Падаютъ на землю трупы за трупами,
Льется потоками кровь.
Все испещрено вкругъ уже грудами
Мертвыхъ солдатъ—молодцовъ.
Слышатся выстрѣлы жуткіе, рѣзкіе,
Слышится раненыхъ стонъ:
Съ свистомъ летятъ всюду пули смертельныя,
Виденъ ужъ сильный уронъ.
Много героевъ уснуло на вѣки
Въ битвѣ кровавой войны,
И по землѣ текли крови потоки,
Но не сдавались они.
Нѣтъ, нѣтъ... Въ груди еще каждаго воина
Сильный лежалъ талисманъ:
До самой смерти слова „Царь“ и „Родина“
Каждый солдатъ повторялъ.
Смѣло и съ радостью на смерть шли воины,
Ихъ не страшилъ пушекъ громъ,
Думы ихъ были о благѣ лишь родины
И торжествѣ надъ врагомъ.

(Изъ газ.)

Изъ солдатской поэзіи.

I.

Надъ землей нависли тучи,
Пронеслось слово—„война“.
И на Русь враговъ жестокихъ
Устремилася волна.
Русь великая встряхнулась,
Получивъ царскій приказъ,
И могучія дружины
Сформированы изъ насъ.
Всѣ мы встанемъ на защиту
Милой родины, Царя,
Будемъ биться мы съ врагами,
Своей жизни не щадя.
Наши семьи будутъ дома
Обезпечены Царемъ,
Всѣ заботы Царя зная,
Въ бой мы весело идемъ.

И съ надеждою на Бога
Крестъ нашъ свято понесемъ,
За Царя, за Русь святую
Мы со славою умремъ.
Врагъ узнаетъ мощь Россіи,
Силу русскаго штыка,
Воевать впередъ съ Россіей
Онъ отвыкнетъ навсегда.
Ужъ австрійцы испытали,
Сила Руси какова,
Да узнаютъ и германцы,
Ихъ ведетъ къ тому судьба.
Русь съ надеждою на Бога,
Чтя любимаго Царя,
Никогда врагомъ коварнымъ
Побѣжденной не была.

(Ефрейторъ Андрей Балагуровъ. „Н. В.")

II.

Подвигъ бомбардира Семена Благинина.

Близъ окоповъ батарей
Случай тамъ случился:
Къ намъ съ германской стороны
Чемоданъ ввалился.
Разорвался онъ на части,
Части разнеслися,
А горючи вещества
Отъ пламени взялися.
Вразъ солома загорѣлась,
Горятъ и патроны,
А солдаты съ батареи
У насъ не вороны.
Смекнувъ дѣло это вразъ:
Для насъ будетъ плохо—
Вмѣстъ того, чтобъ
Отличиться—назовутъ Тимохой.
Первымъ вылѣзъ изъ окопа
Бомбардиръ Благининъ.
Затушилъ быстро солому
И клочки откинулъ.

Долгъ присяги онъ исполнилъ—
Случай это вѣрный
Для товарищей своихъ
Будетъ всѣмъ примѣрный.
Спасъ онъ въ ящикахъ патроны
И вблизи всѣ пушки,
Чтобъ германцы не играли
Въ такія игрушки.
Если бъ въ ящикахъ патроны
Быстро въ мигъ взорвались,
А германцы все на насъ
Весело смѣялись,—
Для нихъ было бъ это дѣло
Хорошей мишенью,
Тутъ на мѣстѣ бъ насъ разбили бъ
Въ окопахъ подъ тѣнью.

(Бомбардиръ-лаборатористъ Иванъ Павловъ. „П. В.“)

ГЛАВА V.

Юмористика и курьезы.

На войнѣ, среди ужасовъ и смерти, случаются сценки, доставляющія нашимъ воинамъ нѣсколько веселыхъ минутъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ такихъ сценокъ.

«Бомбомъ билъ!»

Раненые разсказываютъ о призванномъ изъ запаса татаринѣ Ахметкѣ, пользовавшемся большимъ успѣхомъ во взводѣ за то, что былъ въ персидскомъ походѣ. Онъ почти всегда первый замѣчалъ непріятеля.

— Нэмецъ голова показалъ. Прыкажи, баринъ: плы!

Эта команда „плы“! ему особенно нравилась.

Пошелъ Ахметка въ лѣсокъ и натолкнулся на австрійскаго развѣдчика. У того въ рукахъ была винтовка. Ахметка шелъ съ голыми руками, но, увидѣвъ врага, онъ „разсердился“, и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, кинулся на него, повалилъ и началъ тузить его кулаками. Еле-еле австріецъ вырвался. Убѣжалъ и оставилъ въ рукахъ Ахметки свою винтовку. Вернувшись со своимъ трофеемъ, Ахметка показалъ солдатамъ свой огромный кулачище и пояснилъ:

Бомбомъ билъ! („В. П. Г.“)

Страшныя собаки.

Ф. И. Шаляпинъ разсказалъ такой анекдотъ:

Въ штабѣ русской арміи допрашиваютъ плѣннаго австрійца—есть ли въ этой мѣстности дорога, по которой могъ бы пройти корпусъ.

— Дорога есть,—отвѣчаетъ австріецъ,—но только проѣхать могутъ лишь кавалерія и артиллерія, а пѣхота не можетъ...

— Почему же?

— Видите ли—тамъ въ деревнѣ есть собаки... („Солн. Рос.“)

Мнимо-умершій.

Бои длились нѣсколько дней. Мы были всѣ очень утомлены. Немилосердно клонило ко сну. Наконецъ, бѣшеная канонада стихла, и насталъ перерывъ. Большинство изъ насъ, гдѣ попало, размѣстились спать.

Все сразу утихло. Прошелъ часъ, другой, и вдругъ невдалекѣ падаетъ на землю снарядъ и съ страшнымъ шумомъ разрывается.

Когда разсѣялся дымъ, я спрашиваю своего ординарца:

— Нѣтъ ли раненыхъ?

— Такъ точно, есть, ваше благородіе.

— Кто?

— Вольноопредѣляющагося разорвало, ваше высокородіе.

Иду вмѣстѣ съ нимъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежитъ голова молодого человѣка, тѣла же совершенно не видно.

— Носильщиковъ!

Приходятъ носильщики. Осторожно берутся за голову руками и вдругъ, въ это время голова повертывается, глаза открываются и слышится сердитый голосъ:

— Осторожнѣй, чортъ возьми! Не задѣвши и пройти не можете.

Вольноопредѣляющійся оказался живымъ и совершенно неповрежденнымъ.

Передъ тѣмъ, какъ заснуть, онъ легъ въ ложбинку, а голову положилъ на небольшой пригорокъ, а разорвавшійся рядомъ съ нимъ снарядъ покрылъ его всего землею. („Б. В.“)

Кавказцы на войнѣ.

Въ печати неоднократно появлялись свѣдѣнія о жизни кавказской дивизіи, которую для краткости называютъ „дикой“. Сыны горъ послали на фронтъ весь цвѣтъ своей молодежи, всѣхъ самыхъ испытанныхъ джигитовъ.

Разсказы о „наивности“ этихъ бородатыхъ дѣтей граничатъ съ анекдотами.

— Одного осетина поставили на часы и приказали никого не пропускать безъ пароля „мыло“. Черезъ нѣкоторое время мимо осетина проходилъ офицеръ.

— Ти куда? Ти „мило“ знаешь?

Офицеръ разсмѣялся:

— Знаю!

— Ну тогда прахады!

Сапоги для Берлина.

„Свѣтъ“ разсказываетъ злободневный анекдотъ, приключившійся, якобы, въ Одессѣ.

Солдатъ проходитъ по улицѣ. За спиной у него новенькіе сапоги. А на ногахъ старые и истертые.

Навстрѣчу генералъ.

— Ты зачѣмъ, братецъ, въ старыхъ сапогахъ, разъ у тебя новые за плечами?

— Сейчасъ надѣвать жалко, ваше превосходительство. Новые надѣну въ Берлинѣ.

Генералъ цѣлуетъ солдата за молодецкій отвѣтъ.

Дипломатъ.

Корреспондентъ „Г. М.“ Вит. Федоровичъ передаетъ слѣдующій эпизодъ, разсказанный офицеромъ.

— Въ нашей ротѣ были установлены очереди развѣдокъ: хочешь—не хочешь, а пожалуйте.

Подъ Л. нужно было опредѣлить цѣпь непріятельскихъ дозоровъ. Передъ нами—лѣсъ, который въ рукахъ австронѣмецкаго корпуса. Ротный вызвалъ пятнадцать человѣкъ, раздѣлилъ ихъ на пять группъ и послалъ пощупать противника.

Одна изъ группъ (четыре человѣка), въ которой былъ и я, намѣтила опушку. Развѣдка была опасной, и мы шли медленно, ощупью, боясь нарваться на непріятельскій пикетъ. Сзади всѣхъ отъ куста къ кусту перебѣгалъ маленькій солдатъ-еврей,—курьезный парень изъ Западнаго края, бывшій у насъ на плохомъ счету.

Вся его тщедушная фигурка, отъ ползущаго шага до вздернутыхъ бровей, представляла, понимаете ли, такую осторожность, будто хотѣла слиться безъ остатка съ встрѣчными кустами и зарослями.

Товарищи ухмылялись, поглядывая на него, и подходя острили:

— Не Абрамъ, а чистый страмъ.

— Вотъ по комъ Георгій плачетъ-то...

А Абрамъ не оставался въ долгу и шипѣлъ въ отвѣтъ скороговоркой:

— Чисто звѣри-идіеты...

Сзади и сбоку не умолкала пулеметная дробь, взвизгивала шрапнель и солидно гудѣли чемоданы.

Солдаты перестали перешептываться. Опушка порѣдѣла и приходилось пробираться ползкомъ: впереди могъ быть пикетъ.

— Ребята!.. Ребя...

Передъ нами выросъ десятокъ синихъ каскетовъ. Не дали опомниться, вырвали ружья, меня хватили прикладомъ такъ, что передъ глазами завертѣлась радужная мельница.

Изъ буковой заросли вышло еще около десятка австрійцевъ.

Понимаете, положеніе хуже губернаторскаго.

Австрійскій фельдфебель первымъ долгомъ принялся обшаривать карманы плѣнныхъ. У нихъ, подлецовъ, всегда такая манера. Когда очередь дошла до Абрама, онъ галантно подставилъ карманы и залопоталъ какимъ-то пьянымъ языкомъ, думаю, отъ страха:

— Вотъ здѣсь. Вотъ тутъ. Но господинъ полковникъ напрасно трудится. Что можетъ быть у солдата? Конечно, это—его долгъ, но только...

Слово „долгъ“ онъ произнесъ такимъ высокимъ фальцетомъ умиленія, что я, несмотря на непріятное положеніе, чуть не фыркнулъ.

Но австріецъ не обращалъ вниманія ни на интонаціи, ни на слова, обшаривалъ шинель, заглянулъ въ шапку и, наконецъ, запустилъ руку за голенище сапога.

Одновременно съ этимъ жестомъ Абрамъ отчаянно завопилъ:

— О-ой!.. Господинъ полковникъ!.. Ради Бога... рана... какая рана!..

Онъ стоналъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, ломалъ себѣ руки такъ, будто пришелъ его послѣдній часъ.

Но солдатъ спокойно копошился за голенищемъ, черезъ минуту извлекъ оттуда поблескивавшіе изъ истертой газетной бумаги золотые часы съ цѣпью и бережно опустилъ ихъ въ карманъ шинели.

— О, какая рана!—произнесъ онъ на ломанномъ русскомъ языкѣ.

Кругомъ засмѣялись.

Нашъ Абрамъ былъ убитъ, растерянъ и лопоталъ что-то о ранѣ, что онъ купилъ часы для сына, но не для какой-нибудь выгоды, что у него ихъ едва было не украли. Потомъ онъ нѣсколько оправился и принялся уговаривать австрійца съ такой убѣдительностью, точно вещь еще не лежала въ карманѣ солдата, и онъ колебался между желаніемъ обладать и совѣстью.

— Берите, господинъ-полковникъ, берите на здоровье... Вещь хорошая. Часы всегда пригодятся, особенно хорошіе часы... Берите, берите... Вотъ тутъ еще есть кое-что...

Онъ сѣлъ въ снѣгъ, снялъ сапогъ, досталъ откуда-то изъ-подъ пятки кошелекъ и протянулъ фельдфебелю:

— Пожалуйста, берите. Не стѣсняйтесь, пожалуйста.

Съ каждымъ движеніемъ, съ каждымъ словомъ его голосъ становился все болѣе увѣреннымъ, загадочнымъ и даже угрожающимъ.

Австріецъ казался нѣсколько обезкураженнымъ; онъ осторожно открылъ кошелекъ, встряхнулъ содержимое, улыбнулся, увидѣвъ самыя обыкновенныя монеты, и сунулъ въ карманъ.

— Ну, дальше?—спросилъ онъ нѣсколько тревожно.

Абрамъ подмигнулъ мнѣ хитро:

— Берутъ—такъ берутъ. Пускай себѣ...

Фельдфебель внимательно и пытливо осмотрѣлъ плѣнныхъ и остановилъ взглядъ на Абрамѣ, который продолжалъ загадочно улыбаться.

— Ну, дальше?—повторилъ австріецъ угрожающе.

— Я—ничего... Я же говорю—берите...

И онъ преувеличенно скосилъ глаза, будто скрывая за этой напускной скромностью что-то недосказанное, тайное, опасное.

— Эй,—ну? Фальшиви чортъ!..

Австріецъ дополнялъ свои скудныя русскія фразы хриплыми ругательствами, на своемъ языкѣ, кипѣлъ раздраженіемъ и тыкалъ концомъ палаша въ лицо Абрама.

Дольше тянуть было нельзя.

— Я скажу, господинъ полковникъ, я скажу... все скажу,—старался уклониться отъ ударовъ Абрамъ.—Я скажу, господинъ... тутъ секретное, господинъ.

Онъ придвинулся къ австрійцу вплотную и зашепталъ прерывисто, но такъ, что слышали всѣ:

— Такое непріятное приключеніе съ вами, г. полковникъ...

— Ну?

— Что дѣлать, г. полковникъ, война—какъ война...

— Ну?

— Тутъ простой случай. Вы, конечно, не виноваты.

—Эй,—ну?!

Съ каждымъ „ну?“ австріецъ багровѣлъ такъ, что, казалось, у него лопнетъ шея у тугого воротника.

— Можетъ быть,—продолжалъ тянуть Абрамъ,—очень можетъ быть, другой бы на вашемъ мѣстѣ поступилъ иначе, г. полковникъ.

— Дьябль!—взвизгнулъ австріецъ.—Дьябль!..

Ударомъ кулака онъ сбилъ тщедушное тѣло Абрама на снѣгъ и выхватилъ палашъ.

— Убейте... хуже... охъ!.. да...—лепеталъ Абрамъ.—Я же говорю... русскимъ языкомъ говорю—наши кругомъ... раньше были ваши, теперь наши...

Онъ показалъ, приподнимаясь, налѣво, направо и прямо передъ собой.

— Сколько?

Какъ рыба, выброшенная на мель, Абрамъ открылъ ротъ и глотнулъ воздухъ, съ усиліемъ выжимая:

— Охъ, много, г. полковникъ... не могу скрыть... и тамъ, и тутъ... и артиллерія, и кавалерія, и казаки...

Или австріецъ былъ писанный дуракъ, или нашъ Абрамъ ловко разыгралъ комедію, но только фельдфебель пошептался съ товарищами, безнадежно махнулъ рукой и подошелъ къ Абраму:

— Вставайте, панъ. Вамъ не больно, панъ. Мы сдаемся. Вотъ оружіе и вещи.

Мы, прямо, опѣшили.

— Принимайте, принимайте!—засуетился Абрамъ.—Господинъ полковникъ лучше васъ знаетъ, что дѣлать. Господинъ полковникъ, господа, впередъ въ двѣ шеренги... Направо!..

Онъ суетился, какъ настоящій вертлявый бѣсъ.

Повернули въ сторону русскихъ окоповъ. Австрійцы шли смѣлымъ, рѣшительнымъ шагомъ, сзади двое сгибались подъ тяжестью двухъ десятковъ ружей, и шествіе заключалъ Абрамъ съ бѣлымъ флагомъ на штыкѣ.

Черезъ полчаса—часъ, я, какъ старшій, рапортовалъ ротному. Абрамъ стоялъ молча, „ѣлъ“ глазами начальство и изрѣдка улыбался.

А ротный хохоталъ:

— Ну, и Абрамъ!.. Бѣдовая башка. Охъ-хо-хо! Дипломатъ. Уморилъ... Быть тебѣ, подлецъ, съ Георгіемъ.

Образцовая дисциплина.

„Петр. Кур.“ разсказываетъ слѣдующій забавный случай.

„Взводъ нашего пѣхотнаго полка подъ командой заурядъ-прапорщика, выполнивъ свои данныя ему порученія, возвращался къ своимъ и шелъ лѣсомъ. Вдругъ, глядь, нѣмцы въ составѣ приблизительно полуроты. Завязалась пере-

стрѣлка, и въ итогѣ большинство нашихъ солдатъ очутились на положеніи плѣнниковъ. Нѣмецкій офицеръ, прекрасно говорившій по-русски, рѣшилъ жестоко посмѣяться надъ плѣнными. Онъ выстроилъ плѣнныхъ въ шеренгу и приказалъ имъ вслѣдъ за его командой и взмахомъ сабли кричать: „Гохъ! Да здравствуетъ великая Германія!“

— Эйнсъ, цвей, дрей!—крикнулъ онъ и взмахнулъ саблей. Однако, наши, какъ одинъ всѣ промолчали.

— Мерзавцы! Свиньи! Такова у васъ дисциплина! Офицера не слушать?! Всѣхъ разстрѣляю, если не будете кричать!—заругался офицеръ.—Ну, кричите!—приказалъ онъ:

— Эйнсъ, цвей...

Вдругъ изъ-за деревьевъ залпъ, другой, третій. Офицеръ и его подчиненные заметались, какъ затравленные звѣри, и хотѣли было бѣжать, но было поздно. Они были въ центрѣ кольца нашихъ драгунъ.

Видя, что спасенія нѣтъ, они побросали ружья и подняли руки.

Черезъ десятъ минутъ, когда выяснилось издѣвательство офицера надъ нашими солдатами, нѣмецкому лейтенанту и его подчиненнымъ было приказано построиться въ шеренгу и кричать по командѣ: „Ура! Да здравствуетъ великая и непобѣдимая Россія!“...

Разъ, два, три!—скомандовалъ ротмистръ и взмахнулъ шашкой.

— Ура! Да здравствуетъ Россія!—крикнулъ офицеръ и его подчиненные, состоявшіе изъ поляковъ, хотя и съ трудомъ, но говорившихъ по-русски.

— Нѣтъ! Не то... пропустили „великая непобѣдимая“... Кричите снова...—приказалъ ротмистръ. — Разъ, два, три!—скомандовалъ онъ.

— Ура! Да здравствуетъ великая и непобѣдимая Россія!—загудѣли голоса.

— Прекрасно. Поздравляю васъ, г. лейтенантъ,—обратился ротмистръ къ нѣмецкому лейтенанту.—Ваши молодцы, какъ и вы лично, превосходно дисциплинированы. Наши солдаты подъ угрозой разстрѣла не хотѣли славить вашего фатерланда, а вы и ваши подчиненные охотно славите матушку-Русь, даже безъ угрозъ... Что и говорить, прекрасная дисциплина!...

Незванный гость.

Стояла зимняя бурная ночь, полная снѣжной мглы.

На передовой линіи тихо, и даже вѣчный гулъ орудій смолкъ, пережидая налетѣвшую вьюгу.

Солдаты въ окопахъ грѣлись, закопавшись въ солому и коротая длинную ночь въ особой солдатской болтовнѣ.

Ротный балагуръ потѣшалъ публику и здоровый, горластый хохотъ иногда смѣшивался съ воемъ и стономъ мятели. И вдругъ съ валика окопа, занесеннаго снѣгомъ до величины порядочной горки—какъ рождественскій подарокъ, оброненный пролетавшимъ гдѣ-то въ небесахъ рождественскимъ дѣдомъ, съ испуганнымъ крикомъ, придавивъ мирно потѣшавшуюся компанію, обрушилась увѣсистая, закутанная въ какія то тряпки фигура.

Солдаты вскочили, нѣкоторые схватились за винтовки — у кого то нашелся электрическій фонарикъ. И вдругъ общій, раскатистый хохотъ разнесся по окопу...

Свалился нѣмецъ — толстый, здоровый нѣмецъ, какой-нибудь почтенный бюргеръ въ мирное время, выброшенный войной въ ряды саксонскаго ландштурма. Въ мятель, когда зги не видно, онъ вылѣзъ изъ своего окопа, чтобы пробраться во вторую линію своихъ нѣмецкихъ окоповъ за присланными изъ Берлина на Рождество подарками. Все это онъ выполнилъ прекрасно — захватилъ то, что можно было захватить изъ съѣстного (большинство нѣмецкихъ рождественскихъ подарковъ состоитъ изъ съѣстного),—остатковъ съѣденнаго ранѣе, ибо нѣмецкое Рождество уже давно наступило—и отправился въ обратный путь.

Но вьюга сбила его. Онъ заблудился, потерялъ направленіе и, окруженный стѣной безпрестанно носящихся въ воздухѣ бѣлыхъ призраковъ, набрелъ на русскій окопъ, чтобы съ трескомъ и крикомъ, разсыпая съѣстные подарки, обрушиться, какъ гоголевскій дьякъ, на болтавшихъ солдатъ...

Я видѣлъ этого нѣмца черезъ нѣсколько часовъ послѣ его неожиданнаго появленія. Онъ еще не совсѣмъ пришелъ въ себя отъ неожиданности, былъ взволнованъ, но уже спокоенъ за свою участь. Способомъ, однимъ солдатамъ извѣстнымъ, ему объяснили, что его не повѣсятъ.

Приведшій его къ офицеру рядовой, бѣлый отъ засыпавшаго его снѣга, обтиралъ обтаявшіе, мокрые усы и лукаво подмигивалъ.

— Ты что?—спросилъ его офицеръ.

— Да какъ же, вашвысокородь, ровно боровъ къ намъ ляпъ въ окопъ... Мѣшочковъ этихъ съ нимъ, пакетиковъ... И все какъ есть жратва — намъ ажно смѣшно стало — ѣли мы, ѣли — вся рота баловалась... Ну, конечное дѣло, ему тоже предложеніе вѣжливо такъ сдѣлали — спервоначалу моталъ головой, не желаю, молъ, послѣ потянулся... („Б. В.“)

Нѣмецкій обѣдъ.

Шелъ ночной бой. Тьму освѣщали только молніи артиллерійскихъ снарядовъ. Одна позиція переходила изъ рукъ въ руки. Русскіе то занимали ее, то теряли подъ напоромъ превосходныхъ силъ германцевъ и австрійцевъ. Работали штыки. Люди въ темнотѣ распарывали другъ другу груди, сплетались другъ съ другомъ въ одинъ комокъ, рвали зубами противника и падали внизъ, увлеченные общимъ потокомъ. Въ яростной борьбѣ проходила ночь. Никто не хотѣлъ уступить мѣсто противнику.

Наконецъ наступило затишье. Въ это время къ позиціи подъѣхала солдатская кухня. Тыловое начальство захотѣло обрадовать солдатъ горячимъ обѣдомъ. Кашеваръ подскакалъ къ позиціи и громко закричалъ:—Обѣдъ! Обѣдъ! Подставляйте чашки!—Изъ окоповъ вышли люди съ чашками. Кашеваръ наливалъ имъ горячій сытный бульонъ и весело хохоталъ, разсказывая что-то о „русскихъ свиньяхъ“ и иронизируя надъ солдатской прожорливостью. Солдаты были молчаливы. Никто не проронилъ слова. Когда они поѣли, кашеваръ весело сѣлъ на передокъ и ударилъ лошадь. Но она не сдвинулась съ мѣста.

— Что тамъ такое?

Лошадь держали подъ уздцы.

— Ну, не шалите!..

Къ кашевару подошли два солдата, и онъ къ ужасу своему увидалъ русскихъ и понялъ, что онъ на русской позиціи. Накормилъ русскихъ, думая, что онъ кормитъ своихъ!

— Поѣзжай въ штабъ дивизіи — приказали ему и дали двухъ конвойныхъ. Онъ уныло поплелся съ солдатской кухней въ нашъ лагерь. Оказалось, что когда бульонъ варился, позиція принадлежала противнику. А когда онъ поспѣлъ, позиція перешла уже въ русскія руки. Кашеваръ въ темнотѣ не могъ разобраться въ положеніи. Русскіе отдыхали, когда онъ подъѣхалъ къ нимъ и обрадовалъ крикомъ: „Обѣдъ! Обѣдъ!“ Мигомъ сообразили въ чемъ дѣло и, несмотря на страшную усталость, захотѣли подшутить.

— Ребята, молчите и ѣшьте!

Молчали и ѣли. И съѣли нѣмецкій обѣдъ. („Пр. и Л.“)

«Не понашенскому».

Черное поле, изрѣзанное, словно ножемъ, линіями окоповъ нашихъ и нѣмецкихъ, было постоянно задернуто мелкой сѣткой холоднаго, осенняго дождя...

Лежали въ нихъ уже пятеро сутокъ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ, и пятеро сутокъ сыпалась съ неба водяная пыль, и на днѣ окоповъ стояло цѣлое озеро воды.

За эти дни вынужденнаго бездѣйствія и сидѣнья въ мокрыхъ и холодныхъ окопахъ солдаты привыкли къ лишеніямъ, холоду и сырости и даже приспособились къ нѣкоторымъ неудобствамъ.

Стрѣляли рѣдко, иногда только обмѣниваясь лѣнивыми выстрѣлами въ ожиданіи приказанія начинать болѣе энергичныя дѣйствія...

Но приказаніе все не приходило...

И коротали время бесѣдами, питьемъ чаю и гармоникой, словно совсѣмъ забывая объ опасности, стерегущей ихъ каждую минуту.

По вечерамъ очередная смѣна, которой позволено было отдыхать, ходила въ ближайшую деревню, покинутую жителями и лежавшую между нашими и нѣмецкими цѣпями...

Въ брошенныхъ сараяхъ и просто на дворахъ набирали соломы и сѣна и тащили ихъ въ окопы, чтобы хоть немного прикрыть лужи... Въ ту же деревню повадились ходить и нѣмцы... Они искали той же соломы, потому что въ окопахъ ихъ тоже стояла вода и ихъ также мучилъ холодъ...

И русскіе солдаты часто встрѣчались въ деревнѣ съ нѣмцами, пробиравшимися вдоль стѣнъ, какъ темныя тѣни, но здѣсь почему-то не чувствовалась вражда между ними, они молча проходили другъ мимо друга, забирали спокойно каждый свою ношу и такъ же безмолвно уходили обратно...

Рядовой Прошкинъ тоже черезъ день ходилъ въ деревню за соломой, онъ тоже встрѣчалъ тамъ каждую ночь нѣмецкихъ солдатъ и, какъ и остальные, не чувствовалъ къ нимъ ни ненависти, ни враждебности...

И вотъ, въ одну ночь, темную и дождливую, случайно столкнулись они — русскій Прошкинъ и нѣмецкій Фрицъ, или Карлъ—надъ послѣдней охапкой мокраго, жидкаго сѣна, безцѣнно дорогого въ эту минуту...

Оба вцѣпились въ добычу и горячо заговорили каждый на своемъ языкѣ...

Нѣмецъ лопоталъ что-то быстро-быстро, совершенно непонятное солдату, а Прошкинъ не выпускалъ сѣна, горячо возражая ему:

— Ты, братъ, не говори... Я знаю, ты говорить-то гораздъ... А только сѣно я первый взялъ... Мнѣ его и отдай... Такъ, братъ, нельзя, это не по честному...

Но нѣмецъ вдругъ озлился, онъ бросилъ добычу и ударилъ быстро и сильно выхваченнымъ изъ-за пояса штыкомъ русскаго въ плечо...

Прошкинъ не упалъ, онъ подхватилъ подъ мышку сѣно, размахнулся и могучимъ кулакомъ съ плеча закатилъ нѣмцу такую затрещину, что тотъ даже присѣлъ на землю и какъ-то смѣшно по-свинячьему захрюкалъ.

Между тѣмъ, Прошкинъ уже уходилъ спокойный и незлобный.

— Ишь, собачій сынъ, все миромъ, миромъ, а потомъ вдругъ да штыкомъ... Это не по нашенскому, не по честному... („Б. В.“)

Георгіевскій кавалеръ и... крыса.

Одинъ изъ штабныхъ офицеровъ разсказываетъ:

— Былъ у насъ при штабѣ корпуса совсѣмъ еще юный развѣдчикъ. Явился онъ добровольцемъ и послѣ усиленныхъ хлопотъ былъ зачисленъ.

Неутомимость необычайная: не слѣзалъ съ лошади, принимая участіе въ самыхъ рискованныхъ развѣдкахъ. Всюду первый, всюду примѣръ подаетъ.

Василій какъ звали юношу, былъ всеобщимъ любимцемъ за свои храбрость, находчивость и расторопность.

Веселый, жизнерадостный юноша вносилъ всюду съ собой оживленіе и смѣхъ, не взирая на всѣ трудности походной боевой жизни.

Былъ уже георгіевскимъ кавалеромъ, получивъ медаль и крестъ.

Остановился какъ-то нашъ штабъ въ помѣщичьемъ домѣ. Команда развѣдчиковъ помѣстилась за отсутствіемъ другого помѣщенія въ хлѣбномъ амбарѣ.

Пришли, расположились.

Послѣ ночной развѣдки, въ которой принялъ участіе и Василій Г., стоившей нѣсколькихъ человѣкъ, когда команда ушла изъ непріятельскихъ рукъ только благодаря своей беззавѣтной храбрости и находчивости, развѣдчики полегли спать.

Василій Г. легъ съ краю на соломѣ.

Вдругъ вскакиваетъ со страшнымъ визгомъ и крикомъ:

— Ой, мама, мама, крыса!

Солдаты подняли его на-смѣхъ:

— Вотъ такъ герой! Георгіевскій кавалеръ, а крысы испугался!

Тотъ — въ плачъ. Дальше — больше. Стали уговаривать его. Ничего не помогаетъ.

Приходитъ врачъ.

Отнесли въ лазаретъ, и тутъ неожиданное открытіе:

Василій оказался восемнадцатилѣтней дѣвушкой.

Въ штабѣ переполохъ. Всѣ лѣзутъ въ лазаретъ посмотрѣть на „Василія“.

Позвали къ корпусному. Чистосердечно разсказала о своемъ побѣгѣ изъ дому по документамъ жениха.

— Я ничего не боюсь, ваше высокопревосходительство, только мышей и крысъ!—наивно заявила она.

„Василія“ въ тотъ же день отправили на одинъ изъ ближайшихъ пунктовъ „Краснаго Креста“, гдѣ этотъ юный доброволецъ съ жаромъ взялся за новое дѣло. („Б. В.“)

Бабы отличились.

На югѣ, на нашей пограничной станціи Бамель спустился австрійскій аэропланъ. Къ мѣсту спуска корабля сбѣжалась масса бабъ, и онѣ съ кулаками набросились на вражьихъ летчиковъ, несмотря на то, что послѣдніе, видя столь большое, хотя и дамское общество, не задумались выхватить свои браунинги для самозащиты. Бабы не допустили австрійцевъ до стрѣльбы: одна часть бабъ „обхватила“ силой летчиковъ, а другая — „придержала“ аэропланъ, пока на крики бабъ не подошли патрули.

Бабы взяли непріятельскій корабль съ экипажемъ, да живьемъ! Вотъ посмѣялись то отъ души наши солдаты, когда дошла до биваковъ эта вѣсть!

Бабы прямо противъ пословицы пошли. Пословица говоритъ: не пѣть курицѣ пѣтухомъ и не владѣть бабѣ мужикомъ, а на — вотъ — бабы австрійцевъ забрали. Отличились на славу! („Р. И.“).

Храбрый австріецъ.

— Былъ съ нами такой курьезный случай, — разсказываетъ участникъ войны въ „Н. В.“,—приходимъ мы въ одну маленькую галиційскую деревушку, сильно побитую снарядами. Крестьяне мирно работаютъ, чинятъ разоренныя

хатки, а тѣ, у которыхъ цѣлы, картошку на поляхъ собираютъ. По этимъ полямъ кавалерія и артиллерія прошла, такъ отъ картошки какіе-то лоскутки остались, а мѣстами, такъ прямо пюре. А все таки собираютъ, ужъ очень ихъ австрійцы обездолили, всѣ съѣстные припасы и живность съ собой забрали. Расположились мы на бивакъ, кухни разставили и даже крестьянъ накормили. Прилегъ я заснуть (остановился у какой-то дряхлой старушки на околицѣ села). Не успѣлъ задремать, какъ входитъ моя хозяйка и проситъ со слезами на глазахъ взять въ плѣнъ австріяка-солдата, онъ у нея второй день въ картофельной ямѣ лежитъ, и проситъ отдать въ плѣнъ русскимъ, какъ они придутъ. Ну, сказалъ, чтобъ привела его. Черезъ минутъ десять вводитъ моя старушка браваго такого кавалериста, ну, что же это и за видъ былъ. Кивера нѣтъ, а все лицо, руки, мундиръ покрыто сплошь комьями грязи и глины. Пришелъ и бухъ въ ноги, плачетъ, проситъ не убивать и разсказываетъ на ломаномъ малороссійскомъ языкѣ о своихъ приключеніяхъ. Ихъ разъѣздъ попалъ на казачій въ двухъ верстахъ отъ деревни на берегу болотистой рѣчки. Произошла схватка, австрійцевъ разбили, а его лошадь сбросила. Онъ поднялся, да бѣгомъ къ мосту, забрался подъ него, вырылъ ямку и засѣлъ. Просидѣлъ онъ подъ мостомъ до ночи. Надъ нимъ проходили австрійскія войска, а нашихъ нѣтъ. Боялся очень, чтобы моста не стали взрывать. Съ наступленіемъ ночи добрался ползкомъ до деревни и упросилъ старуху спрятать до прихода русскихъ войскъ. Такъ два дня въ ямѣ и пролежалъ. Я приказалъ вѣстовому накормить его и дать вымыться. Часа черезъ два спрашиваю, какъ чувствуетъ себя плѣнный.—Да, что, ваше благородіе, сначала какъ бы опасался, а теперь наѣлся, сидитъ, мундиръ чинитъ, пѣсни поетъ и насъ благодаритъ. Такой дюжій, а смѣшной.—Пошелъ самъ посмотрѣть. Вижу, дѣйствительно, совсѣмъ освоился, солдадиковъ смѣшитъ и самъ веселешенекъ.

Ловля австрійцевъ на сало.

По словамъ „Б. В.“ офицеръ-участникъ войны на австрійскомъ фронтѣ пишетъ въ частномъ письмѣ:

... Хочешь разскажу, какъ мы ловили австріяковъ на сало.

Передъ фортомъ ихъ окопы, отъ нашихъ окоповъ шаговъ 700—800. Вотъ сидимъ мы какъ-то въ землянкѣ и закусываемъ саломъ. Скука страшная. Я, шутя, говорю:

— Что далъ бы австріякъ за кусокъ сала?

Недолго думая, мы забрали кусокъ сала и, ползя на животѣ, ночью добрались поближе къ ихъ окопамъ, завернули сало въ бѣлую бумагу и положили. На палочкѣ оставили бумажный флагъ съ надписью по-нѣмецки, что желаемъ добраго аппетита. Цѣлый день сало лежало и, только когда стемнѣло, мы увидѣли, какъ австріяки готовятся добраться до флага.

Впереди идетъ одинъ безъ винтовки, за нимъ человѣкъ 15 съ винтовками ползутъ. Добрался до сала, взялъ сало и флагъ и давай Богъ ноги. Мы, конечно, ни одного выстрѣла не дали, но хохотали до боли живота. Такъ мы ихъ угощали саломъ три дня.

На четвертый день насъ, офицеровъ, собралось 3 человѣка, забрали ночью кусковъ 10—15 сала и полѣзли.

Выкопали 7 ямъ глубиною аршина $1^1/_2$ кажется. Сверху положили крестъ изъ тонкой папки, забросали снѣгомъ, а въ самую середину—сало. Подходитъ вечеръ. Австріяки уже храбро безъ винтовокъ привыкли ходить за саломъ, идутъ, а наши солдаты лежали, покрытые бѣлой простыней, шагахъ въ 8 отъ ямъ и сала. И вотъ тутъ-то и началась комедія. 3—4 австріяка наступили на папку и, конечно, провалились въ яму вмѣстѣ съ саломъ, а другіе такъ обалдѣли, что, когда наши молодцы вскочили изъ-подъ простыни, дали себя безропотно взять въ плѣнъ. Другихъ вытащили. Весь уловъ состоялъ изъ 11 австріяковъ. Умора была страшная. Мы три дня хохотали.

ГЛАВА VI.

Юмористическія стихотворенія.

Герой.

Все поетъ красотка Мина,
Все поетъ.
И печально у камина
Слезъ не льетъ.
Отчего у Мины мина
Весела?
Отчего красотка Мина
Расцвѣла?
Отчего горятъ и уши,
И лицо?
Получилось отъ Карлуши
Письмецо.
Ахъ, прислалъ письмо любимый
Лейтенантъ.
Пострадалъ онъ за родимый
Фатерландъ.

— „Отъ макушки и до пятки
Весь я твой,
А пишу письмо изъ Вятки
Снѣговой.
Впечатлѣній новыхъ масса...
Плѣннымъ тутъ
Каждый день дается мяса
Цѣлый пудъ.
Хороша неволя наша!
Сущій рай!
Борщъ, блины и съ саломъ каша...
Черезъ край!
Гдѣ-то тамъ бои Мааса,
Львовъ да Льежъ...
А у насъ и щи, и мясо...
Ѣшь да ѣшь!

Говорятъ, что будто скоро
Пасъ войнѣ,
Отъ такого отъ позора
Тошно мнѣ.
Нужно бить враговъ остатки,
Помнить честь!
Кстати мяса въ этой Вяткѣ
Ввѣкъ не съѣсть.
Тутъ и каша, и свинина,—
Все горой!
О, прощай, красотка Мина...
Твой герой“...

(Е. Вѣнскій „С. Р.“)

Тевтонскія риѳмы.

Вильгельмъ усы покручивалъ
И грозно возгласилъ:
„Лети, катись покруче, валъ
Моихъ несмѣтныхъ силъ!
Міръ удивляемъ, Францъ и я,
Летимъ, какъ вихрь, впередъ,
Вотъ, только эта Франція
Сдержала мой полетъ.
И Бельгія ничтожная
Мнѣ не дала дорогъ.
Постой, неосторожная:
Я справедливъ, но строгъ...
И двѣ страны презрѣнныя
Достойно наказалъ:
Музеи драгоцѣнные,
Соборы разстрѣлялъ.
Пусть спрашиваетъ Англія,
Нравъ осуждая мой,
Ужъ не орангъ-утангъ ли я,
Тиръ-Гартена герой?
Безтактныя сравненія
Я очень не люблю
И бриттовъ, безъ сомнѣнія,
Въ недѣлю утоплю.
Отпоръ упрямства русскаго
Останется сломить,
И генерала Рузскаго
Къ Уралу оттѣснить.

Изъ Бельгіи и Франціи
Все до послѣднихъ су
Возьмутъ солдаты въ ранцы, и
Я рѣчь произнесу:
„Мои герои сильные,
Нужна Россія мнѣ,—
Трофеи васъ обильные
Ждутъ въ варварской странѣ.
Пусть ваши пули мѣткія
Летятъ по всей землѣ.
Хочу поѣсть котлетки я
Въ Московскомъ ихъ Кремлѣ.
А вамъ для разоренія
Отдамъ ихъ города.
Войной всѣ преступленія
Оправданы, о, да!
За мной, впередъ, товарищи!
Не даромъ я тевтонъ".
„Бей, жги, ломай, товаръ ищи!"—
Отвѣтятъ мнѣ тѣ въ тонъ.
Такъ вотъ, что намъ готовится...
Крутой у нѣмца нравъ!
Въ Берлинѣ есть пословица:
„Кто нѣмецъ—тотъ и правъ".

(П. Соловьева „Б. В.")

Прусско-австрійская пѣсня.

Эй, пруссаки, бравые вояки
Гдѣ же ваши пушки?
Наши пушки—въ польской деревушкѣ,
Сплыли наши пушки!

Эй, пруссаки, грозные рубаки,
Гдѣ у васъ трофеи?
Что трофеи! Дали намъ по шеѣ,
Вотъ и всѣ трофеи!

Эй, пруссаки, братцы-забіяки,
Сытно-ль вамъ въ Парижѣ?
Нѣтъ, мы не въ Парижѣ,—прежде были ближе...
А теперь—поди же!

Эй, австріяки, рѣзвые рубаки,
Цѣлъ ли старый Краковъ?
Старый Краковъ ждетъ къ себѣ казаковъ,
Отдадимъ и Краковъ!..

Эй, австріяки, хлопцы-забіяки,
Какъ тамъ ваша Вѣна?
Наша Вѣна ожидаетъ плѣна,
Труситъ наша Вѣна...

(Д-ръ Фрикенъ. „Б. В.“)

Размолвка.

— Какъ намъ быть, сосѣдушка?
Намъ съ тобой трудненько!
— Не печалься, дѣдушка,
Потерпи маленько.

— Охъ, боюсь сосѣдушка!
Долго ль взять имъ Краковъ?
— Одолжи мнѣ, дѣдушка,
Корпусъ австріяковъ!

— Ты сгубилъ, сосѣдушка,
Много нашей рати.
— Не ворчи-ка, дѣдушка,
Лежа на кровати.

Самъ ты знаешь, дѣдушка,
Робокъ твой народецъ!—
— Да и ты, сосѣдушка,
Горе-полководецъ!

(Д-ръ Фрикенъ. „Б. В.“)

Колыбельная пѣсня.

Спи, кронпринцикъ мой прекрасный!
Баюшки-баю.
Твой папаша смотритъ властный
Въ душеньку твою.

Стану сказывать я сказки,
Самъ ихъ сочиню.
Туркамъ сдѣлаю я глазки,
Баюшки-баю.
По пескамъ струится Варта,
Вспять идетъ ландверъ,
Злой казакъ въ пылу азарта
Лѣзетъ дикъ и сѣръ.
Но отецъ твой—Цезарь Юлій,
Я-те говорю!—
Не страшатъ меня и пули...
Баюшки-баю.
Самъ увидишь—будетъ бремя,
Скверное житье!
Ушибетъ те мамка въ темя,
Дитятко мое!
Я бригады подъ команду
Дамъ тебѣ твою...
Спи на славу фатерланду...
Баюшки-баю.
Солитеръ ты будешь съ виду,
Хулиганъ душой,
Провожать тебя я выйду—
Стянешь золотой.
Сколько ты накрадешь, дѣтка!
Побѣжишь въ бою...
Будешь битымъ ты нерѣдко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Наказанья ждать,
Головой о стѣну биться,
Мольтке призывать.
Стану думать, что въ кутузкѣ
Ты въ чужомъ краю;
Что забралъ тебя самъ Рузскій,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Генераловъ шесть;
Но окажутъ ли подмогу—
Бетманъ самъ не вѣсть!
Но замки ломая въ замкахъ,
Ты въ чужомъ краю—
Позабудь о чести рамкахъ!
Баюшки-баю.

(В. Барятинскій. „Б. В.")

Прусаки и Маланья.

Басня. [1])

Смыслъ басни сей—потомству назиданье,
Чтобъ избѣжать въ дальнѣйшемъ разныхъ бѣдъ.

Собрало какъ-то разъ все царство тараканье
На кухонной стѣнѣ громаднѣйшій совѣтъ.
И вотъ
Весь этотъ сбродъ
Въ сплошномъ кольцѣ на стѣнкѣ, возлѣ печи,
Вождей своихъ въ волненьи слушалъ рѣчи.
Когда же вышелъ тотъ, усы чьи всѣхъ длиннѣй,
Кто значитъ всѣхъ и ловче и умнѣй,
Собранья крикъ настолько сталъ вдругъ громокъ,
Что даже со стѣны пылинокъ пару смелъ,
А зазѣвавшійся одинъ тараканенокъ
Со страху брякнулся на полъ.
Усатый же мудрецъ, вставъ въ позу передъ печью,
Къ собравшимся съ такой отнесся смѣлой рѣчью,
Прекраснѣйшей на всякій строгій вкусъ;
(Не даромъ у него длиннѣйшій въ мірѣ усъ!)
„Послушайте меня, возлюбленныя дѣтки,—
Питаньемъ нашимъ служатъ лишь объѣдки,
А между тѣмъ не мало вкусныхъ блюдъ
Съѣдаетъ людъ!
Но я клянусь грядущею удачей—
Никто не устоитъ предъ храбростью прусачей,
Когда вы лавой ринетесь со мной
На всѣхъ людей побѣдною войной.
А чтобъ не вызывать межъ нами лишнихъ толковъ
Сейчасъ же кухню всю размѣримъ на вершки
И, армію свою раскинувши на полкахъ,
Мы реквизируемъ всѣ миски и горшки!“
Обрадовалось вмигъ все царство тараканье.
Но.....
Кухарка ихъ увидѣла Маланья
И помяломъ огрѣла такъ собранье,
Что на стѣнѣ осталось лишь одно—пятно!

---

[1]) „Лук.“ К. М. Ванюковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

стр.

Августѣйшія сестры милосердія 5

ГЛАВА II.

Эпизоды войны.

Примѣры самообладанія 13
Сибиряки 14
Приключенія трехъ пограничниковъ 16
Путешествіе въ бревнѣ 19
Въ Перемышлѣ 20
Въ окопахъ 21
Бабы спасли 23
Подъ Мезо-Лаборчемъ 24
На Кавказѣ 25
„И на старуху бываетъ проруха“ . . . . . —
Изъ письма черноморскаго офицера 26
Раненые сражаются 28
Нѣмецкіе „подвохи“ . . . . . —
Поддѣльный русскій офицеръ 29
Нападеніе дирижабля . . . . . —
Перемѣна ролей 30
Атака . . . . . —
Какъ погибла канонерка „Сивучъ“ 31
Ранецъ спасъ 32
Поразительные случаи 33
Два дня въ могилѣ 35
Быль, похожая на сказку 36
На развѣдкахъ 37
Въ плѣну у нѣмцевъ 40
Любители русскаго плѣна 51
Письмо 52

ГЛАВА III.

Разное изъ боевой жизни.

	стр.
Въ окопахъ	53
Удушливые газы	54
Дочь полка	57
Окопъ мертвецовъ	—
Бронированные русскіе самоходы	58
Собаки-санитары на войнѣ	61
Изобрѣтатель	—
„Сестрица“	63
Душа русскаго солдата	64
Отношеніе нашихъ солдатъ къ плѣннымъ	67
„Встрѣтились“	70
Женщины-воины	71
Легенды	76

ГЛАВА IV.

Стихотворенія.

Сербскій національный гимнъ	79
Бельгійскій національный гимнъ	80
Болгаріи	81
Видѣніе кайзера	—
Молитва	83
Въ полевомъ лазаретѣ	84
Волчекъ	—
Жена запаснаго	86
Мысли въ окопахъ	87
Изъ солдатской поэзіи	88
Подвигъ бомбардира Семена Благинина	89

ГЛАВА V.

Юмористика и курьезы.

„Бомбомъ билъ“	91
Страшныя собаки	—
Мнимо-умершій	92
Кавказцы на войнѣ	—
Сапоги для Берлина	93
Дипломатъ	—
Образцовая дисциплина	96

стр.
Незванный гость 97
Нѣмецкій обѣдъ 99
„Не понашенскому“ . . . . . —
Георгіевскій кавалеръ и... крыса 101
Бабы отличились 102
Храбрый австріецъ . . . . . —
Ловля австрійцевъ на сало. 103

ГЛАВА VI.

Юмористическія стихотворенія.

Герой 105
Тевтонскія риѳмы. 106
Прусско-австрійская пѣсня. 107
Размолвка 108
Колыбельная пѣсня . . . . . —
Пруссаки и Маланья (басня) 110

Изданія состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА для выдачи пособій потерявшимъ на войнѣ способность къ труду воинамъ.

Петроградъ, Мытнинская ул., 27.

---

1. Большой стѣнной портретъ **Е. И. В. ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, исполненный особымъ способомъ, такъ называемой—„глубокой печати",—дающей эффектъ лучшей дорогостоющей гравюры. Экз. . . . . Цѣна 3 р.

2. Портретъ съ собственноручною подписью **Е. И. В. Великаго Кн. Николая Николаевича**, размѣромъ 25×16 см., исполненный по способу „глубокой печати" и наклеенный на плотную альбомную бумагу . . . . . Цѣна 75 к.

3. Репродукція въ краскахъ съ картины, сост. собственность Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА:

„Единеніе Царя съ народомъ" . . . . . Цѣна 2 р.

Исключительное право репродукціи этой картины принадлежитъ Скобелевскому Комитету.

Великая Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. На память русскому народу Ѳ. Ѳ. Скворцовъ. . . . . Цѣна 40 к.

„Бѣлый генералъ"—М. Д. Скобелевъ.—Въ народныхъ сказаніяхъ со снимками съ народныхъ лубочныхъ картинъ. Л. В. Евдокимовъ. Изданіе 2-е . . . . . Цѣна 40 к.

„Священный стягъ". Сборникъ новыхъ стихотвореній на сюжеты текущихъ военныхъ событій. Дмитрія Цензора. Изданіе 2-е дополненное . . . . . Цѣна 75 к.

„Отзвуки войны". Сборникъ стихотвореній А. К. Съ предисловіемъ автора и приложеніемъ стихотвореній М. Конопницкой: „Къ границѣ". 1915 г. . . . . Цѣна 60 к.

„Зарницы войны". Е. Руссатъ. Повѣсти, разсказы и наброски съ театра военныхъ дѣйствій . . . . . Цѣна 1 р. 25 к.

„Гадины тыла". Н. Н. Брешко-Брешковскій . . . . Цѣна 1 р. 50 к.

„Мирные завоеватели". Маркъ Чертвань. . . . . Цѣна 35 к.

„Пѣсни о нѣмцахъ и туркахъ". В. М. Голиковъ (Wega) . . . . . Цѣна 1 р. 25 к.

„Шпіонъ" по мемуарамъ нѣмецкаго шпіона. Переводъ Е. Руссатъ . . . . . Цѣна 1 р

Какъ австро-венгры вели войну въ Сербіи. Р. А. Рейса . . Ц. 85 к.

Въ тысячелѣтней борьбѣ. А. А. Корнфскій . . . . Цѣна 1 р. 25 к.

Пребываніе въ германскомъ плѣну и геройскій побѣгъ изъ плѣна. К. Ю. Румша . . . . . Цѣна 1 р.

Среди культурныхъ варваровъ. 14 мѣсяцевъ въ германскомъ плѣну. В. Б. Ѳоминъ . . . . . Цѣна 1 р.

„Вторая отечественная война по разсказамъ ея героевъ".

Тщательно подобранный матеріалъ, популярное и вполнѣ литературное изложеніе всѣхъ операцій текущей великой войны, прекрасныя иллюстраціи лучшихъ художниковъ-баталистовъ по фотографіямъ и эскизамъ съ театра военныхъ дѣйствій, четкій, красивый шрифтъ, прекрасная глазированная бумага и роскошный каленкоровый съ золотымъ тисненіемъ переплетъ,—дѣлаютъ эту книгу прекраснымъ настольнымъ украшеніемъ любого салона, а также и необходимой для каждой какъ частной, такъ и общественной или школьной библіотеки.

Цѣна всего изданія (въ 3-хъ томахъ)—10 руб. При выпискѣ или покупкѣ **перваго тома—уплачивается 4 руб., 2-го тома—3 руб. и 3-го тома—3 руб.** Пересылка и упаковка за счетъ покупателя, по дѣйствительной стоимости ихъ.

Наши казаки въ великой борьбѣ народовъ. 2 тома. Собралъ И. Тонконоговъ. . . . . Цѣна тома 1 р.

Повѣсти и разсказы изъ народной жизни и военнаго быта Второй Отечественной войны, сочин. извѣстныхъ русскихъ литераторовъ: Брешко-Брешковскаго, Ап. Коринфскаго, А. Рославлева, А. Ремизова, В. Муйжеля, Будищева, Шишкова, Снѣгиной, Карпова, Ю. Слезкина, Вл. Ленскаго, С. Г. Скитальца, В. Кохановскаго и др. авторовъ. Всего 36 книгъ . . . . . Цѣна 3 р. 60 к.

„Звѣрства противника"—роскошное изданіе, по образцу лучшихъ англійскихъ альбомовъ, со множествомъ фотографій, скомпанованныхъ въ отдѣльные художественно-выполненные листы, и шестью репродукціями съ цвѣтной фотографіи, помѣщенными на особыхъ плотныхъ паспарту. Какъ фотографіи, такъ и текстъ являются результатомъ изслѣдованій фактовъ, первой половины текущей войны. Изслѣдованія эти производились на мѣстахъ, со всею тщательностью и безпристрастіемъ, дабы это изданіе имѣло не временное значеніе, а могло съ полнымъ правомъ считаться серьезнѣйшимъ историческимъ документомъ.

Цѣна альбома—съ упаковкою . . . . . 15 р.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА.

На прекрасной мѣловой крашенной бумагѣ, отпечатанныя въ краскахъ, съ акварелей извѣстныхъ художниковъ: на современныя военныя темы съ фотографій съ фронта и т. д.

Всегда имѣются новинки

по 10 коп. штука. Около 50 различныхъ сюжетовъ.

Заказы Комитетомъ исполняются отъ 50 коп.

При требованіяхъ не менѣе чѣмъ на сумму 2 р. 50 к. пересылка за счетъ Комитета.

Цѣна 1 р. 25 к.

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

фидер 12714
с.1- 115
12.1113